

Не садятся стада покормиться въ лугахъ,
 Межъ собою стада перешептываютъ:
 Вотъ такая-то честь намъ незваннымъ гостямъ,
 Будь ты проклятъ отъ насъ врагъ ощипаной сычъ!
 Не изъ рода орловъ корсиканской пѣтухъ!
 Осрамилъ ты насъ всѣхъ мелкихъ пташекъ своихъ
 Разорилъ, поморилъ, побираться пустилъ;
 Впередъ, пеской ты сынь, не обманешь ужъ насъ!
 Да и кто-же видалъ, да и кто-же слыхалъ,
 Чтобъ ободраной сычъ могъ сразиться съ орломъ?
 Орелъ всѣмъ птицамъ царь, всему свѣту судья!
 А ощипаной сычъ всѣму свѣту—смѣхъ!

Бѣлгородъ. Степанъ Юшковъ.

Своекоштный студентъ Парпура издалъ въ Харьковѣ въ 1811 г. „Слово похвальное Александру Ярославичу Невскому“ (38 страницъ). Посвящено попечителю гр. С. О. Потоцкому; образчикъ ораторскаго произведенія на исторической основѣ, но не хуже многихъ другихъ аналогичныхъ произведеній; слогъ хотя и риторическій, но для своего времени хорошій. Приобрѣвшій кандидатскую степень Иванъ Одинецъ Заставскій перевелъ съ французскаго языка твореніе Демутьера „Утѣшенія“ (1812 г., II, 91) и посвятилъ генераль-лейтенанту Ос. Ив. Хорвату. Наконецъ, въ 1811 году вышелъ въ свѣтъ цѣлый сборникъ студенческихъ работъ подъ заглавіемъ „Сочиненія воспитанниковъ Войска Донскаго въ Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ. Харьковъ. Унив. тип. 33 стр.“. Издатели — студенты Ст. Гречановскій и Вас. Кондратьевъ—посвятили его Донскому атаману Матвѣю Ивановичу Платову и въ посвященіи писали: „первый шагъ къ образованію нашему озаренъ былъ благотвореніемъ Вашего Высокопревосходительства, когда высокій духъ Вашъ неуспяное прилагаетъ стараніе о распространеніи и усилѣхъ познаній въ странѣ, только славящейся воинскою доблестью, кто болѣе всѣхъ въ высочайшей степени долженъ чувствовать бессмертное сіе благодѣяніе, какъ не тѣ, которые уже сами на себѣ видятъ опытъ попеченій вашихъ. Не имѣя силъ къ достойному за оныя возблагодаренію, подносимъ вашему высокопревосходительству сіе первое еще слабое произведеніе нашихъ занятій въ надѣянніи хотя нѣсколько изъяснить вамъ, великій и достославный мужъ, глубочайшую нашу признательность“. Затѣмъ слѣдуетъ прозаическая статья „Описаніе мѣстопробыванія и свойства козаковъ войска Донскаго“ (стр. 9—19), при-

надлежащая перу Гречановскаго. Тутъ дана характеристика козаковъ вообще и донскихъ въ частности. 2-я статья „Зрѣлище во время открытія порта въ Таганрогѣ“—представляетъ картину съ натуры, недурно написанную, особенно въ концѣ.

Когда явятся корабли, тогда „весь знатный Таганрогъ, множество пріѣзжихъ, искушниковъ, любопытныхъ богато убравныхъ представляютъ на обширномъ берегу великолѣпное празднество. Вся биржа превращается въ прекраснѣйшую равнину плодороднѣйшаго изъ архипелага острововъ. Здѣсь цѣлое море лимоновъ, померанцевъ, индійскихъ припностей услаждаютъ обоняніе и взоры; въ другомъ мѣстѣ стоятъ великіе ряды ящиковъ, то съ сахарными, то съ млекоподобными плодами, коихъ свѣжій и красивый видъ манитъ къ себѣ приходящихъ; а далѣе раскладены прекрасныя шелковыя Андросскія произведенія...“

За тѣмъ идетъ рядъ стихотвореній—Донской осетръ, Вечеръ, Виноградъ, Осень, Во снѣ и на яву;—повидимому всѣ онѣ принадлежать Кондратьеву, хотя подписано его фамиліей только послѣднее. Оно же и лучше всѣхъ остальныхъ, въ общемъ весьма слабыхъ. Вотъ его подлинный текстъ.

„Во пологѣ тонкомъ, луной позлащенномъ,
На сельскомъ балконѣ, на югъ обращенномъ,
Роскошно цвѣтами обставленъ вокругъ,
Игрой соловья услаждаю мой слухъ,
Безпечно въ пріятныхъ мечтахъ засыпаю.
Мнѣ снится—на славномъ пиру я гуляю;
Межъ зеркальныхъ стѣвъ, на столахъ дорогихъ
Тамъ вина алѣютъ въ ковшахъ золотыхъ,
Тамъ сласти стоятъ расцвѣчною горою,
Здѣсь ханскаго чаю поднось предо мною,
И сахаромъ сочный посыпанъ лимонъ,
Тутъ нимфы кружатся, тамъ слышенъ бостонъ,
Но мигъ!... Все исчезло—и пышны уборы,
И винны каскады, и звонкіе хоры;
Лишь слышу, какъ въ мельницѣ жерновъ гудитъ,
Какъ шумный ручей по колесамъ бѣжитъ
И плещетъ по щелямъ, отъ чотки на чотку.

Любопытно, что и Роммель особенно хорошо отзывается о студентахъ—донцахъ и приписываетъ имъ поэтическія дарованія. „Между студентами, говоритъ онъ, молодые и красивые донскіе козаки отлича-

лись расторопностью и скромностью, иногда даже поэтическими талантами“.

Таковы были размѣры научно-литературнаго движенія среди студентовъ; они были очень скромны (сравнительно съ послѣдующей эпохой); въ качественномъ отношеніи эти „опыты“ также не стояли высоко (за исключеніемъ басенъ Нахимова). Но они все же отражаютъ въ себѣ вліяніе научно-литературной дѣятельности профессорской коллегіи и должны быть отмѣчены, какъ симпатичное проявленіе духовныхъ интересовъ студенчества; они свидѣтельствуютъ о томъ, что не смотря на господство утилитарныхъ взглядовъ, переносимыхъ изъ семьи въ университетъ, этотъ послѣдній благотворно вліялъ на молодежь и въ этомъ отношеніи: привлекалъ ее къ высшимъ интересамъ науки и поэзіи. На бытъ и нравахъ студентовъ мы здѣсь останавливаться не будемъ, а поговоримъ объ этомъ въ слѣдующей 7-й главѣ. Теперь же только, въ заключеніе, отмѣтимъ важнѣйшія особенности въ положеніи стараго харьковскаго студенчества 1805—1814 годовъ. Какъ то время непохоже было на нынѣшнее! Важнѣйшею заботою вновь основаннаго университета было то, что теперь дѣлается само собою и не тревожить никого—привлеченіе учащихся. Университетъ былъ открытъ; профессора объявили курсы; учебно-вспомогательныя учрежденія начали дѣйствовать... а студентовъ почти не было или по крайпей мѣрѣ было очень мало; великій мечтатель В. Н. Каразинъ обманулся въ своихъ надеждахъ на 3000 чел. студентовъ. И вотъ попечитель и университетъ употребляютъ самыя разнообразныя мѣры, чтобы профессора не остались безъ слушателей, и не смотря на все это многіе курсы все таки не могли состояться, а медицинскій факультетъ правильно началъ функционировать только съ 1811 года. Къ этому же времени относятся и первые выпуски воспитанниковъ преобразованныхъ изъ главныхъ народныхъ училищъ гимназій. Только тогда семинаристы перестали играть первенствующую роль въ составѣ студентовъ; только тогда стало замѣтно увеличиваться и количество этихъ послѣднихъ. Вообще забота объ увеличеніи числа учащихся проходитъ красною нитью черезъ всю изучаемую нами эпоху. Другою характерною чертою тогдашняго студенчества является крайне разнообразный во всѣхъ отношеніяхъ составъ его—и по образовательному цензу, и по возрасту, и по происхожденію. Впрочемъ въ массѣ студенчества съ самаго начала обнаружились двѣ главныя, основныя группы—семинарская и дворянская. Что касается разночинцевъ, то хотя имъ и не былъ *de jure* прегражденъ доступъ въ университетъ, однако *de facto* онъ былъ сопряженъ съ такими трудностями, что сильно тормозилъ приливъ молодежи изъ тѣсныхъ сосло-

вій. Сословная исключительность давала себѣ чувствовать въ жизни и сильно вредила распространѣнію высшаго образованія въ тѣхъ кругахъ общества, которые могли бы доставить не мало способныхъ и талантливыхъ питомцевъ. Очевидно, демократическія идеи Якоба о свободномъ доступѣ въ университетъ всѣмъ сословіямъ еще не могли найти себѣ благоприятной почвы въ правительственныхъ сферахъ, если даже такой передовой, а въ прежнее время и радикальный дѣятель, какъ попечитель гр. С. О. Потоцкій, былъ противъ нихъ. Интересы службы—военной и гражданской—стояли тогда на первомъ планѣ и заслонили собою чисто научныя и образовательныя цѣли университета. Вотъ почему многіе уходили въ эту службу, не окончивъ курса. Жизнь требовала людей съ образованіемъ, хотя бы и неполнымъ; въ особенности это нужно сказать о вновь открытыхъ и преобразованныхъ тогда училищахъ, крайне нуждавшихся въ учителяхъ. И университетъ, въ вѣдѣніи котораго были эти училища и на обязанности котораго лежала забота о пополненіи ихъ учительскаго персонала, удачно утилизировалъ эти молодыя силы, этихъ „недоучекъ“, какъ выразились бы мы теперь, которые разносили свѣтъ знанія въ самые темные уголки края и не боялись на всегда похоронить себя въ нихъ. Вообще университетъ тогда не относился равнодушно къ судьбѣ своихъ питомцевъ: однихъ онъ опредѣлялъ на учительскія мѣста, другимъ давалъ пріютъ у себя въ качествѣ студентовъ-кандидатовъ, чтобы они могли подготовиться къ педагогической дѣятельности, третьихъ оставлялъ въ качествѣ магистровъ для ученой карьеры. Слѣдовательно, тутъ было не формальное, а заботливое, дружественно-патріархальное отношеніе къ молодежи. Эта послѣдняя крѣпкими узами была связана со своей alma mater, не только въ стѣнахъ университета, но часто и долгое время послѣ выхода изъ него: ея дальнѣйшая судьба зависѣла не отъ канцелярій, ничѣмъ не связанныхъ съ нею, а отъ той же alma mater, имѣвшей возможность и выучить ее, и дать ей должность соответствующую ея успѣхамъ, дарованіямъ и способностямъ.

VII-я ГЛАВА.

Быть и нравы университетской среды.

Положеніе профессорской коллегіи въ изучаемый нами періодъ времени было весьма почетное. Вновь основанный университетъ пользовался не только широкою внутреннею автономіей, но и пря-

мо такъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ правительственной властью, именно — правомъ суда надъ широкимъ кругомъ лицъ, цензурою книгъ и управленіемъ училищами во всемъ округѣ. Затѣмъ огромное значеніе имѣло то обстоятельство, что онъ имѣлъ право давать ученыя степени, которымъ соотвѣтствовали классы и чины въ служебной іерархіи. Табель о рангахъ имѣла непрерываемое значеніе въ глазахъ всего общества, и намъ трудно теперь даже представить себѣ, какъ высоко цѣнились тогда, особенно въ провинціи, чины. А между тѣмъ въ жизни университета былъ и такой моментъ, когда посѣдѣлое въ службѣ чиновничество должно было для полученія высшихъ чиновъ являться въ университетъ и слушать тамъ курсы, чтобы выдержать соотвѣтственный экзаменъ. Чинопроизводство велось тогда очень туго; ордена также раздавались скупно. Поэтому и маленькіе съ нашей точки зрѣнія чины и ордена цѣнились очень высоко. Достаточно сказать, что даже ни одинъ изъ ректоровъ за это время — ни Рижскій, ни Стойковичъ, ни Осиповскій (а Рижскій былъ почти безсмѣннымъ ректоромъ) не пошли далѣе чина статскаго совѣтника и ордена Анны 2-й степени, несмотря на то, что должность ректора „за урядъ“ была въ 4-мъ классѣ. Обыкновенные профессора состояли въ 7-мъ классѣ, экстраординарные, адъюнкты и доктора въ 8-мъ, магистры въ 9-мъ, студенты-кандидаты въ 12-мъ. Принятые въ университетъ студенты имѣли право носить шпагу, а отличившіеся успѣхами въ наукахъ и поведеніи, при поступленіи на службу, получали чинъ 14-го класса. Кромѣ этого профессора имѣли еще и нѣкоторые другія преимущества. Иностранцы, приглашенные занять профессорскія кѣдры въ Харьковскомъ университетѣ, могли безпошлинно привезти съ собою или по приѣздѣ выписать товаровъ на 3000 руб. Уѣзжая за границу, они также не уплачивали пошлинъ со своего имущества. Всѣ жилища профессоровъ, будь то ихъ собственные дома или наемныя помѣщенія, если они ими лично занимались, были свободны отъ натуральнаго постоя или уплаты вмѣсто него квартирныхъ денегъ.

Жалованья профессору полагалось 2000 руб. въ годъ, адъюнкту 800 руб., лекторамъ 600 руб., магистрамъ, преподававшимъ въ педагогическомъ институтѣ, 400 руб. Но сверхъ того профессора получали еще прибавочное жалованье за исполненіе слѣдующихъ должностей: ректора 600 руб., декановъ 300 руб., заสдателя 300 руб., синдика (изъ адъюнктовъ) 200 руб., секретаря совѣта 300 руб., архивариуса совѣта съ вознагражденіемъ писцу 700 руб., секретарей факультетовъ 100 руб., директора педагогическаго института 500 р., инспектора казеннокоштныхъ студентовъ 400 руб., бібліотекаря 400 руб.; давались имъ также коман-

дировочныя за визитаціи училищъ. Если принять во вниманіе тогдашнюю дешевизну жизни и сравнить это вознагражденіе съ окладами чиновниковъ въ другихъ учрежденіяхъ, то оно окажется довольно высокимъ (учителя гимназій получали тогда по 750, 600, 500 и даже 400 рублей).

По выслугѣ лѣтъ или на случай болѣзни и смерти профессора или ихъ семьи были обезпечены слѣдующими пенсіями: по истеченіи 25-ти лѣтней безпорочной службы профессоръ прибрѣталъ званіе *заслуженнаго*, могъ выйти въ отставку и получалъ въ пенсію годичный окладъ жалованья, при чемъ могъ жить, гдѣ заблагоразсудится—въ Россіи или заграницей; въ случаѣ неизлѣчимой болѣзни и ранѣ этого срока профессоръ, адъюнктъ или лекторъ могъ выйти въ отставку съ половиною пенсіею, а въ случаѣ особыхъ заслугъ и отличныхъ достоинствъ, съ утвержденія Государя, даже съ полною. Вдовамъ и дѣтямъ преподавателей университета выдавалось или единовременное пособіе въ размѣрѣ годичнаго жалованья или сверхъ того и пенсія, а именно за службу профессора отъ 5 до 15 лѣтъ шла женѣ пятая часть его оклада, прослужившимъ болѣе 15 лѣтъ (но менѣе 25) сверхъ единовременнаго пособія въ размѣрѣ годичнаго жалованья еще четвертая часть оклада его вдовѣ до смерти или новаго замужества, сыновьямъ до совершеннолѣтія (21-го года) или опредѣленія на службу, а дочерямъ до 21 года или до выхода замужъ. Кто пробылъ на службѣ менѣе 5 лѣтъ, того женой и дѣтямъ выдавалось единовременное пособіе въ размѣрѣ годового жалованья, а въ случаѣ особыхъ заслугъ и пенсія до $\frac{1}{3}$ его оклада. Такимъ образомъ, условія пенсій были, какъ мы видимъ, очень льготныя, даже болѣе льготныя, чѣмъ нынѣ. Таковы были постановленія о профессорской службѣ утвердительной грамоты Харьковскому университету (5 ноября 1804 г.) ¹⁾. Замѣтимъ кстати, что на пенсіи полагалась извѣстная сумма въ штатѣ университета (6000 руб.).

Обратимся теперь къ живой дѣйствительности и посмотримъ, соответствуетъ ли она этимъ постановленіемъ закона.

Дарованными уставомъ и утвердительной грамотой правами профессора пользовались *de facto* и нѣкоторое затрудненіе вызвалъ только вопросъ о внесеніи ихъ въ дворянскую родословную книгу, поднятый нѣкоторыми изъ иностранцевъ. Эти послѣдніе дѣлились на двѣ группы—одни только поступили на службу къ русскому правительству и приносили обыкновенную присягу, другіе наоборотъ принимали русское подданство и дѣлались, слѣдовательно, русскими гражданами въ пол-

¹⁾ Сборн. постанов. по мин. народ. просв., I, стр. 257—259 и штаты стр. 12.

номъ смыслѣ этого слова. Но являлся вопросъ—могли ли они получить дворянское званіе, которое, какъ извѣстно, давалось, по табели о рангахъ, чиновникамъ первыхъ 8 классовъ. Принципіальный вопросъ объ дворянствѣ и о связанномъ съ нимъ правѣ владѣть крѣпостными поднималъ въ 1807 г. извѣстный профессоръ Якобъ. И правленіе дало слѣдующее разъясненіе на его вопросы. По указамъ 1746 г. (13 января) и 1747 г. (12 мая) иностранцамъ, не принявшимъ русскаго подданства, запрещено было владѣть деревнями и крѣпостными людьми; по табели о рангахъ, чиновники первыхъ 8 классовъ могли получить потомственное дворянство и быть внесены въ родословную книгу, хотя бы они были и низкой породы; по указу 1805 г. (29 января), снова запрещено было писать крѣпости на иностранцевъ, не внесенныхъ въ родословныя книги. Такимъ образомъ, для полученія права владѣть крѣпостными, Якобъ и другіе иностранные профессора должны были, во 1-хъ, присягнуть на подданство, во 2-хъ, получить изъ герольдіи патенты на свои чины 7-го класса, и въ 3-хъ, занести себя въ родословную книгу мѣстнаго дворянства. Что касается заявленія Якоба, будто профессора другихъ университетовъ (Московского, Виленскаго и Дерптскаго) пользуются правами русскаго дворянства, то объ этомъ правленію ничего не было извѣстно и въ утвердительной грамотѣ объ этомъ ничего не говорилось. Принятіе подданства не могло помѣшать ему вернуться, буде онъ пожелаетъ, за границу, такъ какъ это прямо разрѣшалъ 15-й § утвердительной грамоты и указъ 1784 года (22 февраля), относящійся не только къ профессорамъ, а и къ лицамъ торговаго сословія ¹⁾. Вскорѣ Якобъ перешелъ на службу въ Петербургъ и, чѣмъ окончилось его дѣло, мы не знаемъ. Въ 1812 году аналогичный вопросъ возбудилъ профессоръ Дегуровъ. Онъ принялъ русскаго подданство, руссофицировалъ даже свою фамилію (изъ Dugour'a превратился въ Дюгурова) и просилъ теперь о занесеніи его съ семействомъ (у него было 6 душъ дѣтей) въ дворянскую родословную книгу. Оказалось по справкѣ, что выдача патентовъ на чинъ задерживалась только благодаря тому, что приходилось сразу дать Государю для подписи много экземпляровъ ихъ ²⁾. Харьковское дворянское собраніе однако находило нѣкоторые формальныя препятствія для внесенія Дегурова въ свою родословную книгу ³⁾.

Въ первые годы существованія университета до финансоваго кризиса, вызваннаго борьбою съ Наполеономъ, профессора были

¹⁾ Харьк. унив. архивъ. Жур. правл. 1807 г. сентябрь—декабрь; застѣд. 20 ноября.

²⁾ Харьк. унив. архивъ. Жур. правл. 1807 г. январь—апрѣль; застѣд. 22 января.

³⁾ Ibidem; застѣданіе 19 февраля.

вполнѣ довольны своимъ социальнымъ и экономическимъ положеніемъ. Роммель рассказываетъ, что привилегированное положеніе профессоровъ вызывало даже сильную зависть со стороны мѣстнаго дворянскаго и чиновничьяго общества. „Ординарные профессора, говорить онъ, кромѣ обыкновенныхъ дворянскихъ преимуществъ, считались въ 7 классѣ, т. е. въ чинѣ надворныхъ совѣтниковъ или подполковниковъ и по правилу получали повышеніе черезъ пять лѣтъ. Можно составить себѣ понятіе о зависти и недоброжелательствѣ, съ какими чиновлюбивое и не терпѣвшее ученія туземное дворянство преслѣдовало профессоровъ, особенно иностранныхъ, наперекоръ благимъ намѣреніямъ правительства. Эти непріязненные чувства закоснѣлыхъ русскихъ, неумѣвшихъ отличить тѣхъ искателей приключеній и неучей, которые напыливали во времена Екатерины и величались самозваннымъ титуломъ профессоровъ, отъ новыхъ профессоровъ, вызванныхъ изъ заграничныхъ университетовъ, подбавили нищи ко всеобщей ненависти противъ иностранцевъ, дошедшей до опаснаго раздраженія при нападеніи французовъ“. Нужно впрочемъ замѣтить, что на этомъ отзвуѣ уже отразилась Наполеоновская эпопея, ибо Роммель переѣхалъ въ Харьковъ въ 1811 году и не зналъ лучшихъ въ этомъ отношеніи временъ—первыхъ 6 годовъ въ жизни университета.

Мы видѣли, также что Шадъ былъ вполнѣ удовлетворенъ предложенными ему условіями: онъ получилъ подъемныя и прогоны и въ качествѣ ординарнаго профессора могъ имѣть еще кромѣ жалованья дополнительное вознагражденіе за разныя должности, (и таковое онъ дѣйствительно получалъ). Роммель говоритъ: „жалованье ординарнаго профессора было 2000 руб. ассигнац. Хотя уже въ мое время курсъ бумажнаго рубля сравнительно съ металлическимъ значительно упалъ, къ нашему ущербу, но профессора имѣли особенные источники доходовъ: прибавку жалованья по должности декановъ и секретарей и плату за отдѣльное чтеніе лекцій добровольнымъ слушателямъ“. Роммель, черезъ нѣсколько дней по приѣздѣ въ Харьковъ, получилъ просторную квартиру въ корпусѣ казеннокоштныхъ студентовъ; „съ большою щедростію, говорить онъ самъ, выдали мнѣ жалованье за цѣлый годъ и я могъ запастись необходимою мебелью, парой курляндскихъ коней и отличными саями.... Отборная библіотека пришла скоро вслѣдъ за мною; въ нѣсколько дней я устроился очень удобно, могъ принимать визиты товарищей и начать чтеніе лекцій на латинскомъ языкѣ“. Проф. Книгинъ самъ просилъ о выдачѣ ему подъемныхъ денегъ и совершенно основательно мотивировалъ свою просьбу необходимостью перевезти въ Харьковъ библіотеку¹⁾.

¹⁾ Вотъ его письмо: „отъ прибывшаго сюда, обучавшагося медицинѣ Харьковскомъ университетѣ, студента Ольховскаго узналъ я, что по новости сего университета

Мы видѣли, что уставъ предоставлялъ харьковскимъ профессорамъ, перешедшимъ изъ заграницы, вывозить беспошлинно для личнаго потребленія товаровъ на сумму до 3000 руб., при чемъ разрѣшалось не только привозить, но и выписывать для себя разные предметы. Этимъ то разрѣшеніемъ и злоупотребилъ, какъ мы знаемъ, ректоръ Стойковичъ, ставшій выписывать не для себя, а на продажу беспошлинно венгерское вино, ленты, бусы, картины и т. п., не мало нажилъ на этой операціи и нанесъ значительный убытокъ казнѣ. Вышелъ страшный скандалъ—и Стойковичъ долженъ былъ выйти въ отставку. Другіе не дѣлали такихъ именно злоупотребленій, но все таки повидимому допускали отступленіе отъ закона въ одномъ отношеніи: выписывали не только для себя, но и для другихъ, по ихъ просьбѣ. На такое предположеніе (но не утвержденіе) наводятъ насъ подробности дѣла о выпискѣ изъ заграницы различныхъ вещей профессоромъ Коритарі. Онъ въ нѣсколько пріемовъ выписывалъ для себя массу различныхъ вещей, въ томъ числѣ два фортепьяна (предполагалъ выписать даже четыре) старую, но подчиненную коляску, 16 большихъ бочонковъ вина (по 12 ведеръ въ каждомъ) и 12 меньшихъ (по 6 ведеръ)—всего 264 ведра вина (и это за одинъ разъ), 1-й разъ—въ 1806 г.—было пропущено его вещей на 235 р., 2-й разъ—въ 1809 г.—на 900 р., 3-й—въ томъ же 1809-мъ—на 400 р.; и затѣмъ онъ просилъ о пропускѣ токайскаго вина на оставшуюся ему еще сумму въ размѣрѣ 1465 р.; замѣтимъ кстати, что съ вещей, бывшихъ въ употребленіи (напримѣръ, указанной выше коляски) таможня пошлинъ вовсе не насчитывала; но все таки дѣло не обошлось безъ недоразумѣній: проф. Коритарі объяснилъ, что съ него взыскана была пошлина при провозѣ вещей въ 1806 году, а таможня свидѣтельствовала, что онѣ были пропущены беспошлинно; это

анатомическій театръ препаратами весьма бѣденъ, а равно и самая университетская библіотека анатомическими сочиненіями недостаточна. Но какъ при семъ университетѣ воспитанники, желающіе обучаться медицинѣ, уже находятся и слѣдовательно по пріѣздѣ своемъ въ Харьковъ немедленно я долженъ приступить сообразно университетскому статуту въ преподаванію анатомическихъ лекцій, то за неимѣніемъ ни нужныхъ препаратовъ, ни сочиненій, анатомическія лекціи не могутъ доставить той пользы, каковая должна произтекать и каковая, когда имѣютъ всѣ нужныя пособія, обыкновенно бываетъ. Не благоугодно ли будетъ снабдить меня нѣкоторымъ пособіемъ, что бы и при телерешней моей отправокѣ взялъ съ собою и все изъ собственной моей библіотеки нужное? По пріѣздѣ моемъ въ Харьковъ, если бы я и дѣйствительно въ университетской библіотекѣ ни одной не нашелъ по моимъ предметамъ книги, то безъ всякой нужды я не только могу начать, но и кончить курсъ своихъ лекцій, пока университетъ будетъ имѣть свои собственныя. (1811 г. 25 іюня). (Архивъ мин. нар. просв.).

противорѣчіе объясняется тѣмъ, что были обложены пошлиною нѣкоторые изъ такихъ предметовъ, которые проф. Коритаріи считалъ „вещами бывшими въ употребленіи“; а, можетъ быть, тутъ было и злоупотребленіе со стороны его коммиссіонеровъ, которые могли представить ему фиктивный счетъ объ уплатѣ таможенныхъ сборовъ ¹⁾.

Важнымъ дополнительнымъ источникомъ доходовъ для многихъ профессоровъ являлась плата, получаемая за частные уроки и содержаніе на квартирѣ пансіонеровъ. Роммель говоритъ о вознагражденіи, которое получали профессора „за отдѣльное чтеніе лекцій добровольнымъ слушателямъ“ — очевидно, подъ ними и нужно разумѣть такіе уроки, какіе бралъ, какъ мы знаемъ, у профессоровъ П. Дегай, потому что по уставу профессора читали всѣ свои курсы бесплатно. Эти частныя лекціи выводили и преподавателей, и слушателей на скользкій путь частныхъ соглашеній и сдѣлокъ. Мы видѣли, какъ на этой почвѣ выросла безнравственная, позорная торговля магистерскими и докторскими дипломами. Взятка могла даваться и получаться здѣсь въ такой благовидной формѣ, что не шокировала ни берушаго, ни дающаго. Нѣкоторые же лица формами не стѣснялись и даже смѣялись надъ такими пуристами, какъ Роммель, который отказался отъ экипажа и лошадей, предложенныхъ ему Дегаемъ за подготовку къ докторскому экзамену. Пріемъ къ себѣ профессоромъ на квартиру за извѣстную плату молодыхъ людей не былъ, также, какъ и частные уроки, по существу дѣла предосудителенъ—наоборотъ онъ вызывался тогдашними условіями харьковской жизни и ничего не могъ приносить кромѣ пользы. Въ самомъ дѣлѣ; масса помѣстнаго дворянства проживала тогда въ деревняхъ; съ другой стороны Харьковъ не представлялъ изъ себя развитаго культурнаго городского центра—въ немъ преобладалъ деревенскій складъ жизни, въ немъ мало было удобныхъ квартиръ для учащейся молодежи и состоятельные люди старались помѣстить своихъ сыновей у профессоровъ, гдѣ они могли имѣть и удобное помѣщеніе, и здоровый столъ, и общество товарищей, и, наконецъ, помощь и руководство въ занятіяхъ. Къ сожалѣнію, эта послѣдняя легко могла переходить въ прямую поддержку лѣнивыхъ и безуспѣшныхъ на экзаменѣ, въ частныя и незаконныя соглашенія и сдѣлки съ экзаменуемыми. Впослѣдствіи времени (въ 40 и 50 годахъ) это явленіе сильно развилось и превратилось въ общественное зло, на борьбу съ которымъ выступили лучшія

¹⁾ Харьк. унив. архивъ. Журн. прав. 1808 г. май—августъ; засѣданіе 6-го іюля; Журн. прав. 1809 г., сентябрь—декабрь; засѣданіе 16-го декабря.

силы профессорской коллегіи. Но едва-ли мы ошибемся, если скажемъ, что и въ началѣ вѣка пансіонерство приводило къ лицепріятію, потому что взяточничество было развито не только въ окружающемъ обществѣ, но и въ профессорской средѣ. Если же прямыхъ взятокъ и не было, то и тогда все таки молодымъ людямъ, жившимъ на квартирахъ у профессоровъ, могли оказываться льготы и послабленія во время испытаній. Впрочемъ слѣдуетъ прибавить, что даже лучшіе тогдашніе профессора ничего не имѣли въ принципѣ противъ принятія къ себѣ на квартиру студентовъ; въ особенности это нужно сказать относительно тѣхъ, у кого были семьи и собственные дома. На квартирѣ у профессора Г. П. Успенскаго, имѣвшаго собственный домикъ, проживали студенты. Онъ самъ давалъ частные уроки молодымъ людямъ, добивавшимся ученыхъ степеней и желавшимъ держать экзамены при университетѣ; объ этомъ свидѣтельствуетъ въ своихъ воспоминаніяхъ его сынъ. Подъ конецъ жизни (онъ умеръ въ 1820 г.) онъ отдавалъ имъ больше времени, чѣмъ въ началѣ своей профессорской дѣятельности. Г. П. Успенскій, какъ мы знаемъ уже, переѣхалъ въ Харьковъ бѣднякомъ, но профессура вполне его обезпечила, несмотря на то, что на первыхъ порахъ онъ состоялъ въ должности адъюкта (правда при этомъ занималъ еще и другія платныя должности—синдика, инспектора студентовъ, декана). Вотъ нѣсколько данныхъ изъ воспоминаній его сына, рисующихъ матеріальное положеніе его въ Харьковѣ. Въ Харьковъ пріѣхали мы, говоритъ онъ, безъ денегъ и безъ связей, съ крайней нуждой и замѣшательствомъ, не зная, за что взяться. Но хорошее жалованье и кредитъ поддержали отца. Ничего не знаю о томъ, какъ отецъ мой заводилъ оскѣдность въ Харьковѣ; если и говорилось объ этомъ, то, вѣроятно, съ новоселья, когда я ничего не смыслилъ (авторъ въ это время былъ еще ребенкомъ), послѣ же забылось, какъ забывается все. Когда же я началъ понимать, то помню только, что у насъ былъ уже собственный домъ на Театральной площади противъ острога. Этотъ пунктъ былъ краемъ города съ сѣвера, хотя на этой же безлюдной площади уныло стоялъ придавленный временемъ деревянный домъ губернатора Бахтина. Острогъ былъ обнесенъ заостренными стоячими бревнами и чернымъ пугаломъ смотрѣлъ въ наши окна. Ловкая прислуга, усмиряя наши дѣтскія рѣзвости, говаривала, что изъ него вылѣзутъ разбойники и перерѣжутъ насъ. Угроза была слишкомъ правдоподобна, страшнѣе явленія вѣдьмъ и лѣшихъ и дѣйствовала рѣшительно. За острогомъ тотчасъ начинались ямы бывшихъ кирпичныхъ сараевъ и ужасныя ямы острожныхъ нечистотъ; за ними нечально лежало оставленное лютеранское кладбище съ сосѣднею рус-

скою церковью жень Мироносиць и разстилалась безковечная пустошь. Тутъ поселился новый профессоръ новаго университета и, проживши около 14 лѣтъ, все видѣлъ острогъ передъ окнами и часовыхъ вокругъ острога.... Безъ него перестроилось это мѣсто и слилось съ городомъ. Театръ былъ выстроенъ каменный, очень приличный. На мѣстѣ острога создавалась красивая кирка; на нечистыхъ ямахъ воздвигся католическій костелъ; пустошь съ навозными кучами красиво застроилась широкой улицей; противъ Мироносицкой церкви воздвиглось зданіе института благородныхъ дѣвицъ. Теперь (писано въ 1863 г.) мѣсто прежняго нашего жительства вполнѣ прилично для профессора университета, какимъ бы изящнымъ комфортомъ онъ ни обладалъ, а тогда было отвратительно, гадко; упрямая нужда указала мѣсто бѣдняку. Остробревенчатый острогъ съ заунывнымъ крикомъ часовыхъ и бряканьемъ кандаловъ, деревянный, огромный, нелѣпѣйшаго вида театръ, со всегдашнимъ опасеніемъ пожара въ немъ,—все это наводило тоску и страхъ. Самый домъ нашъ, ветхій, приземистый смахивалъ физиономіей на сосѣдей; онъ былъ такой же мрачный и угрюмый, какъ они; дворъ былъ пропитанъ острожной атмосферой. Тутъ то ученый мужъ днемъ и ночью обрабатывалъ предметъ свой; тутъ трудился онъ надъ воспитаніемъ дѣтей своихъ и чужихъ, давалъ уроки пріѣзжавшимъ издалека держать экзамены на ученые степени. „Но скоро дворъ и домъ проф. Успенскаго потеряли свой мрачный характеръ: хозяинъ развелъ садъ и перестроилъ помѣщеніе. „Въ лѣтніе вечера Гавріилъ Петровичъ иногда работалъ въ саду, обрѣзывая и подпиливая фруктовыхъ деревья, имѣя же насаженные, и своими руками окапывая ихъ заступомъ. Мы всегда бывали при немъ и помогали, какъ могли. Садъ этотъ разводилъ отецъ на пустоши по тогдашней Большой Кладбищенской* улицѣ противъ загородняго дома Сердюкова. Теперь, вѣроятно, и домъ, и улица носятъ другое имя.... Домашняя обстановка, созданная, по времени отцомъ, не бросалась въ глаза своимъ богатствомъ, но она была прилична и не лишена удобствъ; лѣтъ за 10 до своей кончины (значить въ 1810 году) отецъ мой купилъ сосѣдній дворъ, раздвинулъ свой прежній, выстроилъ новый домъ на каменномъ фундаментѣ и покрылъ его желѣзомъ. Надворныя строенія сохранялись въ порядкѣ; двѣ дюжихъ лошади и прочныя дрожки, съ исправнымъ кучеромъ, каждый день стояли у подъѣзда, въ домѣ мебель и всѣ принадлежности хозяйства были не роскошны, но удобны ¹⁾.

¹⁾ Воспоминанія сына объ отцѣ (Ворон. губ. вѣд. 1863 г. № 27—28, 30—32).

Эти строки рельефно изображаютъ намъ матеріальное положеніе и обстановку одного изъ профессоровъ русскаго происхожденія. Конечно, тутъ не было богатства, но все таки Успенскій, выросшій въ бѣдности и сильно страдавшій отъ нея въ Воронежѣ, жилъ въ Харьковѣ въ довольствѣ и хотя его пришлось хоронить на казенный счетъ, но онъ все-таки оставилъ своимъ дѣтямъ описанное выше недвижимое имущество. Правда, оно не представляло особенно большой цѣнности, но все таки свидѣтельствуетъ о возможности для бережливыхъ людей кое-что откладывать для семьи на случай смерти. Смыслъ Успенскій рисуетъ намъ въ очень мрачномъ видѣ жилище своего отца; но на этомъ описаніи легла печать мрачныхъ воспоминаній его дѣтства, стоявшихъ въ связи съ условіями его семейной обстановки и замкнутымъ характеромъ его отца. Теперь съ невольнымъ изумленіемъ приходится читать описаніе той мѣстности, гдѣ былъ домъ проф. Успенскаго; нынѣ это самая лучшая и здоровая часть города — тутъ теперь дѣтскій пріютъ ¹⁾, театральнй бульваръ, лютеранская и католическая церкви, 3-я гимназія, Мироносицкая церковь и наконецъ Сердюковскій переулокъ, получившій свое имя отъ того самаго домовладѣльца Сердюкова, о которомъ говорится въ воспоминаніяхъ.... Но Гавріилу Петровичу, какъ и нѣкоторымъ другимъ профессорамъ того времени, приходилось играть роль одного изъ пионеровъ въ заселеніи харьковскихъ окраинъ, ибо въ то время эта сторона находилась уже на украинѣ, какъ бы за чертою города, и лишена была даже тѣхъ примитивныхъ удобствъ, которыми пользовался центръ: туда свозили недавно еще навозъ, тамъ были руины кирпичныхъ заводовъ, невылазная грязь, кромѣшная ночная тьма; таковы, впрочемъ, почти были и общія условія тогдашней харьковской жизни. Но за то тамъ былъ просторъ, дешевизна усадебныхъ мѣстъ и строительнаго матеріала (кирпичъ былъ сравнительно дорогъ), а также отсутствіе мало-мальски сносныхъ квартиръ побуждала профессоровъ строить себѣ собственные дома. И дѣйствительно, половина членовъ совѣта имѣла свои дома и благодаря этому обстоятельству впоследствии университетъ остался въ Харьковѣ и не былъ перенесенъ въ другой городъ — профессора домовладѣльцы *glebae*, такъ сказать, *adscripti*, не хотѣли уходить изъ Харькова, не смотря на его ужасное санитарное

¹⁾ А на мѣстѣ его раньше былъ театръ.

состояніе (о немъ мы скажемъ подробно ниже). Любопытно, что собственные дома имѣли не одни русскіе профессора, а и чужеземцы.

Первоначально профессорамъ отводились квартиры въ зданіи университета; но ихъ, конечно, оказалось недостаточно — и волей неволей пришлось отказывать въ нихъ вновь пріѣзжавшимъ, тѣмъ болѣе, что иностранные профессора смтрѣли на эту льготу, какъ на свое право, и предъявляли подчасъ неумѣренные требованія ¹⁾. 16-го декабря 1805 состоялся Высочайшій указъ о выдачѣ профессорамъ и адъюнктамъ Харьковскаго университета, не имѣвшимъ казеннаго помѣщенія, квартирныхъ денегъ въ размѣрѣ—первымъ 500 р. въ годъ, а вторымъ 200 р., по примѣру Дерптскаго университета. Указъ былъ вызванъ особымъ ходатайствомъ попечителя округа гр. С. О. Потоцкаго, который, основываясь на донесеніи совѣта, указывалъ министру, что цѣны на всѣ предметы въ Харьковѣ, въ особенности на квартиры, сильно поднялись ²⁾. Впрочемъ Роммелю еще въ 1811 г. отвели, какъ мы видѣли, просторную квартиру въ корпусѣ казеннокоштныхъ студентовъ, хотя, вѣроятно, не какъ профессору, а директору педагогическаго института. Вообще же всѣ профессора въ это время проживали въ наемныхъ или своихъ собственныхъ домахъ, за исключеніемъ одного профессора ботаники Делявина, для котораго было выстроено особое зданіе въ университетскомъ саду. Но ему было страшно тамъ жить и потому правленіе университета вошло съ ходатайствомъ къ попечителю объ устройствѣ подлѣ него еще нѣсколькихъ квартиръ для профессоровъ. Профессоръ Делявинъ въ 1808 г. заявлялъ правленію, что „въ выстроенномъ для помѣщенія профессора ботаники при ботаническомъ саду домѣ, потому что онъ удаленъ отъ города и стоитъ одинъ на полѣ, ему, какъ одинокому человѣку, жить опасно, особенно зимою и осенью“. Правленіе, признавая это заявленіе основательнымъ, съ своей стороны прибавляло, что такъ какъ до того времени, пока на университетскомъ мѣстѣ не будетъ отстроено нѣсколько домовъ, въ коихъ бы жило нѣсколько профессорскихъ семействъ, опасно будетъ малому числу лицъ на немъ, то не благоугодно ли будетъ его сіятельству разрѣшить постройку на томъ мѣстѣ одновременно нѣсколькихъ домовъ (напр. 5 или 6), которые охотно заняты будутъ профессорами ¹⁾. Изъ этого видно, что правленіе желало помочь профессорамъ въ квартирномъ вопросѣ, но, къ сожалѣнію, попытка его не увѣнчалась успѣхомъ, а если бы она осуществилась, то на Сумской улицѣ, на университетской землѣ существовала бы нынѣ профессорская

¹⁾ Это видно изъ письма Тимковскаго, помѣщеннаго на 124 стр. нашего труда.

²⁾ Сборникъ постановлений по мин. народн. просв., I, стр. 382—383.

колонія и тамъ бы давно уже были устроены не только клиники и учебно-вспомогательныя учрежденія медицинскаго факультета, но и размѣстился бы весь университетъ, что устранило бы разбросанность его зданій, которая ведетъ къ значительнымъ неудобствамъ въ настоящее время. Тимковскій въ 1803 г. писалъ, что квартирный вопросъ для профессоровъ разрѣшится благополучно только тогда, когда въ Харьковѣ будутъ выстроены просторные дома и вымостятся улицы, когда въ городѣ вовсе не будетъ постоевъ и когда всякіе припасы будутъ даже издалека привозиться сюда съ полной надеждой на сбытъ ихъ ²⁾. Но если и теперь пожеланія Тимковского не осуществились въ полной мѣрѣ, то что же сказать о первомъ десятилѣтіи въ исторіи университета! Тимковскій не даромъ указывалъ на военные постои—они дѣйствительно были очень тяжелы для обывателей. Профессорскіе дома по закону были освобождены отъ постоевъ; но мѣстныя административныя власти и даже министерство внутреннихъ дѣлъ не хотѣли допустить этой привилегіи, хотя она была Высочайше пожалована университетамъ. Благорасположенный къ университету харьковскій губернаторъ И. И. Бахтинъ въ отвѣтъ на просьбу правленія объ освобожденіи отъ постоевъ домовъ университетскаго лектора Успенскаго и директора и учителей гимназіи (при чемъ просьба эта была мотивирована ссылками на законъ), заявилъ, что онъ не можетъ дать немедленнаго рѣшенія по этому дѣлу и соберетъ предварительно необходимыя справки; въ воронежской же губерніи губернаторъ получилъ разъясненіе отъ министра внутреннихъ дѣлъ, что домъ учителя мѣстной гимназіи, въ которомъ онъ хотѣлъ устроить пансіонъ, не можетъ быть освобожденъ отъ воинскихъ постоевъ. Правленіе однако и тутъ, какъ и во всѣхъ случаяхъ, гдѣ дѣло шло объ огражденіи правъ и достоинствъ университета, поступило правильно и настойчиво—сдѣлало новое представленіе и разъясненіе по этому вопросу и просило попечителя округа стать на стражѣ университетскихъ интересовъ ³⁾. И его усилія увѣнчались успѣхомъ: квартирная коммисія, завѣдывавшая въ Харьковѣ воинскими постами, просила въ 1809 году правленіе университета сообщать ей свѣдѣнія о домахъ, занятыхъ профессорами и учителями (собственныхъ и наемныхъ), дабы по ошибкѣ не

¹⁾ Харьк. унив. архивъ. Журн. правл. 1808 г., январь—апрѣль; засѣданіе 20-го апрѣля.

²⁾ Настоящее соч., стр. 124.

³⁾ Харьк. унив. архивъ. Журн. правл. 1808 г., сентябрь—декабрь; засѣданіе 10 декабря.

отвести въ нихъ квартиры воинскимъ командамъ и тѣмъ не нарушить Высочайшаго повелѣнія ¹⁾). Для того, чтобы оцѣнить значеніе этой законной побѣды университета, необходимо вспомнить, какимъ тяжелымъ бременемъ для всего населенія г. Харькова являлась тогда постоянная повинность ²⁾).

Такъ поступило правленіе и въ другомъ аналогичномъ случаѣ, когда гражданская палата, по недоразумѣнію (основываясь на законѣ, не относившемся къ данному случаю), отказывала профессорамъ и адъюнктамъ иностраннаго происхожденія въ совершеніи купчихъ на дома ³⁾). Профессоръ Шада купилъ, съ разсрочкою платежа, домъ у надворнаго совѣтника Маркова, но не могъ внести въ срокъ должной суммы въ размѣрѣ 3000 рублей. Явившись вмѣстѣ съ Марковымъ въ засѣданіе правленія, онъ просилъ предоставить въ распоряженіе продавца все его, Шада, жалованье за двѣ трети года, а недостающую до 2000 рублей сумму обязался пополнить изъ собственныхъ ресурсовъ. Марковъ же съ своей стороны изъявилъ желаніе въ такомъ случаѣ отсрочить уплату 1000 р. еще на 1 годъ. Все это было записано въ журналъ правленія ⁴⁾).

Дополнительные источники доходовъ играли видную роль въ профессорскомъ бюджетѣ того времени, хотя полученіе ихъ было сопряжено подчасъ съ разными случайностями и не отличалось устойчивостью. Таковы были у большинства профессоровъ private уроки и у медиковъ врачебная практика. Мы видѣли, что профессоръ Успенскій давалъ уроки молодымъ людямъ, обращавшимся къ нему съ этою цѣлью. Между прочимъ въ 1811 году онъ занимался съ двумя братьями Натарами, помѣщиками Таврической губ., а они уѣхали изъ Харькова и не заплатили ему годичнаго вознагражденія въ размѣрѣ 300 р.; такъ же они поступили и съ тремя другими своими наставниками магистрами Комлишинскимъ, Борзенковымъ и Любовскимъ, изъ коихъ первые должны были получить съ нихъ по 150 р., а послѣдній 200 р. Эти цифры даютъ намъ понятіе о размѣрахъ тогдашняго вознагражденія за private лекціи, причемъ оказывается (этого нужно было и ожидать), что профессора получали больше, чѣмъ магистры. Успенскій и его товарищи обратились

¹⁾ Харьк. унив. архивъ. Журн. права. 1809 г., сентябрь—декабрь; засѣданіе 18-го октября.

²⁾ Объ этомъ мы подробно говорили на 79—82 стр. настоящаго труда.

³⁾ Ibidem; засѣданіе 24 сентября.

⁴⁾ Ibidem; засѣданіе 8 октября.

съ жалобою на неисправность своихъ учениковъ въ правленіе и сдѣлали при этомъ ссылку на ректора Стойковича, который собственно и договаривался съ ними вмѣсто Натарова. Ректоръ, вполнѣ подтверждая это, заявилъ, что на полученіе этихъ денегъ мало надежды, и рѣшено было по мѣстожительству отвѣтчиковъ направить дѣло въ Симферополь ¹⁾. Вообще говоря, устойчивый гонораръ за медицинскую практику оказался неустойчивымъ для того лица, которое считалось наиболѣе искуснымъ врачомъ въ Харьковѣ и имѣло наиболѣе обширную практику; я имѣю въ виду Пильгера, которому, по Высочайшему повелѣнію, вовсе запрещена была практика до полученія имъ степени доктора медицины. У того же профессора произошло столкновеніе съ помѣщикомъ Ковалевскимъ изъ за гонорара: оно характерно и само по себѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ намъ понятіе о вознагражденіи, которое получали тогдашніе харьковскіе врачи-профессора за свои визиты. Въ 1811 году помѣщикъ дер. Ивановки (харьковского уѣзда) коллежскій совѣтникъ Андрей (Ивановичъ) Ковалевскій (замѣтимъ кстати, что это былъ другъ и почитатель Григорія Савича Сковороды) подалъ въ правленіе на профессора ветеринарныхъ наукъ Пильгера жалобу, въ которой писалъ, что профессоръ Пильгеръ въ прошломъ 1809 году условился съ нимъ пріѣзжать къ нему въ деревню 36 разъ въ годъ на его лошадяхъ и въ его экипажѣ для лѣченія его семейства и людей и брать за это 150 р. въ годъ; но явился онъ всего только 5 разъ и получилъ за это 150 р., да на лѣкарства 100 р., да сверхъ уговора 2 лошади стоимостью въ 300 р., пѣнковую оправленную серебромъ трубку, оправленную въ серебро черепаховую табакерку стоимостью въ 100 р.; всего онъ, Ковалевскій, далъ Пильгеру деньгами и вещами на 500 руб. изъ одного своего усердія, думая, что онъ будетъ благодаренъ ему и приложить болѣе заботливости о больныхъ. Между тѣмъ Пильгеръ только по усиленной просьбѣ его, Ковалевскаго, пріѣхалъ въ Ивановку шестой разъ и при этомъ не возвратилъ ему временно взятой для поѣздки въ ахтырскій уѣздъ коляски, заявляя, что онъ ее оставилъ у себя за лѣченіе. Ковалевскій просилъ о возвратѣ этой коляски ²⁾. Правленіе потребовало отъ Пильгера объясненія, и онъ далъ его въ слѣдующихъ рѣзкихъ выраженіяхъ: „во всѣхъ земляхъ, гдѣ существуютъ законы, каждая жалоба, на искѣ основывающаяся, должна быть сопровождаема достаточными доказательствами, а что настоящая просьба ихъ не имѣетъ и утверждается только на неправдѣ, доказывається уже тою грубою ложью, что онъ, Ковалевскій, въ просьбѣ своей

¹⁾ Харьк. унив. архивъ. Журн. правл. 1813 г., май—августъ, засѣданіе 16 іюня.

²⁾ Харьк. унив. архивъ. Журн. правл. 1811 г., январь—апрѣль; засѣданіе 13-го февраля.

означаетъ 1809 годъ, тогда какъ еще осенью 1808 года принялъ онъ своимъ домашнимъ лѣкаремъ доктора Калькау. Основываясь на этихъ доводахъ, онъ, Пильгеръ, отвергаетъ недоказанную просьбу Ковалевскаго въ виду ея противорѣчій и при этомъ проситъ, чтобы истецъ Ковалевскій доказательства свои представилъ въ положенный законный срокъ или бы по справедливости оставилъ свой искъ; если онъ не докажетъ его, то нужно принудить его, какъ и подобаетъ, къ молчанію; если же онъ, Ковалевскій, будетъ продолжать свой искъ, то онъ, Пильгеръ, найдетъ доказательства, чтобы опровергнуть его какъ слѣдуетъ¹⁾. Правленіе, разсмотрѣвъ этотъ отзывъ, постановило: такъ какъ въ немъ содержатся обидныя и не идущія къ дѣлу выраженія относительно Ковалевскаго, а не дано объясненія по существу иска (т. е. о коляскѣ), чего требуетъ законъ, то возвратить эту бумагу проф. Пильгеру и потребовать отъ него новаго объясненія¹⁾. Спусти нѣкоторое время, Пильгеръ далъ объясненіе; вотъ его подлинный текстъ: „помянутый Ковалевскій призывалъ его, Пильгера, въ 1808 году 5 разъ въ свою деревню Ивановку для лѣченія больныхъ его людей, а въ началѣ іюня того же года былъ онъ въ той деревнѣ въ послѣдній разъ. Въ августѣ же мѣсяцѣ пріѣзжала въ Харьковъ дочь его, Ковалевскаго, Надежда Андреевна, и гальванизировалась у него въ продолженіе цѣлаго мѣсяца для излѣченія своей глухоты. Потомъ въ октябрѣ мѣсяцѣ того же года Ковалевскій принялъ къ себѣ докторомъ адъюнкта Калькау. Въ награду за свои труды онъ получилъ отъ Ковалевскаго: 1) двѣ лошади, которыя вслѣдствіе неспособности ихъ къ употребленію (по ихъ дикости и худобѣ) послѣ 8 мѣсячнаго содержанія на корму въ конюшнѣ были проданы купцу Тарakanову за 180 р.; 2) старую развалившуюся коляску, къ употребленію негодную, которая болѣе 1½ года простояла у него на дворѣ, а такъ какъ наконецъ она совсѣмъ развалилась, то кучеръ его, Пильгера, и продалъ ее одному каретнику за 70 р.; 3) глиняную трубку темноватаго цвѣта съ мѣдною побѣленою окладкою, которую онъ подарилъ Зарудному; 4) бумажную табакерку, которую также подарилъ проф. Шаду; 5) 50 рублей денегъ, изъ коихъ онъ, Пильгеръ, 19 руб. отдалъ за лѣкарства, а 32 р. заплатилъ однажды за почтовыхъ лошадей до Ивановки, а въ другой разъ за наемъ туда же вольнаго извозчика; 6) старую записную книжку. И такъ какъ онъ, Пильгеръ, считаетъ каждый свой визитъ въ Ивановку, гдѣ ему нужно было ночевать и проводить всякій разъ по 2 дня, по 50 руб., то 5 его визитовъ составляютъ 250 р., да за ежедневное гальванизированіе въ продолженіе цѣлаго мѣсяца 100 руб., не

¹⁾ Харьк. унив. архивъ. Журн. правл. 1811 г., май—августъ; засѣданіе 30 іюня.

считая другихъ услугъ, оказанныхъ имъ Ковалевскому. Изъ этого можно усмотрѣть, сколь неоснователенъ искъ Ковалевскаго, въ особенности же если принять, что онъ, Пильгеръ, подарилъ ему еще и гальваническую машину, которая стоила 50 р.⁴ Правленіе постановило: 1) такъ какъ выяснилось, что проф. Пильгеръ занимался запрещенной ему врачебной практикой, то донести объ этомъ, кому слѣдуетъ, и присоединить къ особому дѣлу о лѣченіи Пильгеромъ купца Касьянова; 2) попросить Ковалевскаго представить лично или черезъ повѣреннаго свои замѣчанія и доказательства на объясненіе проф. Пильгера.

Нельзя не сознаться, что проф. Пильгеръ дѣйствовалъ въ данномъ случаѣ не совсѣмъ... корректно. Онъ былъ приглашенъ годовымъ врачомъ къ Ковалевскому, а сдѣлалъ подсчетъ полученнаго гонорара за каждый визитъ. Оцѣнка вещей, полученныхъ имъ отъ Ковалевскаго, оказывается совершенно случайною и произвольною—вѣдь онъ могъ продать ихъ въ качествѣ ненужныхъ ему предметовъ, за безцѣнокъ, на самомъ же дѣлѣ онѣ стоили гораздо дороже. Онъ совсѣмъ не оцѣнилъ предметовъ, подаренныхъ Зарудному и Шаду, между тѣмъ какъ они имѣли нѣкоторую цѣнность. Но и при всѣхъ этихъ условіяхъ онъ все таки получилъ очень приличный гонораръ за свой трудъ: отъ одной помѣщичьей семьи за нѣсколько мѣсяцевъ 250 рублей. Характерно, однако, что эту цифру онъ считаетъ скудной и недостаточной. Если же принять во вниманіе, что у проф. Пильгера была чрезвычайно обширная врачебная практика, при чемъ онъ лѣчилъ одновременно и людей и животныхъ, то мы должны будемъ придти къ убѣжденію, что она ему давала значительные доходы. Это подтверждаетъ и Розальонъ Сошальскій. „Пильгеръ, говоритъ онъ, былъ пріятелемъ моего хозяина и постояннымъ медикомъ въ его домѣ, какъ и у большей части городскихъ жителей, ибо лѣчилъ очень удачно“. Это видно также и изъ многочисленныхъ удостовѣреній и благодарственныхъ писемъ, представленныхъ Пильгеромъ министерству въ доказательство успѣшности его лѣченія (объ этомъ ниже). Нужно думать, что и другіе профессора врачи также имѣли хорошій заработокъ отъ врачебной практики, а таковою занимались Дрейсигъ, считайшійся лучшимъ терапевтомъ, Калькау докторъ медицины, профессоръ ботаники Делявинъ, Каменскій (акушеръ), Шумлянскій (хирургъ), Книгинъ. Нѣкоторымъ дополнительнымъ источникомъ обезпеченія профессоровъ являлись также такъ называемыя *визитаціи*, т. е. поѣздки по округу для осмотра подвѣдомственныхъ университету училищъ (а въ непосредственномъ вѣдѣніи университета были всѣ тогдашнія училища). На расходы по этимъ поѣздкамъ полагалась по штату опредѣленная сумма въ размѣрѣ 5000 р. (о нихъ мы будемъ подробно говорить въ слѣдующей послѣдней главѣ

своей работы). Наконецъ, многіе профессора получали еще значительный гонораръ отъ университета за изданіе своихъ сочиненій, въ особенности учебниковъ и руководствъ. Ниже мы подробно говорили объ этой сторонѣ дѣятельности профессоровъ; теперь же остановимся еще только на издательствѣ Роммеля въ связи съ выходомъ его изъ Харьковскаго университета. Роммель рѣшилъ оставить Россію и вернуться на свою родину—въ Кассель; но въ своемъ прошеніи въ совѣтъ онъ проситъ не полной отставки, а только годичнаго отпуска для поправленія разстроеннаго здоровья и устройства своихъ дѣлъ; ходатайствуя же о выдачѣ денежнаго пособія на эту поѣздку, онъ указываетъ, что составленные имъ изданія классиковъ дали значительную матеріальную выгоду университету. Вотъ что писалъ онъ совѣту въ мартѣ 1814 года. „Получивъ отъ профессора Шада, бывшаго въ то время секретаремъ совѣта, присланное въ Германію пригласительное письмо, и будучи утвержденъ профессоромъ въ апрѣлѣ 1810 г., я прибылъ въ Харьковъ въ началѣ 1811 года. Съ того времени я здѣсь находился 3 года и 3 мѣсяца и все время употреблялъ на исполненіе своей должности и на изданіе и поясненіе римскихъ классиковъ для пользы учащагося юношества; изданіе ихъ по предписанію его сіятельства г. министра (въ копіи здѣсь приложенному) совѣтъ поручилъ мнѣ; изъ нихъ первыя двѣ книги: избранныя Цицероновы рѣчи (1811 г.) и философскія сочиненія Цицерона о дружбѣ (1813 г.) уже отпечатаны. Съ небольшою надеждою прибѣгаю нынѣ къ совѣту, представляя съ комментаріями сочиненія труднѣйшаго изъ авторовъ Саллюстія. Къ нимъ на этихъ дняхъ мною будетъ прибавленъ не менѣе важный для поясненія древней исторіи Корнелій Непотъ, съ двумя комментаріями относительно исторіи и латинскаго языка.

Между тѣмъ будучи удрученъ этими, какъ всякому извѣстно, скучными трудами, разстроенъ тѣломъ и духомъ отъ перемѣнъ и жестокости климата, необыкновенной грязи и нездороваго положенія города, я чувствую себя ежедневно слабѣющимъ. Къ этому разслабленію присоединяется также особое уныніе духа, происходящее отъ привязанности къ прежнему отечеству, родителямъ и родственникамъ и стоящее въ связи съ семейными дѣлами, требующими на время моего присутствія. Посему, если я еще долженъ что либо присоединить къ ученію и трудамъ здѣсь начатымъ, то это не иначе можетъ быть, какъ по удовлетвореніи моего желанія: только укрѣпивъ силы тѣла и пріобрѣвъ живость и спокойствіе духа, я буду въ состояніи вмѣстѣ съ вами продолжать свои занятія.

Посему посредствомъ васъ прошу его сіятельство г. министра, чтобы мнѣ по окончаніи экзаменовъ въ іюлѣ мѣсяцѣ позволено было на одинъ годъ отбыть изъ Харькова въ Германію и отечественный городъ

Кассель, и для проѣзда получить паспортъ либо здѣсь, либо въ Петербургѣ, который я имѣю желаніе видѣть по дѣламъ службы. А какъ нашъ Августѣйшій Монархъ неоднократно всемилостивѣйше жаловалъ профессорамъ отправлявшимся въ отпускъ часть жалованья, то представляю совѣту рѣшить, заслуживаю ли я этой милости, особенно когда и въ отсутствіи я могу быть полезенъ университету или исполненіемъ его порученій, или заботою о пользахъ его.

Обязанностью считаю объяснить, что профессору, имѣющему принять должность мою по латинской литературѣ, слѣдуетъ предоставить часть моего жалованья. Къ этому былъ уже предназначенъ профессоръ Шадъ, и я съ полнымъ убѣжденіемъ признаю его способнѣйшимъ и искуснѣйшимъ въ латинскомъ языкѣ. Покорнѣйше прошу настоящее прошеніе вписать въ протоколъ, и съ заключеніемъ совѣта препроводить къ его сіятельству г. министру.

Совѣтъ далъ благопріятный отзывъ и министръ народнаго просвѣщенія вошелъ въ комитетъ министровъ съ ходатайствомъ о выдачѣ Роммелю на путевые расходы половины его жалованья (т. е. тысячи руб.). Вотъ что писалъ гр. А. К. Разумовскій.

Профессоръ Харьковского университета, Роммель, приглашенный 3 года тому назадъ изъ чужихъ краевъ въ Харьковъ, нынѣ по причинѣ разстроеннаго въ семь мѣстѣ отъ дурного климата здоровья и по семейнымъ обстоятельствамъ проситъ уволить его въ Германію и въ отечественный городъ Кассель, срокомъ на одинъ годъ, съ полученіемъ половиннаго жалованья и съ обращеніемъ другой половины этого послѣдняго профессору, который въ отсутствіе его будетъ преподавать его предметъ.

Во уваженіе того, что профессоръ Роммель, какъ университетъ свидѣтельствуетъ, дѣйствительно разстроилъ здоровье и безъ поправленія его не сможетъ продолжать своихъ занятій съ тою дѣятельностью, какую до сихъ поръ проявлялъ, а также принимая во вниманіе его труды по изданію древнихъ классическихъ писателей съ надлежащими поясненіями, каковыя и по возвращеніи своемъ изъ заграницы снова продолжать въ состояніи будетъ, и то обстоятельство, что въ самомъ отсутствіи своемъ онъ можетъ быть полезенъ университету исправленіемъ разныхъ порученій въ чужихъ краяхъ, съ своей стороны, будучи согласенъ на удовлетвореніе его просьбы, испрашиваю на это разрѣшенія комитета министровъ.

Представленіе это было уважено комитетомъ министровъ, но оно не удовлетворило Роммеля, какъ это видно изъ вторичнаго прошенія

его, въ которомъ онъ отказывался отъ назначенной ему 1000 рублей и доказывалъ, что по самому скромному расчету онъ долженъ получить 2925 рублей.

Когда совѣтъ для пользы моей просилъ о выдачѣ мнѣ половиннаго жалованья на дорогу (замѣтимъ, что въ другихъ университетахъ давали и болѣе), то, хотя въ представленіи своемъ къ его сіятельству г. министру и упомянулъ о трудахъ моихъ вообще и болѣзни, однако безъ сомнѣнія и не желалъ и не могъ сказать, что этимъ меня можно будетъ вознаградить за всѣ 4 мои изданія, ибо Корнелій Непотъ не былъ еще въ то время оконченъ. Кромѣ того я самъ относительно этого въ прошеніи своемъ почтительно и ясно представлялъ благоразсужденію совѣта. Но я погрѣшилъ бы противъ себя, если бы уже не объяснилъ совѣту, что въ такомъ состояніи дѣлъ я не могу принять тысячи рублей, назначенныхъ мнѣ совѣтомъ для дороги, и желаю, чтобы они были возвращены въ казну. Совѣтъ тѣмъ болѣе, кажется, можетъ согласиться на это, что нѣтъ почти никакой надежды, чтобы его постановленіе было утверждено начальствомъ. Прежде нежели искать справедливости у егo сіятельства г. министра, я желаю лучше ходатайствовать объ этомъ передъ самимъ университетомъ, чтобы онъ сдѣлалъ моимъ трудамъ надлежащую оцѣнку и прошу разрѣшенія у почтеннаго ректора и гг. сочленовъ съ должной почтительностью, дать свои объясненія по этому вопросу.

Римскія изданія въ нашемъ и въ другихъ русскихъ университетахъ рѣдко предпринимались, а въ нашемъ ихъ не было вовсе. Однако предвидѣть можно, что по возрастающему образованію государства ежедневно будетъ увеличиваться и необходимость таковыхъ изданій, тѣмъ болѣе, что, какъ извѣстно, и безъ того небольшое число филологовъ въ ученомъ мірѣ ежедневно уменьшается.

Таковыя изданія, хотя бы и не были проданы, но дадутъ большую выгоду, тѣмъ болѣе, что безъ всякой перемѣны опять могутъ быть перепечатаны и повторяемы вѣчно, такъ что трудъ автора вознаградится одинъ разъ, а польза университету на будущее время будетъ двойная и тройная.

Долженъ я повторить, что предпринялъ столь трудное дѣло по порученію совѣта и для общей пользы. Ибо извѣстно, что еслибы я напечаталъ эти книги на свой счетъ и быть можетъ продалъ бы нѣсколько изданій четырехъ авторовъ, необходимыхъ въ школахъ, то пріобрѣлъ бы солидную сумму денегъ. Этихъ изданій нельзя сравнивать ни съ хрестоматіями, изданными профессоромъ Де-Баллю, получившимъ однако значительную награду, ни съ нѣмецкою хрестоматіею, изданною мною и проф. Шадомъ. Они требуютъ гораздо большей филологической учености

и кромѣ соблюденія чистаго стиля въ мертвомъ языкѣ особенной и необыкновенной подробности въ изъясненіи словъ, вещей и смысла автора. Однако если мои изданія были бы награждены подобно нѣмецкой хрестоматіи, то я могъ бы получить и просить по счету здѣсь приложенному 2900 рублей.

Хотя это и справедливо, однако, такъ какъ я трудился для чести университета и своей собственной, то прошу совѣтъ, оставивъ всѣ арифметическіе счеты, быть увѣреннымъ, что ничего не желалъ я и не желаю кромѣ его одобренія и награды по чести, обѣщанной мнѣ за два года до окончанія второго изданія.

Совѣтъ самъ рѣшить, не лучше ли для чести университета и порядка дѣлъ сдѣлать постановленіе по этому дѣлу, предпринятому по его порученію, нежели, оставивъ нерѣшеннымъ, предоставить мнѣ самому искать благоволенія начальства.

Прошу это заявленіе занести въ протоколъ цѣликомъ и если совѣтъ не сдѣлаетъ никакого опредѣленія, препроводить его съ прежними бумагами къ его сіятельству.

Такъ какъ его сіятельство г. министръ народнаго просвѣщенія благоволилъ наградить насъ за нѣмецкую хрестоматію, изданную мною и проф. Шагомъ, гонораромъ въ размѣрѣ стоимости 300 экземпляровъ изданія (не считая 50 экз. натурою и обѣщанія денежнаго подарка), то это назначеніе по всей справедливости можно взять за основаніе оцѣнки изданія римскихъ классиковъ, хотя оно требуетъ болѣе учености и труда. И такъ какъ рѣчи Цицерона продаются по 3 р. 20 к. экземпляръ, его философскія сочиненія по 2 р., творенія Саллюстія по 2 р. 5 к., Корнелія Непота по 1 р. 75 к., то 300 экземпляровъ всѣхъ составитъ суммѣ въ 2700 рублей.

Присоединивъ же сюда стоимость 25 экземпляровъ, недополученныхъ въ натурѣ, въ размѣрѣ 225 р., получимъ общую сумму—2925 р. 1).

Мы не знаемъ, каковы были результаты этого новаго ходатайства Роммеля; извѣстно, впрочемъ, что онъ остался вполне доволенъ наградой, полученной отъ министерства народнаго просвѣщенія при отъѣздѣ за границу.

Важное значеніе въ дѣлѣ матеріальнаго обезпеченія профессорскихъ семействъ имѣли пенсіи. Мы видѣли, что пенсіонный уставъ того времени былъ не менѣе, если даже не болѣе благопріятный, чѣмъ теперешній. Но самъ университетъ былъ очень молодъ и умиравшіе или выходившіе въ отставку въ изучаемое нами десятилѣтіе профессора имѣли не много собственно университетской службы (ибо предшествую-

1) Архивъ мин. народ. просв. 1814 г. № 6100/100.

щая во вниманіе не принималась). Какъ же поступали въ такихъ случаяхъ? Отвѣтомъ на этотъ вопросъ могутъ служить свѣдѣнія о пенсіяхъ семьѣ Рижскаго, Калькау и проф. Тимковскому. Рижскій до назначенія профессоромъ въ Харьковскій университетъ былъ на государственной службѣ въ разныхъ вѣдомствахъ 24 года, но въ университетѣ прослужилъ всего 8 лѣтъ (съ 1803 по 1811 годъ). И вотъ когда онъ умеръ, жена его обратилась съ ходатайствомъ о назначеніи ей пенсіи.

Ваше сіятельство, милостивый государь, графъ Алексѣй Кирилловичъ! писала она. Простите великодушно, ваше сіятельство, несчастную вдову, которая, едва приходя въ чувство, отъ горести, ея поразившей, дерзаетъ *повернуть себя* и годового сироту своего къ стопамъ вашимъ. Университетъ представилъ уже, какъ я слышу, вашему сіятельству о смерти моего покойнаго мужа и о дарованіи мнѣ пропитанія. Сіятельнѣйшій графъ! будьте милосерды! безъ великодушной помощи и покровительства вашего, я должна буду погибнуть. Съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенною преданностію, имѣю честь именоваться, сіятельнѣйшій графъ, милостивый государь, вашего сіятельства всекорнѣйшая слуга Надежда Рижская вдова покойнаго ректора Рижскаго. Апрѣля 15-го дня 1811 года, Харьковъ. Министръ положилъ такую резолюцію: „ожидать представленія отъ университета“. Университетъ не замедлил сдѣлать представленіе въ видѣ формуляра ¹⁾ чисто фактическаго содержанія, который мы помѣщаемъ цѣликомъ въ примѣчаніи.

¹⁾ Иванъ Степановъ сынъ Рижскій коллежскій совѣтникъ 48 лѣтъ. Изъ духовнаго званія. Имѣетъ одного двороваго человѣка. Съ 1779-го по октябрь мѣсяцъ 1786 года, былъ учителемъ въ Троицкой семинаріи и обучалъ риторику, поэзіи, исторіи, римскимъ древностямъ и философіи, между тѣмъ издалъ двѣ книги своего сочиненія: первую о богослуженіи, вторую о гражданскихъ постановленіяхъ древнихъ римлянъ. Произведенъ губернскимъ секретаремъ 1785 г. Апрѣля 11. Съ 1-го октября 1786 по 27 сентября 1799 года состоялъ учителемъ въ Императорскомъ горномъ кадетскомъ корпусѣ, и обучалъ латинскому языку, въ верхнемъ классѣ исторіи, географіи, риторику, логику и переводамъ съ французскаго языка горныхъ книгъ, — между тѣмъ издалъ на русскій языкъ свое сочиненіе 1-е—логику, 2-е—риторику, по которой нынѣ въ нѣкоторыхъ общественныхъ училищахъ преподается наука краснорѣчія, и по ордеру начальства занимался исправленіемъ переводовъ Кронштедтовой рудословной системы, которая тогда была классическою въ горномъ корпусѣ книгою, и каталога минераловъ, находящихся въ армітажѣ Его Императорскаго Величества; перевелъ съ французскаго языка физическое и топографическое описаніе Тавриды г. Палласа. Съ 1797 былъ помощникомъ инспектора корпуса, а съ февраля по іюнь мѣсяцъ того же года по особенному ордеру начальства, исправлялъ должность инспектора корпуса. Произведенъ маркшейдеромъ 9-го класса 790, ноября 1, произведенъ обергиттенфервальтеромъ 8-го класса 798, ноября 16-го. Съ 27 сентября 799-го по 4-е іюля 1801 года былъ штатнымъ секретаремъ Святѣйшаго синода, коимъ при опредѣленіи переименованъ въ коллежскіе ассесоры. Признанъ членомъ Императорской Россійской академіи 802, мая 3-го. Съ 4 іюня 1801 по

Основываясь на этомъ формулярѣ, министръ народнаго просвѣщенія сдѣлалъ слѣдующій докладъ на Высочайшее имя.

„Совѣтъ Харьковскаго университета представилъ мнѣ объ исходатайствованіи оставшейся послѣ умершаго ректора сего университета ординарнаго профессора россійскаго краснорѣчія и словесности коллежскаго совѣтника Рижскаго вдовѣ и малолѣтнему сыну единовременной выдачи годоваго жалованья умершаго и сверхъ того объ опредѣленіи пенсіона.

Рижскій поступилъ въ университетъ въ званіи профессора въ 1803 году февраля 7 дня.

1-е апрѣля 1803 года былъ членомъ государственной бергъ-коллегии, и обучалъ между тѣмъ въ поминутомъ корпусѣ россійской словесности и логикѣ. Изъ учившихся у него нѣкоторые мнѣ въ духовномъ званіи преосвященными архіереями и членами свѣтѣйшаго синода, многіе же въ воинской, гражданской и горной службахъ чиновниками 4, 5, 6 и прочихъ классовъ. Профессоромъ Императорскаго Харьковскаго университета россійской словесности и краснорѣчія 803, февр. 7-го въ учрежденномъ для приготовленія университета къ открытію комитетѣ правленію, по дѣламъ университета находился предѣлительствующимъ 1804. Избранъ по большинству голосовъ и утвержденъ ректоромъ на 1805 годъ. 1805, февраля 25. Того-же 1805 года упомянутую своего сочиненія риторикъ, призванную Харьковскимъ университетомъ лучшую на россійскомъ языкѣ, со многими исправленіями и дополненіями принесъ въ даръ сему университету, который въ пользу училищъ своего округа издалъ ее вторымъ тисненіемъ. Изъ трехъ профессоръ при выборѣ на 1806 годъ ректора, получившихъ равное число избирательныхъ шаровъ утвержденъ ректоромъ декабря 16, въ томъ же 1806 году издалъ книгу подъ названіемъ: „Введеніе въ курсъ словесности“. Деканомъ отдѣленія словесныхъ наукъ и секретаремъ совѣта былъ въ 1807 г., визитаторомъ отправлялся въ Полтавскую, Екатеринославскую и Херсонскую губерніи въ томъ же году. По Высочайшему рескрипту пожалованъ кавалеромъ ордена Св. Анны 2-го класса сент. 7, въ отдѣленіи нравственныхъ и политическихъ наукъ сего университета получилъ званіе доктора философіи декабря 18. Когда при избраніи въ ректоры профессоръ, получившій большее число шаровъ отъ сего уволенъ по прошенію его, то изъ двухъ имѣвшихъ затѣмъ равное число шаровъ, утвержденъ ректоромъ на 1808 годъ, 808, марта 28. Имяннымъ Высочайшимъ указомъ произведенъ въ коллежскіе совѣтники декабря 31. Избранъ по большинству голосовъ и утвержденъ ректоромъ на 1809 г. декабря 5. Послѣ четырехъ профессоровъ при избраніи въ ректоры на 1810 годъ, имѣвшихъ большинство шаровъ, утвержденъ на новый годъ ректоромъ 1810 января 8. Избранъ по большинству голосовъ и утвержденъ ректоромъ на 1811 годъ декабря 31. Дипломы его 1) на достоинство члена императорской россійской академіи 1802 года мая 3 дня, 2) на наименованіе членомъ вольнаго общества любителей наукъ словесности и художествъ, 3) на достоинство доктора философіи 1807, декабря 18 дня, 4) сертификатъ за подписаніемъ его сіятельства г. попечителя, что онъ, Рижскій, по Высочайшему Государя Императора соизволенію опредѣленъ въ Харьковскій университетъ публичнымъ ординарнымъ профессоромъ россійской словесности и краснорѣчія апрѣля 4 дня, 1803 года. Жевать, имѣть сына Александра одного года. Проректоръ А. Стойковичъ, Иванъ Шадръ.

Въ 19-й ст. данной Харьковскому университету утвердительной грамоты изображено: „если профессоръ или адъюнктъ или учитель „усердно прослужить при университетѣ въ своемъ званіи отъ пяти до „пятнадцати лѣтъ, оставя по себѣ жену или дѣтей малолѣтнихъ, то „сверхъ единовременной выдачи годового жалованья, назначается вдовѣ „съ дѣтьми пятая онаго доли“. Высочайшимъ же указомъ, въ 31 день марта сего года состоявшимся, повелѣно единовременныя выдачи годового жалованья и пенсіи, получать какъ вдовѣ, такъ и дѣтямъ особо.

На основаніи сихъ постановленій испрашиваю Высочайшаго Вашего Императорскаго Величества повелѣнія о выдачѣ вдовѣ Рижскаго и малолѣтнему сыну особо единовременно годового жалованья умершаго по двѣ тысячи, всего четырехъ тысячъ рублей, равно объ опредѣленіи въ пенсіонѣ вдовѣ и сыну пятой части сего жалованья, то есть, вдовѣ по четыреста рублей въ годъ и сыну по столько же, назначивъ всѣ сіи деньги въ выдачу изъ пенсіонной суммы, въ университетъ отпускаемой. Подлинный подписалъ: г. Алексѣй Разумовскій. На подлинномъ собственною Его Императорскаго Величества рукою написано такъ: „быть по сему Александръ. С.-Петербургъ, мая 12 дня 1811 года“. Однако вдова покойнаго Рижскаго не удовлетворилась такой пенсіей, тѣмъ болѣе, что въ это время умеръ ея сынъ и вслѣдствіе этого она должна была получать не 800 руб., а только 400 р. и обратилась къ гр. А. К. Разумовскому съ новымъ ходатайствомъ, гдѣ писала: „Сіятебнѣйшій графъ, милостивый государь! Чувство великой моей потери не давало до сихъ поръ мѣста никакому другому въ моей душѣ. По сей причинѣ простите меня, сіятебнѣйшій графъ, въ томъ, что я умедлила принесеніемъ вамъ глубочайшей благодарности за милость, каковую вы мнѣ оказать изволили, испросивъ пенсіонъ мнѣ и покойному моему сыну Александру Рижскому, который къ усугубленію моей горести послѣдовалъ за отцомъ своимъ въ то самое время, когда я получила сіе извѣстіе.

Я лишаюсь всего, что было для меня дорого, кромѣ имени моего мужа. Сіе имя осталось въ публикѣ; и я обязана сохранять послѣднюю мою драгоценность, которая одна можетъ къ жизни меня привязывать. Не почтите же, милостивый государь, дерзновеніемъ или внушеніемъ одной личной выгоды нынѣшнее же покорнѣйшее прошеніе, сопровождающее должную вашему сіятельству благодарность.

Услуги мужа моего отечеству были довольно значительны для мѣста, которое онъ занималъ, но награда по смерти равняетъ его съ самымъ обыкновеннымъ чиновникомъ профессорскаго званія. Неизвѣстно мнѣ, какое представленіе сдѣлалъ о немъ университетъ; почему я беру смѣлость приложить у сего записку на подлинныхъ бумагахъ основан-

ную. Ваше сіятельство изводите увидѣть, что онъ пять разъ былъ Высочайше утвержденъ въ качествѣ ректора, и занималъ сіе мѣсто (за исключеніемъ только одного года) непрерывно отъ основанія университета— по смерти свою. Слѣдовательно, жалованье, при которомъ онъ и скончался, составляло не 2000, но 2600 рублей, также, что онъ съ 1779 г. по 1811-й, слѣдовательно тридцать два года непрерывно же несъ учительскія должности, а по благотворительному докладу вашего сіятельства, Высочайше утвержденному въ 15-й день апрѣля, время доставляющее пенсіи должно считать не иначе, какъ съ званія учительскаго. Мужъ мой, сверхъ сей обыкновенной службѣ, которую онъ съ отличною ревностью всегда исправлялъ, о чемъ могутъ засвидѣтельствовать тѣ начальники его, кои нынѣ находятся въ живыхъ (какъ то нѣкоторые члены святѣйшаго синода, Василій Степановичъ Поповъ и графъ Потоцкій) былъ писателемъ полезнымъ для своего отечества, писателемъ классическимъ. Руководства его для разныхъ частей словесности изданныя отчасти приняты повсемѣстно въ гражданскихъ и духовныхъ училищахъ, отчасти же удостоены быть напечатаны на иждивеніи россійской академіи. Одобреніе самое рѣшительное, какое только можно получить. Онъ былъ и первымъ образователемъ Харьковскаго университета, до открытія его, занимая мѣсто предсѣдателя въ комитетѣ, который тогда изъ немногихъ еще членовъ университета состоялъ и который трудился въ теченіи цѣлаго года. Извѣстно вашему сіятельству, съ какими затрудненіями бываетъ сопряжено водвореніе въ провинціи важнаго заведенія сего рода! Крайнимъ только благоразуміемъ, дѣятельностію и осторожностью возможно согласить волю правительства, недостатокъ средствъ, и духъ публики, чуждающійся новостей, ему неизвѣстныхъ или даже въ превратномъ видѣ представляющихся. Крайнимъ только и безкорыстнѣйшимъ вниманіемъ можно сберечь издержки казны въ такомъ случаѣ. Цѣлый университетъ и весь городъ Харьковъ, провожавшій мужа моего до его могилы, засвидѣтельствуютъ, въ какой степени онъ удовлетворилъ всѣмъ симъ обстоятельствамъ, въ какой степени онъ приобрѣлъ общее уваженіе. Они же засвидѣтельствуютъ и о почтенномъ безкорыстіи его. Сіятельнѣйшій графъ! не по однимъ чувствамъ признательности совѣтъ университета опредѣлили сумму на его погребеніе!..

Простите несчастную вдову, дочь именитаго здѣсь дворянина, которая смѣетъ сказать министру, что пенсія 400 рублей, ей назначенная не удовлетворитъ ни нуждъ ея, буде она еще жить на свѣтѣ осуждена, ни честолюбію, буде должна она умереть. Не имѣя силъ продолжать сіе омытое слезами письмо, я предоставляю все прочее собственному вашему великодушію. Не вамъ ли ввѣрено ходатайство за тѣхъ, которые заслу-

живають, чтобы для нихъ сдѣлано было свыше предписаннаго общими правилами. Имѣю честь быть съ глубочайшимъ почтеніемъ, милостивый государь, вашего сіятельства всепокорнѣйшая къ услугамъ вдова Надежда Андреевна дочь Рижская, сентября 28 дня 1811 г. Харьковъ.

Графъ А. К. Разумовскій далъ такой отвѣтъ на это письмо.

Милостивая государыня моя, Надежда Андреевна! Крайне сожалѣю, что не могу въ пользу вашу ничего болѣе сдѣлать, какъ то, что уже сдѣлано и что предписано уставомъ университета. Министерство народного просвѣщенія наградило васъ пенсіономъ, сообразнымъ лѣтамъ службы покойнаго мужа вашего при университетѣ. Докладъ 15 апрѣля сего года, на который изволите ссылаться, повелѣваетъ считать число лѣтъ службы чиновникамъ къ пенсіону—имъ и вдовамъ ихъ—съ учительскаго званія ихъ при университетѣ токмо, а время, проведенное ими въ должности при всякомъ другомъ мѣстѣ, а тѣмъ болѣе при заведеніяхъ, неподвѣдомыхъ министерству просвѣщенія, въ счетъ не принимается. Что же касается до количества жалованья, изъ котораго пенсіонъ назначается, я долженъ изъяснить, что въ семъ случаѣ берется за основаніе постоянное жалованье, не включая въ то число временнаго прибавочнаго жалованья за разныя по университету должности. На сихъ началахъ составленъ и поднесенъ отъ меня Государю Императору докладъ опредѣляющій вамъ пенсіонъ. Не зависитъ отъ меня отступить отъ правилъ, единожды навсегда установленныхъ. Возвращая бумаги, отъ васъ доставленныя, раздѣляя съ вами горестъ, васъ постигшую, прошу вѣрить чувствованіямъ истиннаго почтенія, съ коими пребываю вамъ, милостивая государыня покорнымъ слугою¹⁾.

Нельзя не сознаться, что вдова Рижскаго очутилась дѣйствительно въ тяжеломъ положеніи и могла рассчитывать хотя-бы и не въ примѣръ прочимъ на большее матеріальное обезпеченіе въ виду особенныхъ заслугъ ея мужа, оказанныхъ Харьковскому университету. Затѣмъ должна была быть принята во вниманіе отчасти и его предшествующая многолѣтняя служба, ибо безъ этого дѣйствительно старый заслуженный профессоръ и ректоръ университета, Рижскій, служившій 32 года дѣлу просвѣщенія, былъ приравненъ по правамъ на пенсію къ молодымъ профессорамъ, прослужившимъ всего на всего 5 лѣтъ. Конечно, министръ народного просвѣщенія дѣйствовалъ въ данномъ случаѣ совершенно законно, ни на іоту не отступая отъ буквы устава; но, быть можетъ, несовсѣмъ была неправа и вдова Рижская, когда писала, что министру „вѣрено ходатайство за тѣхъ, которые заслуживаютъ, чтобы для нихъ

¹⁾ Архивъ мин. нар. просв. 1811 г. № 5762/156.

сдѣлано было свыше предписаннаго общими правилами*. Нужно, впрочемъ, предполагать, что и графъ А. К. Разумовскій, высоко цѣнившій заслуги покойнаго Рижскаго, больше бы сдѣлалъ для его вдовы, если бы уже не былъ связанъ своимъ собственнымъ докладомъ Государю и Высочайшимъ его одобреніемъ. Къ сожалѣнію, совѣтъ университета не пришелъ въ этомъ дѣлѣ на помощь министру—не сдѣлалъ представленія объ экстраординарной пенсіи или пособіи семьѣ Рижскаго, что, кажется, онъ долженъ былъ бы сдѣлать въ виду той выдающейся роли, какую игралъ Рижскій въ Харьковскомъ университетѣ, какъ профессоръ,—преподаватель и ученый—искусный администраторъ и честнѣйшій, безкорыстѣйшій человѣкъ, внезапно умершій и не могшій при жизни собрать средствъ для обезпеченія своей осиротѣлой семьи. Кому же, какъ не совѣту, было поднять этотъ вопросъ передъ министромъ? Къ несчастію преемникомъ Рижскаго былъ его постоянный конкуррентъ проф. Стойковичъ, который заботился только о собственномъ обогащеніи, не брезгалъ для этого никакими средствами, но у котораго не было развито чувство общественнаго долга и справедливости; привыкнувъ руководствоваться въ своей собственной дѣятельности исключительно корыстными побужденіями, онъ, естественно, не могъ оцѣнить должнымъ образомъ заслугъ такого человѣка, какъ Рижскій, да и не въ его интересахъ была ихъ справедливая оцѣнка.

Нѣсколько грустное впечатлѣніе производитъ также и дѣло о назначеніи пенсіи вдовѣ безвременно скончавшагося талантливаго адъюкта Калькау. Въ силу неизвѣстныхъ намъ обстоятельствъ онъ въ послѣдніе годы не жилъ совмѣстно со своей женой, не внесъ ее по какой-то случайности въ свой послужной списокъ—и потому нѣкоторые профессора (Шумлянскій и Каменскій) въ совѣтѣ высказывались за то, чтобы вовсе не назначать ей пенсіи, такъ какъ она была въ негласномъ разводѣ съ мужемъ. Однако въ защиту правъ вдовы выступилъ другъ почившаго профессоръ Гизе, указавшій на предсмертную волю покойнаго ¹⁾, а она

¹⁾ Вотъ его заявленіе по этому вопросу. Читаны мнѣнія, поданныя отъ гг. профессоровъ Каменскаго и Шумлянскаго въ собраніи совѣта 3-го мая сего 1812 года касательно жены умершаго экстраорд. проф. Калькау; и какъ сіи мнѣнія не основаны на справедливомъ сужденіи о дѣлѣ, то я долгомъ почитаю отнести о томъ въ совѣтъ университета.

Если проф. Калькау въ послужномъ списокѣ своемъ поданномъ въ университетъ 1808 года, не показала, что онъ женатъ, то сего не можно причесть въ вину оставленной имъ вдовѣ, которая таковою утверждена неоспоримыми и ненарушимыми свидѣтельствами. Г. проф. Каменскій того мнѣнія, что жена, столько лѣтъ находившаяся въ скрытномъ разводѣ и объявленная женою только умирающимъ уже мужемъ, закономъ признана быть не можетъ. Поелику таковой скрытый разводъ не существовалъ, какъ до-

представила документы, удостоверяющие ее законный брак и отсутствие развода ¹⁾, и нужно думать, что пенсия ей была назначена.

Но одновременно с этими двумя печальными эпизодами мы должны отметить и третий отрадный факт—это именно просьбу совета о выдаче полной пенсии проф. Тимковскому за его усердную и ревностную службу, во время которой он потерял здоровье и просился теперь в отставку. Вот подлинный текст его прошения.

„Состоящий в семъ университетѣ профессоромъ публичнымъ ординарнымъ правъ гражданского и уголовного въ российской имперіи Ильи

казано мною в донесеніи правленію университета, то симъ самымъ мнѣніе г. професс. Каменскаго и опровергается.

Весьма недоброжелательно мнѣніе г. проф. Шумлянского, предложенное въ советѣ и съ горестію мною читанное, мнѣніе, что противъ собственнаго показанія въ послужномъ спискѣ умершаго ничего предпринимать не можно и ниже блятва проф. Гичево свидѣтельство не нужна, ибо оною подтвердится только, что проф. Калькау былъ женоказатель. Сей добрый и почтенный мужъ въ послужномъ спискѣ своемъ ничего о бракѣ своемъ не упомянулъ, и какъ таковое объявленіе никогда отъ него не было сдѣлано, то было бы несправедливо приписывать ему имя женоказателя, тогда какъ я готовъ клятвою подтвердить его признаніе, объявленное мнѣ отъ него при послѣднихъ минутахъ его жизни. Но и клятва не нужна, ибо свидѣтельства и многія письма мною въ правленіе поданныя и имъ принятыя, дѣлаютъ сію клятву излишнею. Харьковъ, мая 10-го дня 1812.

¹⁾ А вотъ текстъ прошенія, представленнаго г-жею Калькау въ Ревельскій магистратъ.

Высокородные и высокоблагородные, высокопочтенные, высокоученые и высокоумные господа бургомистры, гг. свидки и гг. члены магистрата и всегда высокоуважаемые господа! Съ приложеніемъ засвидѣтельствованной въ семъ высокомъ магистратѣ копіи съ экстракта изъ метрической книги въ Виттенбергѣ, изъ коей явствуется замужество мое съ любезнымъ моимъ покойнымъ мужемъ Императорскаго Харьковскаго университета экстраорд. профессоромъ *Абраамомъ Калькау*, просила я правленіе Харьковскаго университета объ оставшемся послѣ него имуществѣ и доставленія мнѣ сдѣваемой пенсіи какъ его вдовѣ, которая пенсія таковымъ какъ я вдовамъ предоставлена отъ Его Императорскаго Величества. Почему согласно съ оною просьбою моею императорскій Харьковский университетъ представлялъ о томъ г. министру и отъ него получилъ предписаніе вытребовать отъ меня консисторское свидѣтельство о томъ, что я съ мужемъ моимъ не состояла въ разводѣ; 2) копію, засвидѣтельствованную гдѣ слѣдуетъ, съ моего паспорта и 3) извѣщеніе, гдѣ и сколь долгое время не жила я съ мужемъ моимъ со времени моего съ нимъ вѣнчанія въ супружество. Вслѣдствіе чего имѣю долгъ представить: 1) приложение у сего подъ литерами А и Б аттестаты отъ консисторій и сіе какъ отъ здѣшней земской, такъ и императорской эстляндской провинціальной консисторій о томъ, что я не состояла съ мужемъ моимъ въ разводѣ; 2) при литерѣ С прилагаю засвидѣтельствованную законнымъ образомъ копію съ моего паспорта и 3) въ разсужденіи требуемаго свѣдѣнія, гдѣ и сколь долгое время не жила я съ мужемъ моимъ, имѣю долгъ донести сходственно съ правдою слѣдующее.

Я вѣнчалась съ покойнымъ моимъ мужемъ въ Виттенбергѣ, августа 19 дня 1801 года, который тогда состоялъ въ трудной должности корректора въ одной изъ лучшихъ

Тимковский, въ засѣданіи совѣта іюля 10 дня подалъ въ оный на російскомъ и латинскомъ языкѣ прошенія, въ коихъ изъяснялъ, что онъ по причинѣ продолжающейся нѣсколько лѣтъ великой слабости въ здоровьѣ, чувствуетъ себя неспособнымъ къ отправленію долѣе профессорской должности; но что по неимѣнію собственно ему принадлежащаго имѣнія, съ помощію котораго могъ бы онъ дать содержаніе своему семейству, пріемлетъ прибѣжище къ монаршему милосердію, на основаніи изъясненныхъ въ утвердительной грамотѣ университета для подобныхъ случаевъ положеній. Совѣтъ по прочтеніи 18-го § оной грамоты поручилъ профессору сего-жъ университета Дрейсигу, который пользовалъ

тамошнихъ типографій до тѣхъ поръ, какъ спустя почти два мѣсяца послѣ нашего супружества, получилъ повелѣніе возвратиться въ Россію. Мой покойный мужъ послѣдовалъ сему зову, а я по случаю болѣзни моей осталась въ Виттенбергѣ, доколѣ мужъ мой пріѣдетъ или пришлетъ за мною. Но это продлилось до осени 1802 г., когда я съ дѣвицею Фойгтъ, братъ которой состоялъ въ службѣ российской въ С.-Петербургѣ при юстицъ-коллегіи, отправилась чрезъ Любекъ и Кронштадтъ въ Петербургъ. Отсюда хотѣла я ѣхать въ Москву, гдѣ тогда находился мужъ мой; но мой тестъ, нинѣ умершій, г. ст. сов. Баузе прислалъ ко мнѣ письмо отъ моего мужа, изъ коего видно было, что онъ намѣренъ отправиться въ Геттингенъ для усовершенствованія своего въ медицинѣ и что относительно меня принялъ онъ уже свои мѣры. Вскорѣ потомъ мужъ мой самъ пріѣхалъ въ С.-Петербургъ, гдѣ мы до ноября мѣсяца 1802 года находились постоянно вмѣстѣ, и вмѣстѣ предпріяли путь до Ревеля въ томъ же ноябрѣ мѣсяцѣ 1802 года. Тутъ оставилъ меня мужъ мой у моей тетки покойной штаба-лекарши Юмусы урожденной Шмидтъ, самъ же онъ продолжалъ свой путь въ Геттингенъ для усовершенствованія своего въ медицинѣ. Но жестокая судьба хотѣла, чтобы по отъѣздѣ его изъ Ревеля мы болѣе уже не видались. Окончивъ свое ученіе онъ возвратился въ свое отечество и былъ публичнымъ наставникомъ въ Харьковскомъ университетѣ и для скорби всѣхъ, хорошо его знавшихъ и уважавшихъ и для скорби особенно меня бѣдной оставленной вдовы переселился въ вѣчность, куда послѣдуютъ за нимъ мои слезы, доколѣ я сама туда-жъ преселюсь. Пребываніе же мое съ ноября мѣсяца 1802 года всегда находилось въ Ревелѣ, гдѣ и нинѣ нахожуся въ бѣднѣйшемъ и жалостнѣйшемъ состояніи, въ какомъ человѣкъ находится только можетъ, содержа себя единственно тѣмъ, что доставляемо мнѣ было отъ времени до времени отъ моего покойнаго мужа чрезъ г-на стат. сов. Рихтера изъ Москвы и г. Павла Штоккельберга изъ Ревеля, какъ то видѣть можно изъ присланнаго здѣсь засвидѣтельствованнаго счета подъ лит. Д.

Нашъ человѣколюбивый монархъ, отецъ вдовъ и сиротъ, по монаршей своей милости имѣетъ пометеніе свое о вдовахъ публичныхъ наставниковъ. Единственная моя надежда, единственное мое утѣшеніе въ томъ состоитъ, что и я подъ благодѣтельнымъ покровительствомъ законовъ имѣю основательную надежду получить такое великое для меня благодѣяніе. Почему всепокорнѣйше прошу, чтобы высокій магистратъ благоволилъ сіе мое показаніе вмѣстѣ съ приложеніями препроводить въ злѣйшее императорское Естляндское губернсое правленіе для дальнѣйшаго доставленія въ Императорскій Харьковскій университетъ. Съ моимъ высокопочитаніемъ пребываю высокороднаго и высокоумнаго магистрата покорнѣйшею слугою. Подлинное подписала: Фридерика Калькау, урожденная Прессе (Арх. мин. народн. проsv. Дѣло 1812 г. № ⁵⁴⁵⁹/152).

его, проф. Тимковского, въ болѣзняхъ, чтобы онъ подалъ отъ себя до-
несеніе о состояніи болѣзни вышеупомянутаго профессора Тимковского.
Вслѣдствіе сего препорученія онъ, Г. Дрейсигъ, на засѣданіи совѣта,
бывшемъ іюля 15 дня, и подалъ требуемое отъ него донесеніе, (съ ко-
торого приложена у сего копія), въ которомъ по подробномъ изложеніи
свойства болѣзни профессора Тимковского предъявляетъ, что профессоръ
сей въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ выдержалъ трудныя болѣзни, во что
въ настоящемъ году здоровье его столь сильно поколебалось, что ему
никакимъ образомъ не можно было, по употребленіи всѣхъ приличныхъ
лѣкарствъ, преодолѣть его болѣзнь, и что по сей самой причинѣ онъ,
Тимковскій, по меньшей мѣрѣ на время не способенъ къ отправленію
профессорской должности. Сіе донесеніе профессора Дрейсига подтвер-
ждено было и засвидѣтельствованіемъ прочихъ членовъ медицинскаго
отдѣленія, именно же профессоромъ Шумлянскимъ и экстраординарными
профессорами Ваннотіемъ и Калькау, которые и подписали его какъ
медики, коимъ болѣзненное состояніе профессора Тимковского довольно
извѣстно. Совѣтъ же университета, бывъ удостовѣренъ, что профессоръ
Тимковскій въ теченіи двухъ лѣтъ по причинѣ болѣзней, коимъ онъ
былъ отягченъ и кои всегда долгое время продолжались, весьма часто
не могъ присутствовать какъ на лекціяхъ, кои онъ преподавать былъ
долженъ, такъ и въ засѣданіяхъ совѣта, университетскаго правленія и
училищнаго комитета, и что въ особенности въ теченіи послѣдняго года
ввергнутъ онъ былъ въ печальнѣйшее положеніе, такъ что по нѣкоторомъ
облегченіи опять впадалъ въ прежнее болѣзненное состояніе, *положилъ*:
1) уволить профессора Тимковского на цѣлый годъ отъ всѣхъ его долж-
ностей, дабы онъ, бывъ отъ оныхъ свободенъ, изыскивалъ между тѣмъ
по возможности способы возстановить свое здоровье, 2) опредѣлить ему
въ отпускъ по причинѣ недостаточнаго его состоянія годовое его жало-
ванье, а посему войти съ представленіемъ, дабы ваше сіятельство бла-
говолили исходатайствовать у монаршаго престола ему, Тимковскому,
сію милость, коея совѣтъ почитаетъ его весьма достойнымъ, ибо съ са-
маго открытія сего университета, всегда исправлялъ онъ, изъеми только
весьма малое время, должность визитатора, и сіе съ толикимъ благора-
зуміемъ и усердіемъ, что университетъ обязанъ ему устроеніемъ мно-
гихъ училищъ въ его учебномъ округѣ. Должность же сія, въ особен-
ности въ первые годы, когда слѣдовало еще учреждать гимназіи и учи-
лища, была весьма трудною; поелику, нерѣдко должно было предприни-
мать такія путешествія, которыя продолжались нѣсколько мѣсяцевъ сряду,
и притомъ въ самое неудобное къ тому годовое время. И какъ весьма
правдоподобно, что профессоръ Тимковскій лишился своего здоровья отъ

многотрудныхъ таковыхъ путешествій, то совѣтъ полагаетъ, что онъ тѣмъ болѣе заслуживаетъ по сему Монаршую къ себѣ милость. Утверждаясь на сихъ причинахъ и на благорасположеніи вашего сіятельства, побудившемъ ваше сіятельство удостоить университетъ увѣреніемъ, что ваше сіятельство считаете долгомъ пецись о благосостояніи людей, оказавшихъ отечеству и наукамъ заслуги, совѣтъ удостовѣренъ, что ваше сіятельство не откажете подкрѣпить ходатайствомъ вашимъ просьбы профессора Тимковского, а вмѣстѣ съ нею и представленія сего совѣта. Ректоръ А. Стойковичъ, секретарь совѣта профессоръ Иванъ Шадъ. Августа 5 дня 1811 года¹⁾.

Таково было матеріальное положеніе профессоровъ въ первые годы существованія университета.

Но въ связи съ возраставшими все болѣе и болѣе политическими затрудненіями, и въ особенности въ ближайшей зависимости отъ континентальной системы въ Россіи возникъ финансовый кризисъ и ассигнаціи страшно упали въ цѣнѣ. Конечно, это паденіе курса, затронувшее всѣхъ, не могло не отразиться и на профессорахъ, получавшихъ жалованье въ прежнихъ размѣрахъ, но уже обезцѣненными ассигнаціями. При столь тяжелыхъ обстоятельствахъ возникла мысль просить правительство о прибавкѣ жалованья. Харьковскіе профессора подали на имя Государя въ 1810 г. всеподданнѣйшее прошеніе слѣдующаго содержанія.

Sire. Lorsque Votre Majesté Imperiale résolut il y a sept ans, de fonder des universités et d'y appeler des professeurs tant étrangers que nationaux, Sa générosité et sa justice assurèrent à tous ceux, qui y seraient admis un traitement et des avantages qui leur permettraient de s'abandonner entièrement aux lettres et d'envisager l'avenir sans inquiétude par rapport à leur familles. Nous osons aujourd'hui représenter à Votre Majesté Impériale, que par l'effet des circonstances notre sort a cessé d'être ce qu'elle voulait qu'il fut. Les articles indigènes de consommation ont, en général, triplé de valeur. Parmi les marchandises étrangères, celles qui sont de première nécessité ont éprouvé une hausse encore supérieure au cours du change et se vendent en assignations quatre à cinq fois plus qu'elles ne valaient il y a quatre ans. Outre cette augmentation dans le prix nominal et le prix réel de tous les objets nécessaires à la vie nous sommes encore forcés de faire le sacrifice d'environ de 20% pour nous procurer la monnaie de cuivre qui est un besoin de tous les jours et de tous les momens. Les professeurs et adjoints de Votre Université de Karkof ne reçoivent donc plus dans la réalité que le quart du traitement, qu'il a plus

¹⁾ Архивъ мин. нар. просв. 1811 г. № 5806/156, присоединенный къ № 5430/152.

à Votre Majesté de leur assigner. Dans cet état de choses leur existence actuelle et celle des adjoints particulièrement est devenu très difficile, et le sort de leur familles après eux très précaire. Cette situation, Sire, nous affecte d'autant plus, que la ville de Karkof n'offre absolument aucune ressource pour tirer partie de nos travaux littéraires de quelque genre qu'ils soient. Et en outre des gens de lettres qui pour la plupart ignorent la langue du pays et sont étrangers aux mœurs et aux usages et qui tous non moins par gout que par devoir vivent éloignés des affaires, ne sauraient profiter des moyens, qui dans une autre carrière leur allégeraient le fardeau du tems present. Les appointemens que Votre Majesté a bien voulu nous accorder son toute notre fortune. Nous osons donc suplier Votre Majesté de prendre à ce sujet les mesures, que la sagesse Lui dictera, en considérant les pertes, que nous avons déjà éprouvées, la situation pénible à la quelle nous sommes maintenant réduits et enfin l'incertitude de notre sort avenir. Nous sommes avec le plus profond respect, Sire, de Votre Majesté Imperiale les très humbles et très fidèles sujets (подписались Рижскій, Осиповскій, Делявинъ, Тимковскій, Дюгуръ, де-Баллю, Шадъ, Пильгеръ, Шнаубертъ, Дрейсигъ, Гутъ, Гизе, Лангъ, Калькау, Васильевъ, Шмерфельдъ, Паки-де-Совини, Ванотти, Рейнишъ, Успенскій, Рейтъ). Karkof 9 juillet 1810 г. ¹⁾ Прошеніе было представлено министру народного просвѣщенія графу Разумовскому попечителемъ округа гр. С. О. Потоцкимъ, который также присоединился къ этому ходатайству. Милостивый государь, графъ Алексѣй Кириловичъ! писалъ онъ министру, члены совѣта Харьковскаго университета, препровождая при особомъ письмѣ къ вашему сіятельству прошеніе на Высочайшее имя въ разсужденіи чрезвычайнаго упадка курса на ассигнаціи и претерпѣваемаго ими отъ того недостатка въ содержаніи, просятъ о милостивомъ за нихъ въ семъ случаѣ представительствѣ у Государя Императора. Хотя я чувствую въ полной мѣрѣ, сколь затруднительно, при настоящихъ обстоятельствахъ, доставить имъ желаемое пособіе, но съ другой стороны убѣждаясь справедливостію изъясненныхъ ими причинъ, я не могу оставить безъ должнаго вниманія просительный отзывъ сего ученаго сословія. Посему и почитаю обязанностію покорнѣйше просить ваше сіятельство, не отказать оному, если возможно, въ просимомъ покровительствѣ. Впрочемъ, имѣю честь пребыть съ истиннымъ высокопочитаніемъ и преданностію вашего сіятельства покорнѣйшимъ слугою Г. Северинъ Потоцкій. Іюля 27 дня 1810 г. Но министръ повидимому не доложилъ этого прошенія Государю, по крайней мѣрѣ такое заключеніе приходится вывести изъ его отвѣта, даннаго профессорамъ Харьковскаго университета 11-го

¹⁾ Архивъ мин. нар. просв. Дѣло 1810 г. № 5723/155.

марта 1812 года. Вотъ его подлинный текстъ. „На присланную ко мнѣ отъ членовъ совѣта Харьковскаго университета просьбу въ рассужденіи упадка курса на ассигнаціи и претерпѣваемаго ими отъ того недостатка въ содержаніи, прошу васъ объявить имъ, что въ семъ случаѣ находятся они въ одинаковомъ положеніи со всѣми вообще чиновниками въ государствѣ, имѣющими содержаніе свое изъ получаемого ими жалованья, что несправедливо было бы прибавить жалованье однимъ профессорамъ и адъюнктамъ, имѣющимъ несравненно высшіе предъ прочими чиновниками оклады, и оставить сихъ послѣднихъ при прежнемъ жалованьи, что теперь меньше нежели когда либо находится возможность сдѣлать просителямъ отъ казны пособіе и что хозяйственная при университетѣ сумма, имѣя свое предназначеніе, не можетъ быть для сего употреблена. Впрочемъ при мѣрахъ правительствомъ принимаемыхъ, можно надѣяться, что временное пониженіе курса на ассигнаціи вскорѣ переѣнится“¹⁾.

Такъ окончилось это дѣло, да и не могло оно окончиться иначе, разъ послѣдовало вторженіе Наполеона въ предѣлы Россіи и сожженіе Москвы. Министръ народнаго просвѣщенія былъ совершенно правъ, указывая, что невозможно было удовлетворить ходатайства харьковскихъ профессоровъ и оставить безъ измѣненія состоянія другихъ чиновниковъ въ государствѣ, находившихся еще въ худшемъ положеніи. Неудобно было въ такой моментъ и выступать съ подобнымъ ходатайствомъ. Но въ объясненіе его пужно указать на серьезность мотивовъ, побудившихъ всѣхъ профессоровъ безъ различія происхожденія сдѣлать это заявленіе. Экономическое положеніе ихъ было дѣйствительно плачевное, если цѣна предметовъ первой необходимости возросла въ 3—5 разъ сравнительно съ той, какая была 4 года тому назадъ, и если профессора получали теперь вслѣдствіе паденія курса въ сущности только $\frac{1}{4}$ прежняго содержанія. Подъ этимъ прошеніемъ подписались профессора какъ русскаго, такъ и иноземнаго происхожденія. Не видимъ мы здѣсь только подписи проф. Стойковича, но и то, вѣроятно, потому что онъ въ это время уѣхалъ въ Венгрію; по крайней мѣрѣ высочайшій отпускъ ему для этой цѣли былъ разрѣшенъ 25 іюня 1810 г., а прошеніе помѣчено 9 іюля того же года. Дѣло, конечно, одинаково касалось всѣхъ; но особенно чувствительны были матеріальныя лишенія для иностранцевъ, у которыхъ не было патріотизма, поддерживавшаго въ претерпѣваемыхъ лишеніяхъ ихъ русскихъ коллегъ, и которые въ большинствѣ случаевъ все таки думали, что *ubi bene, ibi patria*.

Почти одновременно съ этимъ финансовымъ ударомъ профессоровъ иноземнаго происхожденія постигъ и другой. Въ первые годы прави-

¹⁾ Ibidem.

тельство было очень щедро къ ученымъ, вызываемымъ изъ заграницы для занятія кафедръ въ русскихъ университетахъ. Мы видѣли, что Роммелю выдали жалованье за цѣлый годъ со времени его утвержденія. Но съ 1811 г. министръ народнаго просвѣщенія гр. Разумовскій сталъ проводить другую систему—утверждать приглашенныхъ изъ заграницы преподавателей въ университетъ только со времени фактическаго переезда ихъ въ Россію (съ этого только момента имъ выдавали и жалованье). Совѣтъ Харьковского университета считалъ это нововведеніе крайне неудобнымъ и ходатайствовалъ объ его отменѣ¹⁾; но министръ

¹⁾ Вотъ подлинный текстъ ходатайства совѣта.

„Совѣтъ сей вслѣдствіе изъясненнаго въ предложеніи вашего сіятельства отказа въ выдачѣ по положенію его за одну треть окладнаго жалованья вызваннымъ изъ чужихъ краевъ въ сей университетъ профессорамъ, честь имѣть представить, что прежде сего иностранные профессора, приглашенные въ нашъ университетъ, утверждаемы были находясь еще въ чужихъ краяхъ, и что имъ со дня ихъ утвержденія выдаваемо было ихъ окладное жалованье. Но какъ ваше сіятельство не прежде ихъ въ профессорскомъ званіи утвердить соглашаетесь, какъ по ихъ прибытіи въ Харьковъ, то чрезъ это потерпятъ они не малый убытокъ, ежели не получатъ по крайней мѣрѣ третьей доли годового ихъ по профессорскому окладу жалованья, ибо коль скоро они примутъ предлагаемое имъ приглашеніе, то должны будутъ отказаться отъ занимаемыхъ ими должностей въ чужихъ краяхъ, и такимъ образомъ лишатся получаемаго ими по то время жалованья; а посему требуетъ справедливость, чтобы ихъ вознаградить за этотъ убытокъ и выдать по положенію совѣта за третью жалованье до ихъ прибытія въ Харьковъ, такъ какъ они въ продолженіи этого времени какъ свои въ чужихъ краяхъ дѣла въ порядокъ привести, такъ и до предѣловъ Россійской имперіи доѣхать могутъ. Совѣтъ положилъ выдать имъ жалованье только за одну треть единственно для того, чтобы они поспѣшнѣе пріѣхали въ Харьковъ, ибо по истеченіи трети они не получаютъ ничего, пока не явятся въ сей университетъ въ должностямъ ихъ. Ректоръ А. Стойковичъ, секретарь совѣта профессоръ Иванъ Шадъ“. Юля 30 дня 1811 г.

Министръ далъ на это слѣдующій отвѣтъ.

„Я не вижу никакого неудобства въ томъ, что прызываемые изъ чужихъ краевъ въ здѣшніе университеты профессора утверждаютъ въ званіяхъ своихъ не прежде, какъ въ то время, когда прибудутъ въ Россію, если только на опредѣленіе ихъ предварительно изъявлено будетъ отъ министра согласіе. Я побужденъ былъ къ сей мѣрѣ встрѣтившимися случаями, что нѣсколько профессоровъ, избранныхъ университетами и получившихъ потому утвержденіе въ званіяхъ своихъ, отказались послѣ того отъ принятія предложенныхъ имъ мѣстъ. А посему не только утвержденіе министра осталось втунѣ, но сверхъ того таковыя профессора, имѣя въ рукахъ своихъ свидѣтельства на принятіе ихъ въ русскій службу съ званіемъ 7-го класса, въ которомъ профессора Россійскихъ университетовъ состоятъ, и оставаясь въ чужихъ краяхъ, могли дѣлать изъ того употребленіе по своему благоразсужденію и можетъ быть не всегда соотвѣтственное видамъ здѣшняго университета. Что же касается до изъясненія совѣта, что чрезъ утвержденіе иностранныхъ профессоровъ въ ихъ званіяхъ по прибытіи уже ихъ въ Россію, терпятъ они, потому что прежде жалованье назначалось имъ со дня утвержденія ихъ, посему должны они имѣть время на приведеніе дѣлъ своихъ въ порядокъ, между тѣмъ какъ въ своемъ мѣстѣ, оставивъ должности, теряютъ жалованье, то предлагаю совѣту

только отчасти выполнилъ просьбу совѣта — разрѣшилъ выдачу жалованья и за время, предшествующее фактическому переѣзду ихъ въ Россію, съ тѣмъ, чтобы оно не превышало третнего ихъ оклада и выдавалось по пріѣздѣ ихъ на мѣсто. Тяжелое матеріальное положеніе, въ которое были поставлены харьковскіе профессора финансовымъ кризисомъ государства, отразилось крайне неблагоприятно не только на ихъ личномъ благосостояніи, но и на самомъ университетѣ. Чтобы профессоръ могъ всецѣло посвятить себя университету, т. е. преподаванію и наукѣ, необходимо, чтобы онъ былъ обезпеченъ матеріально, чтобы лишенія, нужда и заботы о семьѣ не отвлекали отъ единственной прямой его обязанности — работы на пользу университета и науки. Эта *единственная* обязанность столь широка, что при добросовѣстномъ выполненіи ея, у самаго способнаго къ труду и талантливаго дѣятеля не останется времени ни на что другое — она требуетъ всѣхъ силъ человѣка и захватываетъ его всецѣло. Въ изучаемый нами періодъ кромѣ исполненія своего прямого дѣла (преподаванія и научныхъ работъ) профессора должны были затрачивать не мало времени на нѣкоторые чисто служебныя, педагогическія и административныя обязанности, стоявшія въ связи съ особенностями тогдашняго устава (управленіе училищами въ округѣ, визитаціи, широкія полномочія совѣта и т. п.). Они ихъ и исполняли, какъ мы уже знаемъ, весьма добросовѣстно. Но вотъ жизнь въ Харьковѣ становится все дороже и дороже; полное отсутствіе культурныхъ удобствъ вознаграждалось прежде общей дешевизной; теперь и она отошла въ область прошлаго; правда это прошлое было еще такъ недавно; но это не примиряло съ тяжелымъ настоящимъ, тѣмъ болѣе, что и въ будущемъ не предвидѣлось ничего лучшаго, болѣе свѣтлаго и отраднаго. Просьба о прибавкѣ содержанія не была уважена и второе пятилѣтіе въ жизни университета было печальной страницей въ матеріальной обстановкѣ профессоровъ. Забота о поднятіи своего экономическаго достатка по крайней мѣрѣ до той нормы, которая находилась бы въ нѣкоторомъ соотвѣтствіи съ высокимъ положеніемъ профессорской коллегіи въ мѣстномъ харьковскомъ обществѣ вообще и среди тогдашняго служилаго чиновничества въ частности, приводила однихъ къ чрезмѣрной погонѣ за посторонними, дополнитель-

опредѣлять имъ жалованье со дня изъявленія министромъ согласія на опредѣленіе ихъ къ призываемымъ мѣстамъ; съ тѣмъ однакожъ, чтобы такое жалованье до прибытія ихъ въ Россію отнюдь не превышало третнего оклада, хотя бы не прибытіе ихъ къ мѣсту назначенія и долѣе четырехъ мѣсяцевъ продолжалось, и чтобы жалованье сіе выдавалось имъ уже по пріѣздѣ ихъ сюда. Августа 16-го 1810го. (Арх. мин. народ. просв. Дѣло 1810 г. № 5778/156).

ными источниками заработка, а другихъ болѣе слабыхъ и менѣе устойчивыхъ въ нравственномъ отношеніи — толкала даже на скользкій и печальный путь легкой наживы посредствомъ взятокъ, незаконнаго безпошлиннаго провоза своихъ товаровъ изъ заграницы. Большинство профессоровъ не обладало самостоятельными средствами (имѣніями, капиталами и т. п.). Профессора русскаго происхожденія принадлежали преимущественно къ духовному сословію или разnochинцамъ; нѣкоторые изъ нихъ прошли до поступленія въ харьковскій университетъ суровую школу нужды и лишеній, какъ Успенскій, или во всякомъ случаѣ должны были довольствоваться только получаемымъ ими жалованьемъ (Осиповскій, Рижскій, Срезневскій, Книгинъ, Каретниковъ, Болгаревскій, Калькау); но даже и лица, вышедшія изъ дворянскаго сословія, не обладали болѣе или менѣе значительными денежными достатками; по крайней мѣрѣ это положительно извѣстно о Тимковскомъ, Шумлинскомъ, Крюгерѣ и Громовѣ; нѣтъ также данныхъ предполагать, чтобы имѣли состоянія и всѣ остальные профессора и адъюнкты русскаго происхожденія — иначе не поступали бы они на учительскія мѣста, которыя въ то время оплачивались очень скудно и могли привлекать только людей мало состоятельныхъ. Единственнымъ, кажется, исключеніемъ является бывший однажды лекторомъ извѣстный намъ писатель Нахимовъ, крупный помѣщикъ харьковской губерніи. Имѣніе было также и у Комлишинскаго, но онъ затруднялся въ уплатѣ своихъ долговъ. Что касается иностранцевъ, то и среди нихъ не было богатыхъ людей, исключая Стойковича, нажившаго себя впрочемъ состояніе уже въ Россіи. Да и не могли богатые иностранцы ѣхать въ Россію, которая представлялась въ ихъ воображеніи варварской страной. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ это были все таки мало обезпеченные люди, которые хотѣли поискать счастья, не дававшагося имъ на родинѣ, т. е. достичь извѣстнаго матеріальнаго достатка. Богаче другихъ былъ Гуть, у котораго была на родинѣ собственная астрономическая обсерваторія и который привезъ съ собою много различныхъ и дорогихъ приборовъ. Что же касается остальныхъ, то они повидимому не обладали особенными средствами. Послѣ Умляуфа, за уплатою долговъ, осталось имущества всего на 326 рублей. Бѣднякъ на своей родинѣ, бывший монахъ, а потомъ скромный приватъ доцентъ въ университетѣ Шадъ также, не смотря на паденіе курса и общія неблагопріятныя условія матеріальнаго быта профессоровъ въ Харьковѣ, сумѣлъ сколотить себѣ, повидимому, не всегда законными средствами состояніе — имѣлъ 2 дома въ Харьковѣ и раздавалъ на проценты деньги своимъ коллегамъ. Но едва ли это состояніе было велико, какъ утверждаетъ это Н. А. Дав-

ровскій. „По отъѣздѣ Шада изъ Харькова, говоритъ Н. А. Лавровскій, университетъ довольно долго занимался его долговыми претензіями. Всѣ эти претензіи доказываютъ, что онъ въ Харьковѣ успѣлъ составить весьма приличное состояніе, между тѣмъ какъ большинство профессоровъ вслѣдствіе необыкновенно усилившейся дороговизны отъ страшнаго упадка курса въ Наполеоновскія войны, вошло въ долги и доведено было до рѣшенія обратиться соборнымъ письмомъ къ министру съ просьбою о пособіи. По письму Шада изъ Іены, министръ отъ 20 марта 1820 года относился къ попечителю и требовалъ распоряженій по слѣдующимъ претензіямъ: о взысканіи съ адъюнкта Робуша 1000 р. по векселю, выданному имъ женѣ его—Шадъ проситъ препроводить эти деньги женѣ въ Петербургъ; о взысканіи съ адъюнкта Комлишинскаго 5000 руб. съ процентами по векселю, выданному также его женѣ—полученіе этихъ денегъ онъ тоже предоставляетъ женѣ, остальные же суммы, слѣдующія ему по векселямъ, выданнымъ на его имя, по взысканіи ихъ, проситъ переслать Веймарскому правительству, которое употребитъ ихъ на содержаніе сына его, обучающагося медицинѣ. Въ іюлѣ того же года попечитель предписываетъ университету по долговымъ претензіямъ Шада сноситься непосредственно съ женою его, жившею въ Петербургѣ, чрезъ Дудровича, „имѣющаго по дѣламъ его ходженіе“. Взысканіе однако шло медленно и правленію университета было много хлопотъ съ нимъ; особенно затруднительно было взысканіе съ главнаго должника Комлишинскаго. Въ сентябрѣ Варвара Шадъ обратилась къ попечителю съ письмомъ, въ которомъ горько жалуется на несостоятельность Комлишинскаго. Наконецъ, правленіе приняло рѣшительныя мѣры: 6 ноября оно донесло попечителю, что для обезпеченія должныхъ г. Комлишинскимъ г-жѣ Шадъ денегъ постановлено удерживать все его жалованье въ уплату оныхъ, доколѣ онъ въ возможности будетъ заплатить всю капитальную сумму съ причитающимися процентами. Въ то же время правленіе отнеслось въ гражданскую палату для наложенія запрещенія на имѣніе Комлишинскаго. Дѣло шло такъ поспѣшно, что попечитель еще въ томъ же ноябрѣ требовалъ немедленнаго увѣдомленія, „какое имѣніе взято будетъ подъ запрещеніе и сколько изъ жалованья удержится денегъ, которыя должны быть отправлены къ г-жѣ Шадъ чрезъ г. профессора Дудровича, имѣющаго отъ нея довѣріе“¹⁾. Едва ли изъ всѣхъ этихъ данныхъ (а другихъ у Н. А. Лавровскаго и не было) можно сдѣлать выводъ, что Шадъ успѣлъ составить себѣ въ Харьковѣ „весьма приличное состояніе“. Кое-какія средства онъ собралъ, но они не были особенно велики и послѣ изгнанія изъ Харькова Шадъ за границей повидимому жилъ скудно,

¹⁾ Чтенія Моск. Общ. 1873 г., кн. II-я, стр. 56--57.

тѣмъ болѣе, что ему нужно было еще обезпечить матеріально и жену, жившую въ Петербургѣ, и сына, воспитывавшагося за границей; между тѣмъ за службу свою въ Россіи онъ не только не получилъ никакого пенсіона (а онъ имѣлъ право на него, такъ какъ прослужилъ свыше 10 лѣтъ), а наоборотъ сильно потерпѣлъ въ матеріальномъ отношеніи вслѣдствіе внезапнаго и принудительнаго удаленія; объ этомъ свидѣлствуютъ между прочимъ и факты, приводимые самимъ Н. А. Лавровскимъ. Эти факты говорятъ не столько въ пользу богатства Шада, сколько рисуютъ вообще неприглядную картину мелкой борьбы на почвѣ денежныхъ сдѣлокъ и интересовъ.

Таково было матеріальное положеніе профессорской коллегіи. Посмотримъ теперь, каково было положеніе студентовъ. Эти послѣдніе дѣлились на 2 группы — своекоштныхъ и казеннокоштныхъ; одни содержали себя сами, другимъ давалъ полное содержаніе университетъ; одни, вообще говоря, имѣли средства, у другихъ этихъ средствъ не было. Но само собою разумѣется, что рѣзкой опредѣленной границы между тѣми и другими въ дѣйствительности не существовало, ибо и между своекоштными попадались бѣдняки, не могшіе попасть въ среду казеннокоштныхъ только потому, что число ихъ было ограничено опредѣленнымъ комплектомъ; съ другой стороны, конечно, могли быть и такіе случаи, когда на казенный счетъ принимали молодыхъ людей, пользовавшихся нѣкоторымъ достаткомъ, но выдававшихся своимъ прилежаніемъ и успѣхами въ наукахъ. Въ дѣйствительности тогдашнее студенчество, какъ и нынѣшнее, представляло изъ себя въ отношеніи матеріальнаго достатка цѣлую градацію, цѣлую лѣстницу съ незамѣтными переходами изъ одной ступеньки на другую. На вершинѣ этой лѣстницы стояли дѣти тогдашнихъ богатыхъ дворянъ, а внизу ея были лица, принадлежавшія къ классу сельскаго духовенства и бѣдныхъ мѣщанъ и разночинцевъ. Но составъ тогдашняго студенчества все таки значительно разнился отъ нынѣшняго—въ немъ доминировали собственно только двѣ значительныя группы—дѣти дворянъ и духовенства. Какъ мы видѣли (788 стр. настоящаго труда) въ первомъ году въ Харьковскомъ университетѣ изъ 57 студентовъ на долю духовнаго сословія приходилось 28 чел. и дворянскаго 23, а вмѣстѣ эти сословія дали цифру 51, т. е. около 90⁰/. Но такое исключительное преобладаніе духовнаго сословія имѣло временный характеръ; въ 1809 г. отношенія уже значительно измѣнились: изъ 72 студентовъ къ дворянамъ и чиновникамъ принадлежало 57 чел., къ духовенству 19, къ разночинцамъ 12, т. е. преобладаютъ дворяне и чиновники, за ними идутъ духовные и начинаютъ играть замѣтную роль разночинцы (стр. 791). Но взаимное отношеніе между этими тремя груп-

нами все таки не такое, какъ теперь; особенно замѣтнымъ является почти полное отсутствіе дѣтей купцовъ. Дѣти помѣстнаго дворянства играли несравненно болѣе видную роль среди харьковскаго студенчества, чѣмъ теперь,—они давали тонъ и представляли изъ себя и самую многочисленную, и самую богатую и вліятельную группу. Тогдашнее помѣстное дворянство харьковской и сосѣднихъ губерній было и многочисленно, и зажиточно; земли было много и она обрабатывалась даровымъ крѣпостнымъ трудомъ. Въ 10 уѣздахъ слободскоукраинской губерніи въ 1802 г. помѣщикамъ принадлежало 1.729.105 десятинъ земли. Если мы раздѣлимъ эту цифру на число всѣхъ крѣпостныхъ крестьянъ, то на душу придется болѣе чѣмъ по 10 десятинъ ¹⁾. Нужно впрочемъ помнить, что помѣщики были богаты тогда не столько деньгами, сколько естественными произведеніями. Все хозяйство носило, такъ сказать, натуральный характеръ—было изобиліе хлѣба, излишки котораго шли почти исключительно на винокурениіе. И вотъ всѣ эти сельскохозяйственные продукты доставлялись на своихъ же подводахъ, своими крѣпостными людьми изъ ближайшихъ окрестностей въ Харьковъ тѣмъ помѣщиками, сыновья которыхъ учились въ университетѣ; жили ли они на своихъ собственныхъ квартирахъ, или имѣли помѣщеніе у какихъ либо квартирныхъ хозяевъ на примѣръ — профессоровъ университета или частныхъ лицъ; всѣ они постоянно доставлялись натурою къ обоюдной выгодѣ хозяевъ и квартиронанимателей, тѣмъ болѣе, что каждому помѣщику необходимо было побывать въ Харьковѣ для закупокъ нужныхъ ему товаровъ и сбыта своихъ собственныхъ. Уплачивали одну денежную плату только въ тѣхъ случаяхъ, когда родные студентовъ жили очень далеко отъ Харькова или въ другой губерніи. Прислуга въ большинствѣ случаевъ у дворянскихъ дѣтей была не наемная, а своя крѣпостная. Болѣе недостаточные изъ своекоштныхъ снискивали себѣ средства существованія уроками — проживали нерѣдко въ качествѣ репетиторовъ и у профессоровъ, державшихъ пансіонеровъ, и у частныхъ лицъ; многіе тогда поступали въ университетъ по экзамену, послѣ домашней подготовки, не пройдя гимназическаго курса — подготовкою ихъ къ экзамену занимались въ вѣкоторыхъ случаяхъ также студенты. Платы за слушаніе лекцій студенты не вносили никакой ни въ пользу университета, ни въ пользу профессоровъ. Значитъ вся ихъ забота была направлена только на изысканіе средствъ для своего содержанія. Вздорожаніе всѣхъ продуктовъ и товаровъ, конечно, должно было неблагопріятно отражаться и на матеріальномъ положеніи свое-

¹⁾ См. изданное мною „описаніе Слобод.-украин. губ. 1802 г.“, стр. 18—20.

коштныхъ студентовъ, въ особенности недостаточныхъ. Крайне неблагоприятно оно, какъ увидимъ далѣе, отражалось и на положеніи казеннокоштныхъ студентовъ.

Казеннокоштные студенты были вполне обезпечены отпускавшимися на нихъ отъ казны денежными средствами. На каждого студента—а всѣхъ ихъ полагалось по штату 40—отпускалось отъ казны по 200 р. каждому; сверхъ того было еще 12 студентовъ—кандидатовъ, которымъ назначено было по 300 р. въ годъ жалованья. Такимъ образомъ, на 8000 р. въ годъ нужно было дать полное содержаніе 40 казеннокоштнымъ студентамъ—задача не изъ особенно легкихъ. Очевидно, ее можно было разрѣшить только при устройствѣ для нихъ общаго хозяйства. Къ этому рѣшенію и пришелъ университетъ съ самаго начала. Еще въ 1804 г., т. е. до официальнаго открытія университета, завѣдывавшій всѣми дѣлами комитетъ представилъ на одобреніе попечителю составленную имъ примѣрную смѣту на содержаніе казеннокоштныхъ студентовъ, примѣняясь къ назначенной для каждого изъ нихъ суммѣ въ 200 р. По этому положенію, каждый студентъ долженъ былъ получить на годъ—мундиръ и шинель, 3 пары сапогъ и 2 пары головокъ, съ починою; на одинъ годъ—сюртукъ съ лѣтнымъ жилетомъ и панталонами, халатъ, 3 рубашки, 3 простыни, 3 перемѣны наволочекъ, шляпу, черный платокъ на шею, 3 карманныхъ платка, 3 пары нитяныхъ чулокъ, затѣмъ 90 руб. было оставлено на столъ, бумагу, свѣчи и прочее и на ремонтъ вещей, назначенныхъ къ безсрочному употребленію, каковы—кровать съ тюфиками и одѣялами, столики, стулья, столовые серебряныя ложки, тазы, рукомойники, подсвѣчники и т. п. Столъ казеннокоштныхъ студентовъ принялъ на себя городской секретарь Сердюковъ, потребовавшій наименьшую плату, а именно согласившійся продовольствовать каждого за 70 р. въ годъ, съ тѣмъ только, чтобы въ его распоряженіе былъ предоставленъ флигель, въ которомъ помѣщалась кухня. Израсходовано было на содержаніе 33 казеннокоштныхъ студентовъ около 8000 рублей ¹⁾).

Такъ какъ примѣрное исчисленіе показывало, что на содержаніе каждого студента требуется всего 135 р. (ибо главная окапировка ихъ была уже сдѣлана), то рѣшено было давать имъ сверхъ указанныхъ вещей круглую шляпу, башмаки и перчатки (для танцевальнаго класса на тотъ случай, когда будутъ одѣвать мундиръ), манишку и сверхъ того по 1½ рубля въ мѣсяць карманныхъ денегъ. Сердюковъ отказался отъ содержанія студентовъ на другой годъ, и это дѣло взялъ

¹⁾ Харьк. унив. архивъ „Исторія дѣлъ“.

на себя венгерскій уроженецъ, Иванъ Вискигель. Любопытенъ заключенный съ нимъ контрактъ. Такъ какъ онъ даетъ наглядное представление о тогдашнемъ бытѣ студентовъ, то мы его приведемъ цѣликомъ. Контрагентъ бралъ на себя содержаніе 30—40 чел. студентовъ—продовольствовать ихъ завтракомъ, обѣдомъ и ужиномъ въ теченіе цѣлаго года (завтракъ былъ въ половинѣ восьмого, обѣдъ въ первомъ часу, а ужинъ въ 7 часовъ) и принялъ на себя слѣдующія обязательства: давать завтракъ изъ куска бѣлаго хлѣба вѣсомъ въ $\frac{3}{4}$ фунта, обѣдъ въ будніе дни изъ трехъ блюдъ, а въ праздничные изъ четырехъ, ужинъ ежедневно изъ 3-хъ блюдъ. Къ столу подавать въ потребномъ количествѣ чистый хорошо выпеченный ржаной хлѣбъ. Праздничными днями признавались слѣдующіе—всѣ воскресные, 1 и 6 января, 2 февраля, 25 марта, 9 мая, 29 іюня, 6 и 15 августа, 8 и 14 сентября, 1 октября, 21 ноября, 6, 25, 26, 27 декабря, понедѣльникъ и вторникъ пасхи, Вознесеніе, Троица, дни востшествія на престолъ, коронаціи, рожденія и тезоименитства Государя, дни рожденія и тезоименитства супруги и матери Его, открытія университета и акта. По недостатку и дороговизнѣ рыбы, столу круглый годъ быть скоромному, исключая первую и страстную недѣлю великаго поста, 5 января, 29 августа, 14 сентября и 24 декабря, когда будутъ подаваться постныя кушанья изъ рыбы, зелени и кореньевъ, соотвѣтствующія скоромнымъ. Главныхъ блюдъ двое—борщъ и жаркое. Съ 1 сентября по 1 мая по воскресеньямъ, понедѣльникамъ, вторникамъ, четвергамъ и субботамъ на обѣдъ и ужинъ—борщъ съ мясомъ и жаркое, по средамъ и пятницамъ—супъ съ мясомъ и жаркое; съ 1 мая по 1-е сентября вмѣсто жаркаго соусъ съ мясомъ и зеленью или кореньями во всѣ дни, кромѣ праздничныхъ, когда опять жаркое; борщъ или супъ должны быть сытные и въ достаточномъ количествѣ; мяса въ нихъ полагалось по фунту на человѣка въ день, жаркое приправлять съ подливою; говядину замѣнять по временамъ бараниной или птицей; а осенью и зимою подавать и живность и дичь, когда они очень дешевы; по праздникамъ подавать къ жаркому огурцы. Третье и четвертое кушанье попеременно должны были состоять изъ соуса—мяснаго, изрѣдка домашней птицы, изрѣдка рыбнаго, а всего чаще мяса съ огородиною, ветчины, солонины и поросенка съ хрѣномъ, винигрета, студена, пироговъ, каши, преимущественно гречневой съ масломъ или молокомъ, жареннаго картофеля, ботвинья съ рыбою или крошенымъ мясомъ (окрошки), ухи и раковъ; кромѣ того въ лѣтніе праздничные дни подавать иногда мѣстные ягоды и фрукты; вообще съ 1 марта по 1 сентября за обѣдомъ и ужиномъ для разнообразія стола болѣе двухъ мясныхъ блюдъ не подавать, затѣмъ, кромѣ борща и жаркаго, одинаковыхъ блюдъ не отпускать

кряду болѣе двухъ дней и не повторять ихъ раньше трехъ дней; свинину и солонину давать не болѣе двухъ разъ въ недѣлю и притомъ только съ 1 октября по 1 марта; вообще же для борща, супа и жаркого употреблять говядину. Въ случаѣ болѣзни студенту давать кушавья по предписанію врача. Все кушанье, хлѣбъ и квасъ (полагавшійся кстати замѣтимъ, не только за ѣдою, а и въ остальное время дня) должны были быть приготовлены чисто и изъ свѣжихъ припасовъ. За все это предприниматель получалъ только по 70 р. ассигн. со студента въ годъ, т. е. менѣе чѣмъ по 6 руб. ассигн. въ мѣсяцъ или въ переводѣ на серебро по 20 руб. сер. въ годъ, т. е. менѣе чѣмъ по 2 руб. въ мѣсяцъ. Невольно хочется сказать, — „свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ“; но тутъ не преданіе, а положительный фактъ, основанный на документальныхъ данныхъ. Впрочемъ, чтобы быть совершенно точнымъ, я долженъ прибавить, что этотъ предприниматель выговорилъ въ свою пользу, еще кое-какія льготы, а именно — ему былъ предоставленъ флигель съ кухней, кладовая съ закромами, ледникъ со льдомъ; кушанье подавали студентамъ университетскіе служители; серебряныя разливныя и столовыя ложки были казенныя, за разбитыя студентами вещи отвѣчала также казна; контрагентъ получалъ отъ университета для кухни натурою 3 сажень дровъ; еслибы кто нибудь изъ своекоштныхъ студентовъ пожелалъ пользоваться такимъ же содержаніемъ, какъ казеннокоштные, то долженъ былъ уплачивать за это ту же сумму въ 70 р.; въ чистыхъ комнатахъ флигеля контрагентъ имѣлъ право завести ресторанъ со столомъ и напитками, кофе и бильярдомъ, но безъ картъ, и сюда могли являться чиновники университета и другія лица съ извѣстнымъ общественнымъ положеніемъ; на бульварѣ же онъ могъ занять одну изъ университетскихъ ротондъ и держать тамъ для всякой посторонней публики чай, лимонадъ, фрукты и т. п. Но за то съ своей стороны контрагентъ обязался еще имѣти свою воду, своего повара, прислужниковъ и прислужницъ, собственную кухонную посуду и столовое бѣлье, а именно — 3 приличныя фаянсовыя суповыя чашки, 3 миски, 9 блюдовъ, по 6 соусниковъ, салатниковъ, солонокъ, перечницъ горчицницъ, на каждого студента по 4 тарелки, ножа не дешевле 4 р. 50 к. дюжина, 40 стакановъ не дешевле 10 к. каждый, 40 бутылокъ для воды и квасу, 12 скатертей (по 4 на 3 стола), на каждого студента по 4 салфетки, перемѣнныя тѣ'и другіе по 2 раза въ недѣлю — и все это цѣною не ниже 40 к. за аршинъ. Въ обезпеченіе договора контрагентъ отдавалъ университету свой паспортъ и впредь до полного поручительства временное гг. профессоровъ Умляуфа и Стойковича въ суммѣ 500 р., и сверхъ того обязался хранить за собственною и университетскою печатями въ университетскомъ

помѣщеніи своихъ собственныхъ винъ на 1000 р. Контрактъ подписанъ былъ 18 августа 1805 г. ¹⁾). Нѣсколько времени спустя проф. Стойковичъ, Шадъ и учитель музыки Витковский представили письменное поручительство за Вискигеля въ размѣрѣ 1000 р. (первый на 300, второй на 400, третій на 300 р.) съ тѣмъ условіемъ, чтобы имъ въ залогъ было выдано университетомъ 2 ящика его вина съ 200 бутылокъ шампанскаго ²⁾).

Условіе это, казалось, должно было создать для казеннокоштныхъ студентовъ очень завидное положеніе: въ немъ съ большою заботливостью и предусмотрительностью оговорены были всѣ мелочи студенческаго содержанія. Было обращено серьезное вниманіе не только на хорошее качество стола, но и на его разнообразіе. Но на дѣлѣ вышло иначе. Студенты остались недовольны обоими контрагентами и въ 1806 году обратились въ правленіе съ ходатайствомъ предоставить дѣло содержанія столомъ въ ихъ собственное вѣдѣніе. Вотъ ихъ покорнѣйшее прошеніе по этому поводу: „въ теченіе двухъ послѣднихъ годовъ будучи содержимы чрезъ подрядчиковъ претерпѣвали мы многія невыгоды по причинѣ частыхъ неустоекъ, чинимыхъ ими противу обязанностей, а чрезъ то дѣлали начальству нашему безпокойство и неудовольствія; почему дабы избѣгнуть впредь таковыхъ обстоятельствъ и притомъ заблаговременно приучить себя къ хозяйственнымъ занятіямъ, просимъ покорнѣйше сіе правленіе поручить намъ самимъ на слѣдующій годъ содержаніе стола и для сего опредѣлить выдачу денегъ на каждого студента по 70 р. Для отвращенія же могущихъ подчасъ встрѣтиться недостатковъ въ означенной суммѣ по причинѣ дороговизны съѣстныхъ припасовъ просимъ также сдѣлать намъ вспоможеніе отъ казны доставленіемъ солдата для буфета, дровъ и воды для кухни, не полагая сего въ счетъ нашего жалованья“ ³⁾). Правленіе отнеслось сочувственно къ этой просьбѣ студентовъ и удовлетворило ее. Такъ какъ г. ректоръ объявилъ, читаемъ мы въ его журнальномъ постановленіи, что онъ касательно содержанія студентовъ докладывалъ попечителю и его сіятельство предоставилъ рѣшеніе этого дѣла самому университету, и такъ какъ правленіе надѣется, что, предоставивъ содержаніе студентовъ въ ихъ собственное вѣдѣніе, оно избавится отъ многихъ заботъ и безпокойствъ, то *поста-*

¹⁾ Харьк. унив. арх. Журн. правл. 1805 г., июль—декабрь; засѣданіе 18 августа.

²⁾ Ibidem; засѣданіе 4-го сентября.

³⁾ Затѣмъ слѣдуютъ подписи—Пузановъ, Любовскій, Ольховскій, Рудневъ, Золотаревъ, Поповъ, Евстафьевъ, Бутовичъ, Базилевичъ, Галкинъ, Ильинскій, Каплинскій, Концевичъ, Иваницкій, Борзенковъ, Любачинскій, Сухаревъ, Колмановъ, Архангельскій, Мартыновъ, Сазоновъ, Аванасевъ, Волошиновъ, Ольховскій, Щелкуновъ, Шрамковъ. (Харьк. унив. арх. Дѣло правл. № 93/6, стр. 2).

новлено предоставить имъ самимъ содержать себя, выдавая по 70 руб. на каждого и сверхъ того отпустить на первый годъ по 30 саж. дровъ подобно тому, какъ это дѣлалось и при послѣднемъ контрагентѣ, и дать одного изъ четырехъ слугителей для буфета; деньги давать на 2 мѣсяца впередъ, кромѣ того выдать авансомъ необходимую сумму для за-
купки столовой и кухонной посуды, которую они должны выбирать вмѣстѣ съ кассиромъ университета ¹⁾. Къ такому рѣшенію вопроса правленіе пришло между прочимъ еще и потому, что само получило неблагопріятныя свѣдѣнія о Вискикелѣ. По словамъ ректора инспекторъ казеннокоштныхъ студентовъ часто жаловался, что онъ даетъ студентамъ плохую пищу и что въ ресторанъ, вопреки контракту, приходятъ люди „низкаго состоянія“ и по дѣльнымъ суткамъ тамъ иногда играютъ на билліардѣ; съ другой стороны къ ректору поступали жалобы на него и отъ постороннихъ лицъ, которымъ онъ не уплачивалъ своихъ долговъ ²⁾. Естественнымъ дальнѣйшимъ шагомъ правленія въ этомъ дѣлѣ было официальное признаніе имъ студенческой хозяйственной организаціи съ ея неизбѣжнымъ атрибутомъ — выборнымъ началомъ. О существованіи этого послѣдняго на совершенно законномъ основаніи свидѣтельствуетъ слѣдующее постановленіе тогдашнихъ казеннокоштныхъ студентовъ, сообщенное ими правленію. „Мы нижеподписавшіеся Харьковскаго университета казеннокоштные студенты довѣряемъ симъ съ общаго согласія студенту Пузанову получать отъ правленія подъ его роспискою деньги и дѣлать покупки касательно содержанія стола, употребляя въ помощь двухъ очередныхъ черезъ двѣ недѣли перемѣняющихся студентовъ; въ случаѣ же большой затруднительности, а особливо въ выпискѣ со стороны съѣстныхъ припасовъ должны также означенныя покупки производиться и тѣми, кому общество для соблюденія своихъ выгодъ поручить. При томъ помянутый Пузановъ долженъ вести записную для расходовъ книгу ежемѣсячно, четырьмя очередными студентами разсматриваемую и подписываемую (далѣе слѣдуютъ подписи всѣхъ) ³⁾. И такіе выборы продолжали существовать до конца изучаемаго нами періода. Въ 1813 г. казеннокоштные студенты подали въ правленіе прошеніе, въ которомъ писали: „по причинѣ отлучки казначея казеннокоштныхъ студентовъ Демьяна Кофѣйчикова съ общаго студентовъ согласія избирается въ оную должность студентъ Иванъ Гидичъ, объ утвержденіи котораго просимъ учинить свое благоразсмотрѣніе (далѣе слѣдуютъ под-

¹⁾ Ibidem, стр. 3.

²⁾ Ibidem, стр. 1.

³⁾ Ibidem, стр. 30.

писи) ¹⁾. Въ 1814 г. такимъ кассиромъ былъ избранъ и утвержденъ студентъ Микуловскій ²⁾. Въ 1807 г. казеннокоштные студенты подали заявление, въ которомъ довѣряли получать ихъ карманные деньги студенту Ивану Мартынову ³⁾. Тогда же они заключили договоры съ портнымъ ⁴⁾ и прачкою ⁵⁾, утвержденные правленіемъ университета ⁶⁾. Скоро однако студенты вошли въ долги—задолжали университету, по расчету кассира

¹⁾ Вотъ кто былъ тогда въ составѣ казеннокоштныхъ—Тукалевскій, Коуфичиковъ, Микуловскій, Ходовскій, Маслаковецъ, Червинскій, Фотѣевъ, Любарскій, Лукашовъ, Попиревскій, Соколовскій, Филомафитскій, Евсѣй, Пороховниковъ, Пригара, Липкинъ, Коронскій, Бондаревъ, Акадьинъ, Костовскій, Кушнаревъ, Севастьяновичъ, Крамаревъ, Шаталовъ, Ярославскій, Святскій, Ивановъ, Коляновскій, Сухоруконъ (Харьк. унив. архивъ. Дѣло правл. № ⁷³³/₃₇, стр. 139).

²⁾ Харьк. унив. архивъ. Дѣло правл. № ⁸¹⁷/₄₁, стр. 4.

³⁾ Харьк. унив. архивъ. Дѣло правл. № ²⁶⁷/₁₅, стр. 65.

⁴⁾ Вотъ контрактъ съ нимъ, о подтвержденіи котораго они ходатайствовали передъ правленіемъ: „находящемуся при насъ портному Власовскому годовой срокъ уже кончился, почему мы и просимъ на мѣсто его принять договореннаго съ общаго нашего согласія портного валковскаго обывателя Ефима Никитенкова, полагая ему въ годъ 246 рублей за всѣ подѣлки платья, кои суть слѣдующія:

1) Онъ будетъ шить для 40 человѣкъ студентовъ въ теченіе одного года все новое платье, какое будетъ слѣдовать по срокамъ, употребляя для сей работы своихъ работниковъ и не получая отъ университета никакого прибора, исключая подкладки; 2) ежели въ теченіе сего года вновь придутъ въ университетъ студенты, то за каждаго человѣка сверхъ 40, платить ему по 6 р. 15 к. въ годъ; а хотя бы эти вновь поступившіе студенты и въ половинѣ или при окончаніи года прибыли, но если они всѣмъ положеннымъ платьемъ будутъ одѣты, то также получать ему по 6 р. 15 к. за каждаго; 3) вся починка платьевъ студентовъ чрезъ цѣлый годъ будетъ имъ дѣлаема своими нитками и шелкомъ; 4) ежели вещь будетъ испорчена или у него пропадетъ, то онъ согласенъ доставить свою или вычестъ изъ денегъ его при волученіи отъ университета; 6) деньги будетъ онъ получать по третямъ года, но на первый случай просить онъ выдать ему впередъ вмѣсто задатка 50 р. Что-жъ касается неудовольствій съ нашей стороны въ разсужденіи его, то мы ничѣмъ правленія утруждать не будемъ, а просимъ только, что когда деньги будутъ ему выдаваемы, чтобы мы были извѣщены, слѣдуютъ подяси (Харьк. унив. архивъ. Дѣло правл. 1807 г. № ²⁶⁷/₁₅, стр. 4).

⁵⁾ Срокъ прачки, писалъ студенческій выборный распорядитель Мартыновъ въ правленіе, кончился 1 октября сего года, и я, по довѣренности, данной мнѣ отъ казеннокоштныхъ студентовъ старался договорить или эту же прачку или другую на слѣдующій годъ. Прачка, бывшая теперь бѣлье, объявила, что она понесла убытокъ за истекшій годъ и ввиду того просить прибавки 50 р. Я, справившись съ цѣною у другихъ, не нашелъ дешевле. Къ тому же студенты объявили, что настоящая прачка мыла бѣлье цѣлый годъ очень хорошо и всѣ вещи доставляла вѣрно. Почему я, предпочитая настоящую прачку другимъ, прошу правленіе требуемую ею сумму утвердить для выдачи ей на слѣдующій годъ на такомъ основаніи: она должна получить въ задатокъ 30 р., а прочія по 40 р. въ треть. Сіе прошеніе писалъ и руку приложилъ студентъ Иванъ Мартыновъ (Ibidem, стр. 37).

⁶⁾ Ibidem, стр. 5 и 38.

Дзюбина, 1166 р. 62¹/₄ коп. Этотъ долгъ сложился изъ разныхъ статей—стоимости выданныхъ имъ и не прослужившихъ полного срока вещей, купленныхъ для нихъ, но оставшихся безъ употребленія предметовъ и по другимъ перерасходаваніямъ. Относительно отсрочки этой суммы и выдачи имъ денегъ вообще студенты вошли съ такимъ прошеніемъ въ правленіе: 1) столовыя деньги на наличное число студентовъ получать за два мѣсяца впередъ; 2) вновь поступившимъ студентамъ выдать для обмундировки на первый случай каждому по 50 р. впередъ безъ вычета слѣдующихъ за оставшіяся студенческія вещи денегъ; 3) старымъ 22 студентамъ съ вычетомъ 220 р. въ должную студентами университету сумму получить теперь за полтрети сентябрьской, а остальные за нее и слѣдующія за всю генварьскую (треть) во время крещенской ярмарки, вычитая со всѣхъ студентовъ половинную часть имѣющей остаться должной студентами университету суммы; за майскую же треть половину денегъ получить при началѣ, а другую при окончаніи ея и вычесть остальныхъ денегъ также раздѣлить на двѣ равныя части; 4) вещи для рисованія написанныя по расчету просить студенты оставить при университетѣ, не вычитая за нихъ денегъ изъ ихъ суммы; 5) положенная вообще въ годъ сумма 190 р. раздѣляется такъ, чтобы на содержаніе стола было выдаваемо съ каждаго въ годъ по 70 р., изъ остальныхъ же 120 р. выдавать на каждаго въ треть по 40 р.; 6) на 9 человѣкъ вновь принятыхъ студентовъ въ іюлѣ и августѣ мѣсяцахъ выдать сверхъ того то число денегъ, которое имъ причитается со дня опредѣленія по 1-е сентября, не зачитая ихъ въ число 50 р. на каждаго требуемыхъ; 7) для полученія денегъ отъ кассира избирается студентъ Федоръ Сорокинъ (далѣе слѣдуютъ подписи) ¹⁾. Правленіе удовлетворило ихъ ходатайство по всѣмъ пунктамъ ²⁾, и такимъ образомъ казеннокоштные студенты приняли теперь на себя за 190 р. все свое содержаніе (раньше же нѣкоторые вещи они получали отъ университета). Студенты, принявшіе на себя заботы о своемъ содержаніи, старались приобрести нужные имъ предметы по возможно дешевой цѣнѣ. Въ 1809 г. они обратились въ правленіе съ такою просьбой: „поелику во время настоящей Успенской ярмарки удобнѣе можемъ мы закупить себѣ нужное, какъ-то—сукно, бѣлье, обувь и прочее и такъ какъ по причинѣ дороговизны всѣхъ этихъ вещей невозможно снабдить себя всѣмъ необходимымъ за малую сумму, то покорнѣйше просимъ правленіе императорскаго харьковскаго университета выдать намъ въ теченіе настоящей ярмарки для закупки самовужнѣйшихъ вещей слѣдующимъ каждому изъ насъ 20 р. за майскую треть и

¹⁾ Харьк. унив. архивъ. Дѣло правл. 1808 г. № 295/18, стр. 62.

²⁾ Ibidem, стр. 54—56.

20 р. впередъ за сентябрьскую, а вновь поступившимъ студентамъ со двѣ опредѣленія ихъ впередъ для нужной обмундировки ихъ по 50 р.; получение же денегъ поручаемъ студенту Фед. Сорокину (слѣдуютъ подписи) ¹⁾. Любопытенъ одинъ инцидентъ, имѣвшій мѣсто въ 1809 году. Исправлявшій должность инспектора казеннокоштныхъ студентовъ адъ-юнктъ Рейнишъ вошелъ съ заявленіемъ въ правленіе о необходимости нѣкотораго ремонта въ зданіи казеннокоштныхъ студентовъ, главнымъ образомъ дѣло шло о вставкѣ разбитыхъ оконъ. Правленіе, принявъ во вниманіе, что въ корпусѣ казеннокоштныхъ студентовъ происходятъ почти постоянныя починки разбитыхъ оконъ, въ чемъ, полагать должно, виноваты сами студенты, дабы къ нему не входили часто съ подобными просьбами, а равнымъ образомъ и для того, чтобы побудить самихъ студентовъ заботиться о сохранности всѣхъ вещей, находящихся въ ихъ помѣщеніи, постановило на производство такихъ поправокъ выдавать каждому студенту по 3 р. изъ ремонтнаго студенческаго капитала ²⁾. Въ томъ же 1809 г. студенты подали въ правленіе прошеніе, въ которомъ заявляли, что вслѣдствіе усилившейся дороговизны они не въ состояніи продовольствовать себя столомъ за 70 р. и должны прибавить сюда кое-что изъ причитающагося имъ жалованья. „По причинѣ чрезмѣрно увеличившейся цѣны всѣмъ съѣстнымъ припасамъ, не находя болѣе возможности содержать стола за 70 р. для сего въ годъ опредѣленные, согласились мы прибавить къ нимъ часть и изъ собственнаго жалованья; а какъ нынѣ не имѣемъ у себя въ наличности денегъ, которыми бы могли этотъ недостатокъ пополнить, то просимъ правленіе отпустить намъ заимообразно 250 р., съ тѣмъ, чтобы ихъ вычестъ изъ нашего жалованья въ слѣдующихъ двухъ третяхъ,—въ январской 150, а остальные 100 р. въ майской будущаго 1810 г. (слѣдуютъ подписи) ³⁾. Правленіе удовлетворило это ходатайство, такъ какъ, сказано въ журналѣ, и ему самому хорошо извѣстно о нынѣшней дороговизнѣ ⁴⁾. Эта дороговизна продолжала увеличиваться и ставила студентовъ въ очень затруднительное положеніе. Въ 1812 году инспекторъ казеннокоштныхъ студентовъ проф. Каменскій донесъ правленію, что у нихъ не хватило денегъ на прокормленіе себя въ мартѣ и апрѣлѣ сего года, и причины этого заключаются въ томъ, что во 1-хъ „всѣ вообще съѣстные припасы сдѣлались противъ прежняго несравненно дороже“, во 2-хъ студенты должны были покупать на наличныя деньги и платить при этомъ

¹⁾ Харьк. унив. архивъ. Дѣло правл. № ²³²/₂₁, стр. 32.

²⁾ Харьк. унив. архивъ. Дѣло правл. № ³⁸²/₂₁, стр. 53.

³⁾ Ibidem, стр. 64.

⁴⁾ Ibidem, стр. 65.

не мало за промѣнъ. Правленіе вошло въ положеніе студентовъ и постановило выдать имъ единовременно не въ зачетъ по 5 р. каждому изъ особой суммы, назначенной къ отпуску министромъ народнаго просвѣщенія ¹⁾. Въ 1813 г. студенты принуждены были вслѣдствіе дороговизны просить о выдачѣ имъ жалованья авансомъ за 2 мѣсяца впередъ ²⁾ и вошли при этомъ въ долги, какъ это видно изъ прошенія, поданнаго ими своему инспектору проф. Каменскому; тамъ они писали: „по причинѣ необыкновенной дороговизны съѣстныхъ припасовъ сумма получаемая нами для содержанія экономіи была недостаточна. Этотъ недостатокъ въ продолженіи времени сдѣлался болѣе и болѣе ощущительнымъ, такъ что теперь мы, будучи должны значительную сумму денегъ, не имѣемъ чѣмъ содержать себя. Не будучи въ состояніи поправить этотъ расходъ, не соразмѣрный съ приходомъ, покорнѣйше просимъ ваше высокоблагородіе, какъ начальника, исходатайствовать намъ сумму денегъ, нужную для уплаты долговъ и настоящаго содержанія нашего хозяйства ³⁾. Изъ объясненій инспектора выяснилось, что сумма долговъ равнялась 500 р., и Правленіе постановило выдать студентамъ для погашенія ея 300 р. изъ остатковъ отъ взносовъ своекоштныхъ студентовъ, проживавшихъ съ казеннокоштными ⁴⁾. Тотъ же дефицитъ повторился и въ слѣдующемъ 1814 году. Въ виду его студенты вошли съ правленіемъ съ новымъ ходатайствомъ такого содержанія: „давно уже видимъ мы, что отпускаемая намъ столовая сумма совершенно недостаточна для нашего продовольствія, такъ что при всей возможной умѣренности, бережливости и почти общемъ всѣхъ насъ наблюденіи за экономіей, расходы всегда превышали и превышаютъ приходъ нашъ. Причина этого — удвоенная дороговизна съѣстныхъ припасовъ и другихъ потребностей для экономіи необходимыхъ. Отъ этого произошли неизбѣжныя и при томъ весьма значительныя долги, удовлетвореніе коихъ ни мало не обезпечиваетъ насъ на будущее время, ибо выплативъ ихъ изъ выданной намъ недавно на то суммы, мы и теперь еще не остались свободны отъ займовъ. Таковыя недостаки экономической суммы нашей и невозможность поддержать ее совершенно разстроили и ее, и насъ. Почему мы не будучи въ состояніи содержать столъ, а вмѣстѣ и себя, не находимъ другого средства, какъ просить правленіе принять во вниманіе вышепрописанныя обстоятельства и обратить въ нашу пользу удержанныя за 1812, 1813 и нынѣшній 1814-й годы ремонтныя деньги,

¹⁾ Харьк. унив. арх. Журн. правл. 1812 г., январь—апрѣль; засѣданіе 11 апрѣля.

²⁾ Харьк. унив. архивъ. Дѣло правл. № 749/26, стр. 1, 18.

³⁾ Ibidem, стр. 49.

⁴⁾ Ibidem, стр. 50.

равно и вычитаемыя за тюфяки, кровати, бумагу и прочее нужное для рисовальнаго искусства, которому въ нынѣшній годъ только трое казеннокоштныхъ студентовъ обучаются ¹⁾). Правленіе университета, получивъ справку отъ казначея о суммахъ, употребленныхъ на первоначальное обзаведеніе казеннокоштныхъ студентовъ и убѣдившись, что вычтено было у нихъ на 392 р. больше, чѣмъ употреблено въ дѣйствительности, постановило выдать имъ для поправленія хозяйства эти 392 р. и прекратить на будущее время впредь до особаго опредѣленія взиманіе съ каждаго студента въ годъ по 10 р. въ ремонтную сумму, т. е. другими словами выдавать имъ отнынѣ полностью всѣ 200 р. на столъ и содержаніе ²⁾).

Такимъ образомъ, и студенты, подобно профессорамъ, должны были пережить тяжелый кризисъ, вызванный Наполеоновскими войнами, и— нужно отдать должное имъ—вышли съ честью изъ этого тяжелаго испытанія: университетъ, какъ мы видѣли, приходилъ къ нимъ на помощь, частію кредитомъ, частію возвратомъ излишне взятыхъ у нихъ суммъ, частію наконецъ мелкими прибавками; студенты же все таки не вышли изъ своего бюджета и могли это сдѣлать, конечно, только благодаря самой строгой экономіи и своему общему хозяйству. Относительно этого послѣдняго мы должны высказать общее положеніе, что въ то время оно вызывалось необходимостью, хотя было сопряжено несомнѣнно съ нѣкоторыми неудобствами и невыгодами для студентовъ. Эти невыгоды подмѣтилъ между прочимъ и современникъ тогдашній путешественникъ кн. Долгорукій. „Мнѣ не полюбилось, если смѣю быть чистосердеченъ, говорить онъ, одно то (въ университетѣ), что студенты сами держатъ артель и одинъ изъ нихъ печется о столовомъ хозяйствѣ. Казалось бы, что такими заботами не надлежало развлекать умы молодыхъ людей, коихъ всѣ мысли обращать должно къ одной учености“ ³⁾). Безспорно, что хозяйство нѣсколько отвлекало умы студентовъ отъ учености, но несомнѣнно, что при иномъ порядкѣ вещей студенты страдали бы еще больше; двухлѣтній опытъ показалъ, что предоставленіе студенческаго содержанія въ руки особаго подрядчика не устраивало студентовъ и

¹⁾ Подъ этимъ прошеніемъ подписались: Ив. Сухомлиновъ, Микаловскій, Бондаревъ, Червинскій, Маслаковецъ, Райдаровскій, Ив. Дудровичъ, Соколовскій, Костовскій, Шкларевичъ, Денисевичъ, Ал. Сухомлиновъ, Фатѣвъ, Юдинъ, Онуфріевъ, Аладьинъ, Бодарщакъ, Святскій, Кушнарева, Ив. Зиновьевъ, Вас. Зиновьевъ, Водяницкій, Сухорукъ, Пороховниковъ, Ник. Еллинскій, Можневскій, Ив. Кричевскій, Коломійцевъ, Ст. Кричевскій, Пав. Кричевскій, Севастьяновичъ, Крамаревъ, Шимановъ, Бондаревъ, Вас. Черняевъ, Енкуватовъ (Харьк. унив. арх. Дѣло правл. 1814 г. № 817/41, стр. 25).

²⁾ Ibidem, стр. 26.

³⁾ Читая Моск. Общ. 1869 г. кн. 2-я, стр. 52.

вызывало постоянныя жалобы съ ихъ стороны, нарушавшія правильность занятій не только ихъ самихъ, но и правленія; недостаточная или недоброкачественная пища должна была вредно дѣйствовать и на здоровье казеннокоштныхъ студентовъ. Правленіе не могло принять на себя такого хлопотливаго и отвѣтственнаго дѣла. Оставалось, слѣдовательно, одно, средство—отдать его въ руки самой студенческой корпорации, и она, какъ мы видѣли, вполнѣ оправдала оказанное ей довѣріе.

Познакомившись съ матеріальнымъ обезпеченіемъ профессоровъ, мы теперь переходимъ къ изображенію и характеристикѣ ихъ домашняго и семейнаго быта.

Само собою разумѣется, что матеріальная обезпеченность прямо и непосредственно отражалось и на домашнемъ быту и обстановкѣ университетскихъ дѣятелей. И такъ какъ степень зажиточности была неодинакова, то, естественно, что представляли значительное разнообразіе и внѣшній складъ ихъ жизни и обстановки; одни жили очень скромно, замкнуто, другіе богато, открыто. Едва ли, впрочемъ, нужно прибавлять, что большое значеніе имѣлъ тутъ еще и складъ характера, вкусовъ и привычекъ того или иного профессора; еще большее вліяніе оказывало все это на ихъ семейную жизнь. Къ счастью, въ нашемъ распоряженіи есть одинъ источникъ, который чрезвычайно ярко и подробно рисуетъ намъ домашнюю и семейную жизнь (въ связи съ личными чертами характера), одного изъ профессоровъ русскаго происхожденія, именно извѣстнаго, можно сказать, знаменитаго для своего времени Гавріила Петровича Успенскаго. Источникъ этотъ—воспоминаніи его сына; мы ими пользовались для изображенія его жизни до перехода въ Харьковъ и для характеристики его матеріальнаго положенія въ Харьковѣ. Теперь мы извлечемъ изъ нихъ данныя о его домашней и семейной обстановкѣ, тѣмъ болѣе, что доселѣ ихъ съ этой стороны, сколько намъ извѣстно, никто не эксплуатировалъ, а между тѣмъ онѣ очень любопытны.

Описавъ извѣстный намъ домикъ Гавріила Петровича, сынъ такими чертами рисуетъ жизнь этого необыкновеннаго труженника: „тутъ въ рѣдкій свободный часъ отдыхалъ онъ въ бесѣдахъ съ сотрудниками по университету; тутъ принималъ чопорные визиты и отсюда неупустительно каждый день утромъ и послѣ обѣда ходилъ и ѣздилъ на службу. Онъ, кромѣ каѳедры, разновременно непрерывно занималъ должность декана, синдика и инспектора; послѣдняя верѣдко и ночью вызывала его изъ дому. Всѣ дни для него были одинаковы, кромѣ праздничныхъ, мучившихъ его нарядностью посѣщеній и официальныхъ выѣздами. Каждый день былъ снимкомъ со вчерашняго: зимой и лѣтомъ онъ вставалъ въ четыре часа, тотчасъ умывался водой со льдомъ, одѣвался въ

сюртукъ, и, послѣ короткой молитвы, выпивалъ кружку холодной воды и, пройдись по залу, за письменный столъ садился. Молча работалъ онъ, и только скрипъ пера давалъ знать о его бодрствованіи. Въ 7 часовъ онъ пилъ чай съ небольшимъ кускомъ бѣлаго хлѣба; послѣ чаю прослушивалъ наши уроки; мы тогда учились въ гимназіи; потомъ принималъ посѣтителей, и если кто изъ нихъ запаздывалъ до 9 часовъ, то, не стѣсняясь его присутствіемъ, укладывалъ свой портфель и откланивался, спѣша въ университетъ. Отъ антипатичныхъ гостей одѣлывался скорѣй и проще. Когда мы (дѣти) перешли въ университетъ, то отецъ уже не повѣрялъ насъ въ урокахъ. Къ обѣду онъ пріѣзжалъ домой во 2-мъ часу или въ два; сидѣлъ за столомъ всегда не болѣе получаса; говорилъ мало и то исключительно только совѣты и наставленія намъ. Послѣ обѣда спалъ съ часъ на кушеткѣ въ кабинетѣ; вставши, немедленно умывался, выпивалъ кружку холоднаго квасу и поспѣшно усаживался за свою работу. Кабинетъ былъ и спальней отца; кушетка замѣняла ему кровать и одна тугая подушка составляла всю постель. Эта комната была его міромъ; въ прочихъ онъ бывалъ мимоходомъ. Въ 5 часовъ пополудни отецъ опять уходилъ въ университетъ, возвращался въ 7, пилъ чай; съ полчаса потомъ одиноко ходилъ по залу, напѣвая вполголоса что нибудь церковное или строфу изъ народной пѣсни, или же, погружась въ задумчивость ходилъ молча, вздыхая и приговаривая: „Боже! милостивъ—буди ко мнѣ грѣшному! Господи! не оставь насъ!“ Расположеніе духа рѣдко обнаруживалось въ немъ: настроеніе его зависѣло отъ впечатлѣній внѣшнихъ, предъ тѣмъ принятыхъ. Остальную часть вечера до ужина отецъ мой читалъ журналы и газеты. Садился онъ за ужинъ только для порядка; пилъ одну воду съ чернымъ хлѣбомъ. Послѣ ужина запирался въ кабинетъ и работалъ пристально далеко за полночь. Такъ жилъ разумный труженникъ, неподдаваясь мучившему его хроническому недугу. Въ предпослѣдніе годы жизни онъ писалъ уже чаще стоя или полусидя. Кресло его было устроено такъ, что только поддерживало небольшой сгибъ ногъ при наклонѣ корпуса, а колѣни въ то же время упирали въ подстольный мягкій щитъ, удерживая тяжесть тѣла. Ясно, что человѣкъ этотъ жилъ для науки и употреблялъ для ней самого себя, какъ постороннюю вещь.“ А вотъ что говоритъ сынъ о характерѣ своего отца. „Если взять въ соображеніе его затяжную преданность службѣ, его увлеченіе наукой, его убѣжденіе, что безъ нея нельзя быть настоящимъ человѣкомъ, что безъ ученія недолжно даже бы жить на свѣтѣ, то много-ли отыщется случаевъ къ проявленію характера? И въ самомъ дѣлѣ онъ слабо обнаруживался. Всегда за книжнымъ трудомъ, или глубоко погруженный въ думу, отецъ не восприни-

малъ почти ничего виѣшняго; оно проходило для него незамѣченнымъ, не вызывая иногда даже его взгляда; когда бывали посѣтители, то съ ними шла рѣчь о дѣлахъ и предметахъ постороннихъ, имѣвшихъ серьезное значеніе. Только съ нами въ семьѣ своей онъ былъ существомъ чувствующимъ, но и здѣсь все ограничивалось одними совѣтами и наставленіями. Хозяйство вела мать, пока позже не перешло оно въ другія руки; прислуга была наемная, но порядочная заживавшаяся долго; поэтому было покойно и мало выходило случаевъ, нарушавшихъ норму жизненнаго хода моего ученаго отца. Какъ же опредѣлить характеръ человѣка при такой обстановкѣ? Я смѣло сравню всякаго ученаго мужа съ священникомъ, стоящимъ предъ жертвенникомъ въ часы молитвенныхъ отправленій, и спрошу: что можно сказать о его характерѣ? Такъ и служитель науки предъ своимъ жертвенникомъ является существомъ духовнымъ, какъ бы безтѣлеснымъ. А къ тому же была и другая причина, скрывавшая отъ наблюденій характеръ моего отца: это его постоянный недугъ (припадки гемороа), ожесточавшійся при усиленной усидчивости и сырой погодѣ; въ эти дни отецъ мой очень много страдалъ и при всей силѣ терпѣнія слышались стоны его и не сдерживаемое отрывистое криханье. Въ такіе часы болѣзнь подавляла въ немъ все мужество, онъ сидѣлъ и лежалъ съ закрытыми глазами, не произнося ни одного слова; мы по приказанію, отданному разъ навсегда, заглушали его тяжелое дыханіе громкимъ чтеніемъ своихъ уроковъ. По минованіи геморoidalнаго приступа, онъ опять принимался за обычные занятія. Кромѣ того, что отецъ мой, какъ истый жрецъ науки и какъ болѣзненный страдалецъ, покорилъ плоть духу; но человѣкъ этотъ былъ въ высшей степени разсудителецъ и стойчески терпѣливъ, и потому пульсъ его билъ одинаково ровно и не тревожилъ тихаго его характера. Ненасытимую жажду занятій, рьяную любовь къ педагогикѣ и привлеченіе юношества къ тому же я назову потребностью его души, его натуры, и эта потребность такъ преобладала въ немъ, что живого человѣка въ немъ было не видно“. Домашняя обстановка не бросалась въ глаза роскошью, но не лишена была удобствъ. Г. П. могъ бы принимать у себя, но этому мѣшала его замкнутый характеръ и складъ его семейной жизни. „Все было, повидимому, хорошо, но только пустовала гостинная: въ ней не бывало ни пышныхъ дамъ, ни аристократовъ, она служила намъ классной комнатою, потому что къ отцу пріѣзжали или товарищи, или просители, которые шли прямо въ кабинетъ или въ залъ; пріѣзжали и посторонніе гости, но къ одному отцу, а къ матери никто не ѣздилъ. Она имѣла непрерывную припадочную болѣзнь, доводившую ее до большихъ странностей и доведшую наконецъ до отчужденія отъ семейства.

По этой несчастной причинѣ, мать занимала отдѣльные, отдаленныя отъ другихъ комнаты, никуда не выѣзжала и никогда почти не видалась съ моимъ отцомъ. Такое ея состояніе удвоивало грустное настроеніе духа мужа и отца семейства и отзывалось во всемъ его существѣ томительною тоскливостью, представлявшею его суровымъ и нелюдимымъ. Болѣзненное состояніе матери отражалось и на дѣтяхъ; всѣ мы всегда были грустны, дики и робки: не были у насъ ни веселыхъ игръ, ни дѣтской разгульной свободы, не было ни въ чемъ никакого приволья; къ намъ не приходили наши сверстники поиграть, побѣгать, полакомиться, и насъ не выпускали ни къ кому и никуда; изрѣдка только по праздникамъ водили насъ мимо заострожныхъ ямъ въ университетскій садъ, казавшійся намъ тогда божьимъ раемъ. Мы росли дикарями полагая назначеніе жизни въ одномъ выучиваніи уроковъ. Болѣе всѣхъ пострадала бѣдная сестра моя, находившаяся до выхода замужъ при матери безотлучно; она осталась навсегда не только неразвитою, но и съ испорченнымъ характеромъ. Какъ же послѣ всего этого искать въ отцѣ моемъ чего-нибудь другого, когда въ непрерывномъ трудѣ, заботахъ и недугѣ, онъ всегда безотрадно страдалъ за себя и семейство! Его жизнь была крестная, мученическая! Провидѣніе, давши ему умъ, надѣлившее средствами, къ счастью повело его для непостижимой намъ цѣли, такой тропой, на которой онъ, выбившись изъ силъ, палъ подъ своей ношей. Не спасли его ни дѣятельный умъ, ни обширныя познанія, ни сильная организація души, ни сила воли; не помогло и богатырское тѣлосложеніе! Г. П. имѣлъ мало общенія съ вѣншимъ міромъ. „Не помню, говоритъ его сынъ, чтобы хотя однажды кто обѣдалъ у насъ изъ постороннихъ; даже наши квартиранты, молодые—ученые—Бразоли, Черемисиновы и др. имѣли свой собственный столъ, помѣщаясь особо во флигелѣ. Къ вечернему чаю изрѣдка бывали кто нибудь изъ коринеевъ харьковской науки; элегическое настроеніе ихъ бесѣдъ гармонировало нашему духу. Одинъ только профессоръ Д. С. Борзенковъ своею вѣчною веселостью освѣжалъ иногда нашу печальную обитель и вызывалъ принужденную улыбку на лицо отца. Но и эта непривычная улыбка на лицѣ страдальца походила болѣе на болѣзненную гримасу. Самъ же отецъ мой, кажется, ни къ кому въ гости не ѣздилъ, и только два или три раза въ годъ не обѣдывалъ дома. Дни эти были для него днями мученій! Онъ въ эти дни бывалъ у попечителя университета, или у губернатора и архіерея. Оффиціальность съ ея натянутостью была противна понятіямъ отца и исполненіе ее мучило и терзало его страшно: оно походило на томленіе рыбы, вынутой изъ воды. Вообще все сценическое было противно его душѣ; а надутость, маскированная любезность

и намѣренная униженность казались ему отвратительнымъ фиглярствомъ; онъ дѣлался больнымъ, изнеможеннымъ, отъ продолжительности столкновений съ лицами, одержимыми такой нравственной проказой. Правда, въ этомъ виденъ характеръ моего отца, не терпѣвшій никакого рода хвастливости и мелочности, соединенныхъ съ насилуваніемъ природы человѣка, его достоинства и чувства. Но подобныя проявленія вызывались рѣдкими мимолетными случаями, а въ домашнемъ и кабинетномъ быту, какъ сказалъ я, характеръ его подавлялся работой ума, недугомъ и скорбью¹⁾. Но за то Г. П. поддерживалъ научно-литературное общеніе со своими друзьями, жившими внѣ Харькова. „Переписка отца, говоритъ его сынъ, съ замѣчательными личностями велась обширная. Мнѣ жаль, что не вспомню всѣхъ ихъ фамилій; но свѣжо помню его длинныя письма къ митрополиту Евгенію и такіе же отвѣты отъ послѣдняго. Помню потому болѣе, что самъ участвовалъ въ ихъ интимной бесѣдѣ—перепискѣ тѣмъ, что писалъ подъ диктовку отца въ часы недуга. Кабинетная связь этихъ мужей прекратилась съ ихъ смертью. Въ 1817 или 1818 году они видѣлись въ послѣдній разъ въ визитацію моего отца западной части университетскаго округа“. Очевидно, въ связи съ усилившейся дороговизной Г. П. увеличилъ платныя занятія съ посторонними, что однако неблагопріятно отражалось на воспитаніи его собственныхъ дѣтей. „Неубавляя своей учено-служебной дѣятельности, мой отецъ, читаемъ мы въ воспоминаніяхъ, въ послѣдніе годы чаще и продолжительнѣй давалъ уроки желавшимъ брать ихъ у него дома; однакожъ, это отнимало у него возможность наблюдать по прежнему за нами, и потому мы поручались надзору и руководству учителей, принимавшихся въ домъ нашъ на житье. Но эти пестуны не замѣнили отца и испортили дѣло воспитанія, показывая предъ нами свои слабыя стороны и вводя фамиллярность. Они потворствовали намъ, изъ бѣззастѣнчивости не навлекая на себя нашего неудовольствія, могущаго породить жалобы. Этотъ грѣшокъ чуть-ли не всеобщъ, и рѣдкій наставникъ, поселившійся подъ одну кровлю съ воспитанникомъ, не понизитъ своего тона въ обращеніи съ нимъ“¹⁾.

Такова была домашняя жизнь Г. П. Успенскаго. Она сложилась, быть можетъ, слишкомъ своеобразно, какъ своеобразна и оригинальна была и самая личность этого изумительно неутомимаго труженика, служителя и, можно сказать, отшельника науки, педагогіи и службы. Но все таки въ ней отразились и многія общія типическія черты той эпохи и онѣ ясно проявляются, если исключить ту замкнутость, которая явилась результатомъ особенностей семейнаго склада жизни Гавріила Петровича. Въ такой виѣшней домашней обстановкѣ — небогатой, скром-

¹⁾ Воспоминанія сына объ отцѣ (Ворон. губ. вѣд. 1863 г. №№ 27, 28, 30—32).

ной, но и не убогой — жило большинство тогдашнихъ профессоровъ въ своихъ собственныхъ домикахъ, имѣя экипажъ и лошадь, рѣшительно необходимыя при тогдашней харьковской грязи и тѣмъ (объ этомъ ниже).

Полную противоположность Г. П. Успенскому, по своему характеру, представлялъ профессоръ Беленъ де Баллю. Роммель характеризуетъ его такъ: „забавный оригиналъ, фантазеръ, поэтъ, неутомимый говорунъ онъ пѣлъ, декламировалъ; въ обществѣ былъ вѣчно любезенъ и вѣчно разсѣянъ; дома страдалъ отъ безтолковаго хозяйства своей супруги, неудачно выбранной въ Парижѣ... Его непринужденность не знала границъ. Съ русскимъ словаремъ въ рукахъ, шелъ онъ на базаръ и своимъ неправильнымъ акцентомъ, двусмысленными, полупонятными словами возбуждалъ смѣхъ торговки; сосѣдскую свинью, ворвавшуюся къ нему въ садъ, представилъ онъ на санихъ въ уголовную палату, какъ очевидную улику, и обратился къ судьямъ съ такою рѣчью: „господа свиньи“! вмѣсто: господа! эта свинья... и пр. Наканунѣ свадьбы своей дочери онъ развѣзжалъ въ парадной каретѣ, занималъ деньги у товарищей и тутъ же укупоривалъ посуду“. Эти данныя подтверждаетъ и дополняетъ Розальонъ Сошальскій. „Онъ выбылъ до моего вступленія въ университетъ, но мнѣ хорошо извѣстно какъ то, что онъ превосходно съ одушевленіемъ преподавалъ французскую литературу, такъ и многія странности, о которыхъ рассказывалось всегда при живыхъ порывахъ смѣха. Баллю бывалъ у А. И. Косовскаго (квартирнаго хозяина Розальона Сошальскаго). Разъ на какомъ то семейномъ праздникѣ этотъ непомѣрный толстякъ рассказывалъ ломаннымъ русскимъ языкомъ (а когда его не хватало, то съ помощью говорившихъ по французски), какъ онъ, посаженный во время революціи въ качествѣ аристократа въ тюрьму, получилъ тамъ, не помню по какому случаю, ударъ топоромъ въ голову, отъ котораго на этомъ огромномъ совершенно обнаженномъ полушарѣ оставался длинный, широкій и глубокій шрамъ. Вслѣдъ за рассказомъ этимъ несельчакъ французъ сѣлъ за фортепьяно и сталъ распѣвать романсы. Казалось, что еслибы не двадцатипудовая, конечно, не меньше его масса, то онъ пустился бы танцовать. Баллю вскорѣ по прибытіи своемъ въ Харьковъ прославился слѣдующимъ случаемъ. Онъ купилъ себѣ домикъ съ садомъ у самой рѣки противъ св. Михаила, завелъ огородъ, но сквозь плохой заборъ сосѣдскія свиньи дѣлали въ его владѣнія набѣги. Онъ просилъ, чтобы не пускали—не помогало. Тогда, поймавъ одну изъ виновницъ, профессоръ велѣлъ заложить себѣ телѣгу, въ которой ѣздили въ университетъ, положилъ въ нее животное и самъ будто бы сѣлъ на него (хотя это мудрено: задавилъ бы). Однимъ словомъ, привезъ въ по-

лицію кричавшее животное и сдать его вмѣстѣ со своею жалобою. По тучности своей Баллю долженъ былъ всегда ѣздить въ университетъ и это путешествіе совершалось на одной лошади, зимою запряженной въ санки, которою самъ онъ правилъ. Почти всегда онъ засыпалъ, укутавшись въ шубу. Лошадь шла шагомъ, профессоръ пробуждался, кричалъ: „alons“¹!, махалъ кнутомъ; пожалуй, лошадь пускалась рысцей, останавливаясь вновь—и опять, и опять. Противъ дома Грановскихъ было единственное въ Харьковѣ сборное мѣсто биржевыхъ извозчиковъ и, бывало, коль увидать ѣдущаго въ гору, шагомъ, дремлющаго Баллю, то хохочутъ, говоря между собою: вонъ уже опять плетется Алена!² 1).

Князь Долгорукій проѣзжалъ черезъ Харьковъ въ 1810 г., осматривалъ университетъ, познакомился съ Баллю и далъ о немъ слѣдующій отзывъ. „При всей той угрюмости, какой требуютъ возложенныя на него труды (по должности библіотекаря) и самыя лѣта, я удивился, нашедъ его въ иныя минуты столь легкимъ, смѣю ли сказать, и вѣтреннымъ, какъ мы привыкли понимать его соотчичей: безпрестанный смѣхъ не сходитъ съ его лица; вдругъ онъ заважничаетъ и сдѣлается несноснымъ педантомъ, чтобъ тотчасъ же послѣ того надъ собою разсмѣяться и выпустить какую нибудь остроту“²). У Беленъ де Балли было многочисленное семейство—5 сыновей и три дочери³). Одну изъ нихъ, Асиазію, онъ выдалъ замужъ въ Харьковѣ за учителя рисованія Матеса. Въ журналахъ правленія сохранилась любопытная „рядная записъ“, т. е. свадебный контрактъ жениха и невѣсты. Беленъ де Баллю далъ за свою дочь, которой, замѣтимъ кстати, было тогда всего 14 лѣтъ и одинъ мѣсяць, 2000 р. приданнаго и ежегодную ренту до уплаты его въ 200 р. Матесъ же съ своей стороны наслѣдницей всего своего имущества, движимаго и недвижимаго, имѣвшагося на лицо и могущаго оказаться по завѣщанію, сдѣлалъ свою будущую жену, причемъ если бы отъ этого брака родились дѣти, то мать ихъ должна была владѣть этимъ имуществомъ пожизненно, а если бы потомства не оказалось, то и на правѣ полной собственности⁴). Вспомнимъ кстати, что Матесъ кромѣ уроковъ въ университетѣ занимался еще преподаваніемъ рисованія частнымъ лицамъ и назначилъ весьма солидную плату по 150 р. съ персоны.

Чрезвычайно общительнымъ иностранцемъ является и почтенный нѣмецъ Роммель. „Въ память о покинутой родинѣ, говоритъ онъ, я, по пріѣздѣ въ Харьковъ, вступилъ въ знакомство съ нѣсколькими семей-

¹) Харьк. губ. вѣд. 1869 г. № 44.

²) Чтенія Моск. общ. 1869 г., кн. 2-я, стр. 51.

³) Ibidem.

⁴) Харьк. унив. архивъ. Журналы правл. 1811, май—августъ; засѣданіе 4 мая.

ствами честныхъ ремесленниковъ нѣмцевъ. Посредникомъ служили мнѣ добрый другъ мой землякъ Шмерфельдъ, женатый на дочери одного механика. Разъ въ недѣлю собирались у меня и весело уживали. Неженатые профессора составили также клубъ, въ которомъ принимали участіе одни нѣмцы, за исключеніемъ Стойковича и Калькау. Но скоро украинское гостепріимство открыло мнѣ болѣе обширный кругъ знакомства—Роммель сталъ посѣщать губернатора и мѣстныхъ помѣщиковъ; супруга тогдашняго губернатора И. И. Бахтина была къ нему очень любезна, „съ очаровательной улыбкой поправляла его ошибки въ русскомъ языкѣ и давала дружескій совѣтъ жениться на русской“. И онъ дѣйствительно женился на русской молодой дѣвушкѣ, принадлежавшей къ помѣщичьему дворянскому семейству Харьковской губерніи. Вотъ какъ самъ онъ описываетъ свое сватовство: „еще въ первый годъ моего пріѣзда, говоритъ онъ, судьба привела меня въ обществѣ доктора Кальве, ученика Моцарта, женатаго на богатой русской, въ деревню Водолагу (отъ Харькова верстъ сорокъ), гдѣ жили—графъ Парма, инспекторъ шелковичныхъ плантацій, зять его шведъ Литандеръ и гостепріимное малороссійское семейство Черновыхъ. Старуха Чернова, богатая вдова майора, дочь русскаго священника и сестра генерала Ковалинскаго, приняла меня съ особенною ласкою. Суевѣрная, ханжа, жестокая въ обращеніи со своими дѣтьми и крестьянами, какъ я впоследствии узналъ, эта женщина любила нѣмцевъ. Изъ четырехъ дочерей она выдала замужъ одну за молодого и разгульнаго русскаго ротмистра; три остальные были дѣвицы. Старшая уже немолодыхъ лѣтъ, имѣла философское направленіе, съ свѣтлымъ оттѣнкомъ, который заняла она у любимаго своего писателя Виланда; самая младшая, очень веселаго и живаго характера, мастерица пѣть украинскія пѣсни, была не старѣе 15 лѣтъ. На одной вечеринкѣ, на которую приглашено было также нѣсколько знатныхъ турокъ, я танцуя и играя въ фанты, влюбился въ третью, самую красивую, по имени Маргариту Ивановну. Гордая, очаровательная манера (особенно когда она разливала чай для гостей), гибкая, тонкая талія, черные прорѣзанные миндалиной глаза, отличали мою красавицу. Недостатокъ знанія иностранныхъ языковъ—она не говорила ни по французски, ни по нѣмецки,—вознаграждался въ моихъ глазахъ неподражаемымъ ея говоромъ и мастерскимъ знаніемъ роднаго ея языка. Въ то время я еще не понималъ, какъ важно различіе религій, національности, темперамента (въ чемъ убѣдилъ меня впоследствии горькій опытъ), и беззаботно, какъ ребенокъ, выбралъ своимъ сватомъ генерала Ковалинскаго. Онъ пригласилъ семейство Черновыхъ въ Харьковъ на нѣсколько времени и когда однажды моя семнадцати лѣтняя,

порою меланхолическая, украинка вздумала серьезно увѣрять, что бракъ нашъ не можетъ быть счастливъ, я принялъ это за минутный капризъ. Напрасно г-жа Бахтина и Стойковичъ приглашали меня нѣсколько разъ на дачу, предлагая познакомить съ одною русскою дамою, знатною и свѣтскою, которая могла быть мнѣ прекрасною партією. Я такъ сжился въ мечтахъ съ малорусскою Аркадією, что не хотѣлъ слышать ни о чемъ. Посаженнымъ отцомъ моей невѣсты были генераль Маршаль Биберштейнъ; свадьбу отпраздновали въ Водолагахъ, въ февралѣ 1811 г., со всѣми церемоніями и обрядами греко-русской церкви; мѣстный протопопъ былъ такъ любезенъ, что предложилъ мнѣ вопросъ о согласіи по русски и по латыни (за что и получилъ въ награду 50 руб.). Танцевали до упаду, много пили, много шумѣли, провозглашали многолѣтіе, меня и генерала Ковалинскаго поднимали на воздухъ. На другое утро теща моя, крѣпко державшаяся старыхъ украинскихъ обычаевъ, разсердилась на меня за то, что я не догадался поблагодарить ее, по древнееврейскому обычаю, брачный смыслъ котораго объяснили мнѣ уже въ послѣдствіи. Затѣмъ пошли обычные круговые визиты ко всѣмъ сосѣдямъ и родичамъ; сначала ко вдовѣ Дуниной, въ Новой Водолагѣ, гдѣ мы застали старшую дочь ея, остроумную графиню Сиверсъ и цѣлое блестящее общество, тамъ было вдоволь французскихъ гувернеровъ; была за столомъ музыка; младшая изъ дочерей хозяйки, подруга моей молодой жены, не нашла—неприличнымъ проводить насъ, съ восковыми свѣчами въ рукахъ, до нашей спальни "... Но семейная жизнь Роммеля, начавшаяся счастливо, вскорѣ сдѣлалась весьма неприглядной—и дѣло окончилось разрывомъ супруговъ, жена не захотѣла ѣхать за своимъ мужемъ за границу, куда онъ рѣшилъ вернуться. „Наша семейная жизнь, пишетъ онъ, началась съ того, что насъ окружила цѣлая толпа весьма дешевыхъ крѣпостныхъ: камердинеръ, кучеръ, столяръ, поваръ; кромѣ того, горничная, кухарка и ключница, которая смотрѣла за всѣми припасами: мукою рисомъ, молокомъ и наливкою. Необходимое на Украинѣ варенье, которымъ потчивали всякаго гостя, приготовляла моя любезная жена, смыслившая кое что въ ботаникѣ. Она умѣла также готовить малороссійскій борщъ. Мы жили на квартирѣ у купца, при домѣ былъ небольшой садъ и русская баня. Маргарита и ея сестры знали всѣ малороссійскія пѣсни, прелесть которыхъ состоитъ въ нѣжномъ языкѣ, вѣрно отражающемъ природу, въ оригинальной, преимущественно элегической мелодіи и въ богатствѣ содержанія. Любовь, жизнь природы, тоскливое ожиданіе, прощаніе, слава и военные подвиги любимаго козака составляютъ ихъ предметъ. Она начала также учиться по нѣмецки у меня и одного русскаго лектора, но ей недоставало настойчивости въ занятіяхъ.

Сначала мы вели аркадскую жизнь; когда я возвращался вечеромъ съ лекціи и садился за чайный столикъ, она часто говорила мнѣ, что довольна и счастлива. Но мало по малу горизонтъ помрачался. При всей преданности и пѣжности, въ ея темпераментѣ были черты холерической раздражительности, часто прорывавшіяся наружу, и мрачное стремленіе къ піэтизму. Не разъ мать возила ее въ Ахтырку, куда одна изъ чудотворныхъ иконъ Богоматери постоянно привлекала большую толпу странницъ, особенно такихъ бездѣтныхъ молодыхъ женщинъ, какъ была моя жена. Я сдѣлалъ, можетъ быть, ошибку, оставивъ ей полную свободу для этихъ поѣздокъ. Слишкомъ частыя посѣщенія ея родныхъ, которые со всею рухлядью и толпою крѣпостной челяди располагались въ нашемъ домѣ на цѣлыя недѣли, мѣшали обычнымъ моимъ занятіямъ и нарушали домашнее спокойствіе. Наконецъ, явился кузень, задолго прежде расписанный мнѣ великолѣпными красками; свиль себѣ гнѣздышко въ моемъ домѣ очень безцеремонно на нѣсколько недѣль и принялся покорять женскія сердца восхитительными разсказами и подарками. Я затаилъ въ себѣ мучительную досаду и болѣзненную ревность и тѣмъ положилъ зародышъ желчной нервной горячки; страдалъ и то-сковалъ одиноко въ то время, какъ все общество легкомысленно и безпечно предавалось веселостямъ на загородныхъ прогулкахъ. Національная ненависть противъ всѣхъ иностранцевъ, сильнѣе пробудившаяся послѣ нашествія французовъ, отразилась также на моихъ семейныхъ отношеніяхъ. Разсѣялось прежнее очарованіе любви, порожденной болѣе фантазіей, чѣмъ истинною симпатіей и сходствомъ вкусовъ. Не задумываясь, я вдругъ рѣшился подняться, чтобъ спасти свою независимость и поискать въ Петербургѣ новой должности. Передъ тѣмъ незадолго меня представили къ наградѣ за изданныя для университета сочиненія и безъ всякихъ препятствій разрѣшили еще увольненіе въ отпускъ на одинъ годъ. Оставивъ половину жалованья заступавшему мое мѣсто профессору Шаду, я продалъ все свое движимое имущество, къ великому ужасу родственниковъ, и нанялъ для перевозки остального и отборныхъ книгъ нѣсколькихъ извозчиковъ съ тремя повозками. Со мною отправился отставной раненый прусскій офицеръ, фонъ-Вестергагенъ, которому хотѣлось попытать счастья въ Петербургѣ. Сборы къ путешествію окончены были съ величайшею быстротою въ то время, когда въ Харьковѣ свирѣпствовала тифозная эпидемія, поразившая профессора Шмерфельда. Одинъ изъ моихъ товарищей, Дюгуръ, условился со мною также выбраться поскорѣе изъ опаснаго мѣста. Передъ выѣздомъ (въ іюль 1814 г.) мнѣ случайно попало въ руки женино письмо къ кузену, посланному моею злою судьбой, письмо, которое осталось для меня за-

гадкою; въ немъ она жалуясь на свою участь, употребила выраженіе: „хамеліонъ“. Впрочемъ, мы предприняли это путешествіе съ общаго согласія, хотя, конечно, каждый изъ насъ таилъ въ душѣ надежду, что для него начнется новая эра еще свѣжей жизни“. Въ Петербургъ Роммель выѣхалъ вмѣстѣ со своею женой. „По особой благосклонности министра, графа Разумовскаго, говорить Роммель, отпускъ давалъ мнѣ право жить въ Москвѣ или Петербургѣ. Прежніе планы о путешествіи на Кавказъ и въ Константинополь рушились безвозвратно. Особенно грустно было подумать, что чистыя стремленія мои и моихъ товарищей основать въ центрѣ Украины новый, прочный разсадникъ гуманистическаго и литературнаго образованія, уничтожается, что послѣ насъ древнеславянское варварство воцарится снова и интриги отсталыхъ русскихъ къ подавленію брошенныхъ нами сѣмянъ найдутъ свободную арену“. По поводу этого послѣдняго выраженія издатель русскаго перевода записокъ Я. О. Балисный замѣчаетъ: „вѣроятно, авторъ этихъ записокъ, изданныхъ въ 1854 г., имѣлъ утѣшеніе видѣть, что мрачныя его опасенія за будущность Харьковскаго университета не сбылись: послѣ его отѣзда древнеславянское невѣжество не нашло себѣ болѣе мѣста и не ужилаясь тамъ, гдѣ прежде было ему такъ привольно; сѣмена, брошенные первыми дѣятелями, не заглохли“. Мы отъ себя къ этому прибавимъ, что идея Роммеля о древнеславянскомъ невѣществѣ характеризуетъ не столько истинное положеніе дѣла, сколько его собственное міросозерцаніе и настроеніе; университетъ въ Харьковѣ былъ основанъ по инициативѣ страстнаго двигателя просвѣщенія В. Н. Каразина, а не какого нибудь иностраннаго культуртрегера, да и раньше въ Украинѣ не было „древнеславянскаго варварства“, если въ ней жилъ и дѣйствовалъ такой человѣкъ, какъ Г. С. Сковорода, бывший для своего времени ходячимъ университетомъ и духовной академіей, если само общество было до нѣкоторой степени подготовлено къ открытію здѣсь высшаго учебнаго заведенія, если среди „отсталыхъ русскихъ“ профессоровъ были такіе передовые дѣятели, какъ Рижскій, Осиповскій, Успенскій, Тимковскій. Любопытно путешествіе Роммеля отъ Харькова до Петербурга. Мы приведемъ его описаніе съ нѣкоторыми сокращеніями, такъ какъ оно представляетъ интересъ по своему содержанію и для характеристики самого Роммеля, и вмѣстѣ съ тѣмъ можетъ служить какъ бы образцомъ отчета о командировкѣ въ предѣлахъ Россіи одного изъ выдающихся дѣятелей тогдашней харьковской профессуры. „Тяжело сжималось мое сердце, продолжаетъ далѣе Роммель, неизвѣстностью: согласится ли жена моя, теперь еще больше заключившаяся въ себѣ, покинуть свои пенаты и поѣхать за мною въ Германію.

Путешествіе наше отъ Харькова до Москвы шло очень медленно. Зная, что постоянные дворы по нашей дорогѣ были рѣдки, мы не пропускали случая запастись въ деревняхъ молокомъ, масломъ, яйцами и хлѣбомъ, но не разъ приходилось намъ готовить свой обѣдъ на чистомъ воздухѣ, за самоваромъ. Утомленіе безсмысленныхъ лошадей и лѣность ямщиковъ принуждали насъ къ частымъ отдыхамъ. По причинѣ лѣтняго зноя лучше было бы ѣхать ночью, но намъ мѣшали волки, которыхъ водилось такъ много въ южной Россіи, что я со своимъ спутникомъ, пруссакомъ, нерѣдко принужденъ былъ мѣнять трубку на пистолетъ, чтобы прогонять ихъ. Только съ переѣздомъ въ Великороссію кончилась утомляющая своимъ однообразіемъ степная равнина. Мѣстность приняла другой видъ: холмы, долины и рѣки смѣнялись чаще; въ деревняхъ, по большей части состоявшихъ изъ одной широкой улицы, показались крестьянскіе дома съ высокими крышами и надстройками... Съ приближеніемъ къ водному пути Волги и Москвы торговое движеніе въ мѣстечкахъ и ямскихъ слободахъ замѣтно возрастало: по большимъ дорогамъ, ведущимъ въ Курскъ и Орелъ, попадались огромныя стада украинскихъ быковъ, перегоняемыхъ на сѣверъ, и длинные ряды одноконныхъ извозничьихъ телѣгъ, которыми управляли нестолько спавшіе мужики, сколько смысленныя малороссійскія лошади. Пропуская замѣчанія Роммеля о Тулѣ и Серпуховѣ, мы приведемъ его впечатлѣнія отъ Москвы, которая тогда еще не успѣла оправиться отъ Наполеоновскаго разоренія. „Не смотря на предшествовавшую катастрофу, этотъ огромный, раскинувшійся на 40 верстъ столичный городъ, по наружности болѣе азіатскій, нежели европейскій, представлялъ грандіозный, живописный видъ своимъ положеніемъ на подобіе амфитеатра, въ видѣ молодого полумѣсяца, своими безчисленными куполами и колокольнями, сіявшими позолотою. Черезъ предмѣстья, обращенныя въ груды развалинъ, чрезъ пепелища трехъ частей города, облежавшихъ крѣпость тремя извилистыми линіями, добрались мы до высокаго Кремля и только тогда, осмотрѣвшись кругомъ, могли измѣрить все значеніе этого колоссальнаго разрушенія: 11800 деревянныхъ домовъ и лавокъ, вмѣстѣ съ огромнѣйшими запасами товаровъ, преданы были пламени; изъ 9158 каменныхъ жилищъ только 2626 уцѣлѣли отъ разрушенія.... Послѣ того Москва отстроилась по новому болѣе правильному плану; главные улицы вымощены; мостовыя изъ цѣльныхъ бревенъ исчезли; населеніе дошло до 500000, когда дворянство возвратилось снова со своими безчисленными толпами слугъ, а фабрики и мануфактуры быстро поднялись. Но непобѣдимымъ препятствіемъ совершенно правильному проведенію улицъ было множество уцѣлѣвшихъ церквей, мѣшали также отдѣльно

разбросанныя публичныя и частныя зданія, интересы пострадавшихъ отъ пожара и азіатскій безпорядокъ 64 большихъ и 521 малыхъ улицъ. Еще и теперь этотъ татарскій Римъ, по выраженію г-жи Сталь, представляетъ пеструю картину контрастовъ между великолѣпіемъ, роскошью и утонченностью съ одной стороны, и бѣдностью, нищетою и варварствомъ съ другой. Говорятъ, что въ настоящее время немного уменьшилась страшная толпа иностранныхъ учителей и гувернеровъ въ домахъ русскихъ баръ. Но съ возобновленіемъ города юстиція и администрація не обновилась, правильно организованное взяточничество чиновниковъ и дерзкіе наѣзды полиціи не вывелись; возмутительное не боящееся гласности нарушеніе законовъ очень нерѣдко; въ особенности держится еще крѣпко неуваженіе къ личности, полицейскій самосудъ, который не любитъ разбирательства и приводитъ всѣ рѣшенія къ одному итогу—къ спянь и бородѣ русскаго человѣка. Первый мой выходъ направленъ былъ въ Кремль, возвышенную часть города, обнесенную стѣнами и рвами, въ которой и послѣ разрушенія укрѣпленій и части древняго дворца царей, было что посмотреть въ соборахъ и монастыряхъ... Посѣтивъ университетъ, я нашелъ только двухъ профессоровъ: знаменитаго натуралиста Фишера, который сидѣлъ въ это время за фортепьяно и пѣлъ Гораціеву оду — *Integer vitae scelerisque purus*; — съ нимъ отправился къ Гейму, издателю русскаго словаря. Пострадавшій отъ пожара библіотекъ университета я подарилъ небольшое собраніе римскихъ и греческихъ классиковъ, что было замѣчено русскими газетами. Уѣзжая изъ города, я продалъ свою тройку лошадей. На конномъ рынкѣ между русскими величаво расхаживали одѣтые богато и нарядно цыганскіе старшины. Русскій барышникъ покончилъ свой торгъ со мною хлопаньемъ по рукамъ, какъ это водится на Китайской границѣ въ Кяхтѣ.... Такъ собралось у меня отъ 4 до 5 тысячъ наличныхъ денегъ; дорогою истрачено было нѣсколько сотенъ; счетъ на постоянныхъ дворахъ нигдѣ не превышалъ 10 руб. ассигнаціями, включая и кормъ лошадей. Дорога отъ Москвы до Петербурга (727 в.), сложенная изъ дѣльных бревенъ, шла по расчищенному тракту Валдайскихъ горъ. Въ Твери множество барокъ, отходившихъ въ Петербургъ съ товарами, дало намъ въ 1-й разъ ясное понятіе о необыкновенной дѣятельности русскаго народа. Лучшимъ живописнѣйшимъ пунктомъ нашего пути была дорога по Валдайскимъ горамъ, которыя по преданію служили убѣжищемъ разбойниковъ, а теперь превосходно расчищены и вполне безопасны. Высокая мѣстность этой русской Швейцаріи видна уже изъ того, что отсюда большія рѣки несутъ свои воды на югъ и на сѣверъ....“ Черезъ Торжокъ, Великій Новгородъ и Царское село Роммель въѣхалъ въ Пе-

тербургъ. „Въ то время въ Петербургѣ дѣлались огромныя приготовленія въ честь увѣнчаннаго лаврами побѣды Императора Александра и его колосальной гвардіи; сѣверная резиденція, обыкновенно тихая, была оживлена, какъ никогда; гордое сознаніе націи, внезапно поднявшейся какъ исполинъ послѣ долгаго сна и не безъ презрѣнія смотрѣвшей на всѣ другіе народы, освобожденные Россіею изъ подъ Наполеонова рабства, проглядывало вездѣ и высказывалось даже въ скромныхъ рѣчахъ воспитанниковъ педагогическаго института. При этомъ случаѣ я удивлялся тонкому такту графа Разумовскаго, который вѣжливою благодарностью избавилъ очень кстати меня и другихъ иностранцевъ отъ слишкомъ панегирической рѣчи одного восторженнаго воспитанника.... Желаніе мое представиться Императору до отъѣзда его на Вѣнскій конгрессъ не исполнилось по случайному обстоятельству. Я отправился въ загородный дворецъ Александра на Каменномъ островѣ въ лодкѣ; поднявшаяся внезапно буря занесла насъ на западную сторону; послѣ страшныхъ усилій мой русскій лодочникъ высадилъ меня на берегъ, гдѣ я, промокну до костей, нашелъ убѣжище въ домѣ знаменитаго математика Шуберта, но здѣсь узналъ я, что Императоръ приготовился совсѣмъ къ отъѣзду и изъ устъ лейбъ-медика Виллье услышалъ „c'est trop tard“. Однакожъ я продолжилъ свое пребываніе въ Петербургѣ, чтобъ осмотрѣть все замѣчательное и вмѣстѣ съ тѣмъ отдалить, сколько возможно, послѣднюю разлуку съ своею женою, въ ожиданіи ея рѣшенія. Но когда надежды мои убѣдить ее поѣхать со мною въ Германію или получить мѣсто въ Петербургѣ не сбылись, я рѣшился на горькую разлуку и зимою въ 1815 году выѣхалъ въ Германію по дорогѣ черезъ Лифляндію на Таурогенъ. Въ апрѣлѣ 1816 г. былъ я уже въ Касселѣ и очень скоро занялъ мѣсто профессора исторіи въ Марбургѣ. Оттуда еще разъ писалъ я къ женѣ, которая жила въ Петербургѣ у своей подруги, графини Ламбертъ, приглашая ее послѣдовать за мною въ Германію; но скоро получилъ отвѣтъ, что по привязанности къ родинѣ и религіи она рѣшилась остаться въ своемъ отечествѣ. Впослѣдствіи узналъ я, что Маргарита Ивановна, разставшись со мною, вела очень набожную монашескую жизнь и въ 1833 году скончалась въ Константиноградѣ. Увольненіе изъ русской службы я получилъ еще въ августѣ 1815 г., въ моемъ аттестатѣ означены были услуги, оказанныя мною Харьковскому университету. Черезъ нѣсколько времени мнѣ выслали также брильянтовый перстень, à cause des bons sentiments, qu'il (Rommel) a témoigné pendant son séjour en Russie, какъ выразился графъ Нессельроде въ письмѣ, при которомъ препровожденъ былъ подарокъ“. Заключаетъ свои воспоминанія о Россіи Роммель такъ: „съ полною при-

знательностью вспоминаю то радушное гостепріимство, которымъ пользовался я въ Россіи, и сознаюсь, что нѣсколько лѣтъ, проведенныхъ мною тамъ, значительно расширили мой кругозоръ и еще болѣе укрѣпили во мнѣ любовь къ Германскому отечеству¹⁾. „Въ 1820 году Роммель вызванъ былъ съ званіемъ исторіографа изъ Марбурга въ Кассель, гдѣ ему поручено завѣдываніе королевскимъ и государственнымъ архивомъ, а впослѣдствіи библіотекою. Заслуги его для этихъ учреждений, особенно для исторіи своего отечества, Гессена, награждены были между прочимъ возведеніемъ въ дворянское достоинство. Главное его сочиненіе—*Geschichte von Gessen* (Bd. 1—8, Hamb. u. Gotha, 1820—43), котораго послѣдняя, 9-я часть (Kassel, 1853) имѣетъ еще особенное заглавіе: *Geschichte Hessens seit dem Westphälischen Frieden*. Достойны также вниманія его изданія: *Correspondence inédite de Henri IV, roi de France, avec Maurice le savant, Landgrave de Hesse* (Paris, 1840) и переписка между Лейбницемъ и ландграфомъ Эрнстомъ фонъ-Рейнфельсомъ (2 Bd. Frankf. am Main, 1847). Роммель скончался въ 1859 году¹⁾.

Таковымъ является передъ нами одинъ изъ наиболѣе выдающихся иностранныхъ профессоровъ въ своей частной жизни, въ своей семейной обстановкѣ, по его же собственнымъ воспоминаніямъ. Роммель, по переѣздѣ своемъ въ Харьковъ, вступилъ въ тѣсное общеніе съ харьковскою средою, насколько это было возможно для него, какъ для иностранца, незнакомаго съ русскимъ языкомъ, которому, впрочемъ, онъ, какъ мы видѣли, сталъ немедленно учиться практически у приставленнаго къ нему университетскаго служителя и почувствовалъ даже большую симпатію къ мѣстной украинской стихіи—къ малороссійскому языку, котораго тогда не чуждались, оказывается, и представители высшаго помѣщичьяго круга, къ чудной малороссійской пѣснѣ, къ обычаямъ. Къ несчастью онъ сдѣлалъ несовсѣмъ удачный выборъ невѣсты—между ними была цѣлая пропасть относительно характера, привычекъ умственнаго развитія и т. п.; у нея не оказалось никакихъ задатковъ для духовнаго сближенія съ мужемъ, для проникновенія въ сферу его интересовъ; она даже не могла или не захотѣла выучиться разговорному языку своего супруга; къ окончательному же разрыву привели ея піэтизмъ и появленіе въ домѣ кузена. Потерявъ крушеніе въ попыткѣ создать себѣ счастливую семейную обстановку, Роммель не могъ уже противиться созрѣвшей у него мысли оставить Харьковъ, а когда ему не удалось устроиться и въ Петербургѣ, онъ вернулся въ отечество. Харьковъ сдѣлался для него невыносимъ не только по указанной выше при-

¹⁾ Я. О. Баяснаго. Пять лѣтъ изъ исторіи Харьков. университета, стр. 111.

чить, но и вслѣдствіе гигиеническихъ его условій, дороговизны и наконецъ реакціи, которая поднялась тогда противъ иностранцевъ послѣ отечественной войны 12-го года.

Очень неудачно также сложилась семейная жизнь и другого выдающегося по своимъ способностямъ и значенію проф. Ивана Егоровича Шада. Кромѣ того онъ еще сильно запивалъ. „Неумѣренное пьянство, говоритъ Роммель, подрывало его здоровье, а несчастный бракъ, состоявшійся въ Курскѣ, на пирушкѣ съ женщиной сомнительной репутаціи и скупой — не то русскою, не то нѣмкою — ускорилъ его домашнюю катастрофу“. По привычкамъ это былъ совершенный циникъ. „Разсказы его, говоритъ Роммель, о скандальныхъ приключеніяхъ съ монахами были очень забавны и блистали неистощимымъ юморомъ, особенно когда онъ брался за скрипку, спасенную во время опаснаго его прыжка изъ Банды, и затягивалъ пѣснь свободы, подходившую къ птичьему пѣнію. Это былъ совершенный циникъ, у котораго монашескія привычки несовсѣмъ прикрывались русскимъ мундиромъ“. „Помню, говоритъ Розальонъ Соціальскій, суетливаго тощаго Шада, на котораго указывали, какъ на взяточника и распространителя невѣрія подъ оболочкою темнаго философствованія“ ¹⁾. Къ этому Н. А. Лавровскій прибавляетъ, со словъ Т. И. Селиванова, слѣдующее. „Т. И. Селивановъ въ своихъ замѣткахъ также говоритъ, что онъ „любилъ выпить“, для чего ѣздилъ часто въ одинъ подгородній хуторъ и на возвратномъ пути оттуда „съ малой толикой наливки“ былъ однажды захваченъ объѣзчиками (о чемъ сохранилось особое дѣло въ правленіи) ²⁾. Тамъ же замѣчено, что Шаду „нравилась русская національная брань; въ ней, говоритъ онъ, нѣтъ проклятій, а какая то любезность, облеченная въ грубую и похабную форму; и всѣ фразы ея перевелъ на латинскій языкъ, а подъ случай, гдѣ надобно(!), и употреблялъ“ ³⁾. Страсть Шада къ выпивкѣ подтверждаетъ и Цебриковъ. „У сего почтеннаго добраго старца (архіерея Христофора Сулимы), говоритъ онъ, между прочими особами, пріѣхавшими къ нему съ поздравленіями, застали мы профессора философіи Шада, говорившаго съ архіереемъ по латыни весьма чисто, плавно и скоро. Братъ мой познакомилъ меня съ симъ профессоромъ, о великой учености котораго я уже прежде довольно слышался; просилъ его къ себѣ; но это было первое и послѣднее мое съ нимъ свиданіе, ибо онъ ко мнѣ не пожаловалъ; а я послѣ узналъ отъ другихъ,

¹⁾ Харьк. Губ. Вѣд. 1869 г. № 44.

²⁾ Его мы изложимъ ниже.

³⁾ Чтенія Моск. Общ. ист. древн. 1873 г., кн. 2-я, стр. 39.

что жена его, а особливо послѣ обѣда, никуда изъ дому не пускаетъ, зная его слабость, что любить по ученому веселиться, а иногда даже и до излишества“¹⁾. Извѣстіе Роммели о разладѣ въ семейной жизни Шада подтверждается и официальнымъ документомъ—просьбою о разводѣ, поданною Шадомъ въ правленіе университета въ 1806 году. Вотъ ея подлинный текстъ: „какъ между мною, женою моею и ея родителями сдѣланы условія относительно предварительныхъ пунктовъ къ испрошенію на законномъ основаніи развода нашего супружества, то почитаю нужнымъ обо всемъ, что въ этомъ дѣлѣ между нами произошло, извѣстить университетъ; причемъ поелику въ этихъ пунктахъ дѣло идетъ о выгодахъ, уставомъ университета законнымъ женамъ и дѣтямъ профессоровъ назначенныхъ, то безъ сомнѣнія нужно университету знать, какое съ обѣихъ сторонъ нами относительно этихъ выгодъ сдѣлано условіе. Сверхъ сего желаю, чтобы посредствомъ данной университету власти дѣло это имѣло болѣе важности и тѣмъ легче достигнута была предположенная мною цѣль. Важнѣйшія условія, на кои я, жена моя и ея родители согласились, слѣдующія: 1) я и жена моя отказывается отъ всѣхъ правъ, преимуществъ и выгодъ, коими бы на основаніи законнаго супружества одна или другая изъ насъ сторона могла въ какое-либо время пользоваться; 2) жена моя въ особенности отказывается отъ всѣхъ выгодъ и награжденій, которыми бы она по силѣ устава университета могла пользоваться, не требуя при томъ отъ меня ничего ни подъ какимъ предлогомъ, такъ что я сдѣлаюсь отъ нея во всемъ свободнымъ, какъ будтобы между нами никогда не бывало супружества; 3) этотъ отказъ имѣетъ простирается на родившуюся нынѣ отъ нея дочь, такъ что эта послѣдняя не будетъ имѣть никакого права на полученіе отъ университета пенсіи или какого-либо другого въ пользу мою назначеннаго университетомъ награжденія, причемъ жена моя и ея родственники принимаютъ на себя заботу о содержаніи и воспитаніи ея, такъ что она никогда не будетъ мнѣ въ тягость; 4) напротивъ того я съ своей стороны обязуюсь ни въ какомъ случаѣ не присваивать себѣ права на эту дочь или стараться входить въ распоряженіе имѣнія, какое бы этой дочери наследственнымъ правомъ или какимъ-либо другимъ образомъ ни досталось во владѣніе; словомъ что какъ я остаюсь свободенъ отъ всѣхъ тягостей относительно содержанія этой дочери, такъ равнымъ образомъ не имѣю я пользоваться никакими со стороны ея выгодами. А посему прошу правленіе университета отрядить въ домъ г. Глика секретаря университетскаго совѣта и одного профессора изъ россіянъ, препоручивъ

¹⁾ Рукопись Цебрикова въ Императ. публичн. библ.

имъ спросить: 1) остается ли жена моя твердою въ тѣхъ мысляхъ, чтобы никогда не примириться со мною; 2) желаетъ ли она чистосердечно эти предварительные пункты относительно нашего развода подписать вмѣстѣ съ ея родителями. Когда они эти пункты подпишутъ, тогда и я подпишу, должны подписать и эти два свидѣтели со стороны университета“, Правленіе постановило—на основаніи 8-го § Высочайше утвержденной грамоты университета поручить гг. профессорамъ Шумлянскому и Стойковичу спросить, согласно прошенію г. Шада, какъ его супругу, такъ его самого, съ тѣмъ, что если они оба на продолженіе супружескаго житія не согласятся и изображенны въ просьбѣ проф. Шада условія признаютъ согласными съ ихъ искреннимъ расположеніемъ, чтобы какъ они, мужъ и жена, такъ и родители супруги г. Шада подъ этими условіями подписались, кои потомъ съ собственнымъ на томъ же засвидѣтельствovanіемъ имѣютъ они гг. профессора представить въ правленіе“¹⁾. Эта просьба о разводѣ была подана 15 ноября. Деканы Шумляинскій и Стойковичъ отправились, согласно данному имъ порученію, въ домъ Шада и скрѣпили своими подписями состоявшееся между Шадомъ и его женою соглашеніе о разводѣ. Условія его вполнѣ соотвѣтствовали пунктамъ, указаннымъ Шадомъ, но въ началѣ говорится о причинахъ, вызвавшихъ разводъ. „Мы нижеподписавшіеся Юганъ Баптистъ Шадъ, профессоръ Императорскаго Харьковскаго университета и Антоанетта Маргарита Шадъ, урожденная Гликъ. По собственной волѣ нашей въ 1805 году, ноября 12 дни мы вступили въ законный бракъ, но по прошествіи нѣкотораго времени нашли, что наши характеры и склонности между собою столь много одни другимъ противны, что нѣтъ ниже малѣйшей надежды даже и на предбудущія времена, чтобы мы могли когда либо жить согласно. Частыя домашнія несогласія наконецъ столь усилили обоюдное огорченіе, что мы почитаемъ себя вправѣ просить гдѣ слѣдуетъ о законномъ расторженіи нашего брака, почему и обязываемся учинить съ обѣихъ сторонъ нужныя распоряженія и такими какъ можно ускорить разводъ“ (за тѣмъ слѣдуютъ извѣстные намъ пункты). Въ іюнѣ 1807 года по взаимному согласію Шада и его жены прибавленъ былъ къ этимъ условіямъ еще одинъ пунктъ, разрѣшавшій той и другой сторонѣ безпрепятственно вступить въ новый бракъ; и онъ былъ подписанъ Шадомъ и его женою, проживавшею повидимому у своего отца, майора Глика. Замѣтимъ кстати, что дочь Шада, родившуюся 19 сентября 1806 г., звали Елизаветой²⁾. Мы не знаемъ исхода этого дѣла; не можемъ сказать утвердительно, развелся ли Шадъ со своей женой

¹⁾ Харьк. универ. архивъ. Журн. правл. 1806 г. іюль—дек.: засѣданіе 15 ноября.

²⁾ Харьк. унив. архивъ. Дѣло Правленія 1806—1807 г. № 155/а.

(повидимому, да). Изъ послужнаго списка 1812 г. видно, что тогда у него были дѣти—сынъ Германъ 10 лѣтъ и дочери Туллиа 8 л. и Елисавета 6 ¹⁾. Во время высылки у него осталась повидимому одна дочь и сынъ. Тутъ неясная для насъ хронологія. Если сыну его въ 1812 г. было 10 лѣтъ, то значитъ Шадъ долженъ былъ жениться еще заграницей, ибо въ Россію онъ пріѣхалъ только въ 1804 г., а въ 1802—1803 г. жилъ еще въ Іенѣ. Между тѣмъ самъ онъ, какъ мы видѣли, говоритъ, что женился въ 1805 году, т. е. уже въ Россіи, на дочери Глика. Въ письмѣ къ Веймарскому посланнику онъ свидѣтельствуетъ, что въ моментъ высылки изъ Россіи его дочери было около 13 лѣтъ; а такъ какъ высланъ онъ былъ въ декабрѣ 1816 года, то дочь эта родилась въ 1803—1804 гг.; слѣдовательно, можно думать, что рѣчь идетъ здѣсь о младшей его дочери, которой въ 1812 г. было 6 лѣтъ, значитъ родилась она въ 1806 г. Но почему же въ такомъ случаѣ Шадъ въ своемъ бракоразводномъ проэктѣ ничего не упоминаетъ о старшемъ сынѣ и о старшей дочери, которые были живы еще въ 1812 г.? Всѣ эти неясности и противорѣчія, быть можетъ, объясняются просто неточностью хронологическихъ свѣдѣній нашихъ документовъ, а можетъ быть свидѣлствуютъ и объ оставшихся намъ неизвѣстными перемѣнахъ въ семейномъ положеніи Шада; правдоподобіе однако первое предположеніе и Варвара Шадъ, производившая взысканія по векселямъ, и есть, по всей вѣроятности, та полурусская, полунѣмка, о которой говоритъ Роммель. Выше мы отмѣтили, что Шадъ и послѣ своего невольнаго удаленія изъ Россіи выказалъ заботу о матеріальномъ обезпеченіи своей семьи.

Аристократическій элементъ въ профессорской коллегіи того времени представленъ былъ извѣстнымъ Стойковичемъ. Роммель его характеризуетъ такъ: „нашимъ гениемъ добра и зла былъ многоопытный, отлично изучившій слабыя стороны русскихъ и нѣмцевъ, честолюбивый сербъ Стойковичъ. Его высокая, худошавая фигура, строгое съ орлинымъ носомъ лицо вызывали уваженіе, а рѣдкій даръ слова и административные таланты упрочили за нимъ огромное вліяніе“. Т. И. Селивановъ сообщаетъ о немъ слѣдующія данныя. „Аѳанасій Ивановичъ (Стойковичъ) роста былъ высокаго, сухощавъ, носъ имѣлъ продолговатый, прямой, говорилъ довольно скоро, съ жаромъ (энергически), выразительно; употреблялъ много славянскихъ словъ, обладалъ свѣтлою логикою; былъ находчивъ, гибокъ, смѣлъ, рѣшительнъ, нетерпѣливъ и не всегда ровень. Онъ принятъ былъ во всѣхъ обществахъ, танцоръ и въ танцахъ любилъ первенствовать. Въ бесѣдахъ любилъ показать себя съ

¹⁾ Чтенія Моск. общ. 1873 г., кн. 2-я, стр. 54—57.

достоинствомъ ученаго и современнаго человѣка, мастеръ былъ понимать и преслѣдовать шарлатановъ, выходцевъ и бродягъ изъ западныхъ государствъ, которыми наполнены были барскіе или аристократическіе дворы. Его въ сравненіи съ другими часто посылали визитаторомъ и онъ вполне оправдывалъ достоинство профессора, потому что былъ многосторонне знающъ и оставлялъ по себѣ лестное воспоминаніе. Любилъ своихъ земляковъ сербовъ и вообще карпатороссовъ, которыхъ приглашалъ или выписывалъ и доставлялъ имъ мѣста при университетахъ и въ гимназіяхъ.... Оставивъ Харьковскій университетъ, онъ переѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ занималъ разные почетныя мѣста и дослужился до дѣйствительнаго статскаго совѣтника, до чего достигнуть въ то время не многимъ изъ профессоровъ удалось. Стойковичъ умеръ въ Петербургѣ и оставилъ наслѣдникамъ имѣніе и капиталъ¹⁾. Розальонъ Сошальскій къ этому прибавляетъ, что онъ женился по расчету на богатой помѣщицѣ Голубовой, а въ Петербургѣ занималъ не почетныя должности, а служилъ по тайной полиціи. „Австрійскій славянинъ Стойковичъ, огромнаго роста, стройный, съ сильно выразительными чертами человѣкъ... въ житейскихъ отношеніяхъ былъ по поговоркѣ со вслчиною“. Со времени вступленія на должность ректора Стойковича открылась, по словамъ Розальонъ Сошальскаго, позорная торговля магистерскими и докторскими дипломами²⁾. О не менѣ позорной его торговлѣ венгерскими винами, картинами и т. п., мы говорили уже выше (304—348 стр.) и потому теперь на этомъ останавливаться не будемъ. Теперь же прибавимъ къ этому, что жилъ онъ весьма открыто и устраивалъ между прочимъ такъ называемые латинскіе вечера, гдѣ говорили по латыни и по гречески³⁾. Стойковичъ выписывалъ изъ заграницы постоянно въ большомъ количествѣ вина, картины и ѣздилъ туда въ каникулярное время, чтобы пользоваться водами, виноградомъ и горнымъ воздухомъ. Во время одной изъ такихъ поѣздокъ австрійское правительство заподозрило его въ шпионствѣ и продержало нѣкоторое время въ заключеніи. Вотъ подробности этого любопытнаго эпизода, какъ онъ изложены въ подлинныхъ бумагахъ самого Стойковича. Въ 1810 году 25 іюня Стойковичу былъ разрѣшенъ четырехъ-мѣсячный отпускъ на родину въ Венгрію, какъ видно изъ слѣдующаго документа.

Почетитель Харьковскаго университета тайный совѣтникъ графъ Потоцкій представляетъ, что профессоръ этого университета Стойковичъ

¹⁾ Журн. мин. нар. просв. 1872 г. Февраль, стр. 220—221.

²⁾ Харьк. Губ. Вѣд. 1869 г. № 44.

³⁾ М. И. Сухомлинова. Изсл. и статьи, I, стр. 96.

въ концѣ прошлаго 1809 г. просилъ объ увольненіи его на четыре мѣсяца въ Венгрію къ тамошнимъ теплымъ водамъ для поправленія разстроеннаго здоровья; при чемъ представилъ данное ему свидѣтельство отъ профессора медицины Дрейсига, который въ этомъ только средствѣ находилъ возможность къ излѣченію долговременной его болѣзни. Члены университетскаго совѣта, лично удостовѣрившись въ болѣзненномъ состояніи сего профессора, не только безпрекословно согласны были на его отпускъ, но сверхъ того единогласно положили ходатайствовать о производствѣ ему во время отсутствія его полнаго по окладу жалованья; поелику болѣзнь его произошла болѣе отъ трудовъ, понесенныхъ имъ на пользу университета. Нынѣ профессоръ Стойковичъ, пользуясь благоприятствующимъ къ отъѣзду его въ чужіе края временемъ, проситъ объ утвержденіи означеннаго положенія университетскаго совѣта. Попечитель, принявъ въ уваженіе представленныя въ докторскомъ свидѣтельствѣ причины, что одно только путешествіе профессора Стойковича къ теплымъ водамъ можетъ послужить къ его излѣченію, равно и то, что Стойковичъ имѣетъ сверхъ того отъ университета порученіе вызвать изъ Венгріи нѣкоторыхъ извѣстныхъ тамошнихъ наставниковъ по юридической части, для заступленія въ университетѣ профессорскихъ мѣстъ, проситъ объ увольненіи Стойковича на просимое имъ время въ отпускъ съ производствомъ ему полнаго профессорскаго жалованья.“

Въ Венгріи его приняли за русскаго эмиссара и задержали его паспортъ и его самого. Вотъ какъ описываетъ свое злключеніе самъ Стойковичъ въ двухъ письмахъ къ русскому резиденту въ Вѣнѣ Штапельбергу.

„Ваше сіятельство, милостивый государь! Получивъ въ мѣсяцѣ іюнѣ отъ Его Императорскаго Величества увольненіе на четыре мѣсяца ѣхать въ Венгрію для поправленія разстроеннаго моего здоровья, какъ изъ приложеннаго здѣсь подъ лит. А доклада, сдѣланнаго министромъ просвѣщенія Государю Императору явствуетъ, пріѣхалъ я (получивъ паспортъ отъ губерніи Лембергской) въ Бартефельдъ, пробылъ здѣсь почти цѣлый мѣсяцъ, былъ у своей родительницы въ Румѣ, что въ Сремѣ и, давъ паспортъ свой подписать и въ Петроварадинѣ, и въ Будѣ, спокойно и безпрепятственно доѣхалъ до Бартефельда и уже отправлялся отсюда въ Лембергъ. Но здѣсь г. судья дворянскій Гомбошъ удержалъ меня 29 октября, взялъ у меня паспорта мои, русскій и лембергскій, и послалъ съ нарочнымъ къ вице-геспану Печію, живущему недалеко отъ Еперіеша; сей-же, какъ изъ приложеннаго здѣсь письма его подъ лит. В видно, отправилъ ихъ въ Буду къ Его Императорскому Высочеству Палатину Венгріи. Какъ въ Россіи служащій подъ покровительствомъ вашего сіятель-

ства нужнымъ почелъ я при неслыханномъ семъ случаѣ отправить къ вашему сіятельству немедленно сію естафету и просить защиты противъ такового оскорбленія. Ваше сіятельство изволите узнать причины сего оскорбительнаго поступка и доставить мнѣ паспорта тѣ же или другіе для выѣзда въ Россію, ибо время отпуска моего кончится въ началѣ ноября. А поелику мнѣ кажется, что какой нибудь безчестный человѣкъ въ бытность мою здѣсь отсюда доносъ сдѣлалъ на меня или въ Вѣну или въ Офенъ, то и взявъ я у первыхъ здѣшнихъ лицъ аттестаты, прилагаемые здѣсь подъ литерами *CDEF*, изъ которыхъ всякому видно, что я здѣсь велъ жизнь спокойную и ничего ни говорилъ ни дѣлалъ, что бы было противно законамъ сего государства. Свидѣтельство *C* отъ полиціймейстера кнскихъ водъ, слѣдовательно, отъ человѣка, имѣющаго должность смотрѣть за пріѣзжающими гостями. Свидѣтельство *D*—отъ здѣшняго магистрата, свидѣтельство *E*—отъ почтмейстера, а послѣднее отъ доктора, пользовавшаго меня. Я взялъ только эти свидѣтельства въ скорости и считалъ ихъ достаточными. Доносъ человѣка каковаго нибудь не закономъ поставленнаго при водахъ ежели и произвелъ какое нибудь противъ меня подозрѣніе, но не могъ никому дать права удержатъ меня отъ моей должности, причинять мнѣ немалыя издержки и отбирать у меня паспорта, какъ у бездѣльника. Съ каковою честію я служу въ Россіи, можетъ донести вашему сіятельству посольства кавалеръ графъ Левъ Севериновичъ Потоцкій, подъ начальствомъ его родителя я честь имѣю служить. Желая и въ отечествѣ моемъ оставить честное за собою имя, покорнѣйше прошу ваше сіятельство по получении паспортовъ моихъ путемъ вамъ извѣстнымъ узнать человѣка, сдѣлавшаго ложный противъ меня довоъ, истребовать удовлетворенія законнаго за униженіе, сдѣланное россійскому чиновнику, и принудить его къ заплатѣ всѣхъ издержекъ моихъ здѣсь. Имѣю честь донести вашему сіятельству, что копіи таковыя же отправлены въ Офенъ къ Его Высочеству Палатину. Ожидая отъ вашего сіятельства совѣта, что мнѣ въ семъ случаѣ дѣлать и какъ поступить, имѣю честь пребыть съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенною преданностію вашего сіятельства милостиваго государя такой то“.

А вотъ текстъ другого письма Стойковича къ тому же Штакельбергу. „Ваше сіятельство, милостивый государь! выѣхавъ изъ Бартефельда, какъ я честь имѣлъ оттуда донести вашему сіятельству, доѣхалъ я до границы венгерской безъ всякаго препятствія, ибо г. вице-гетанъ Печію, тотъ самый, который отправилъ паспорта мои въ Офенъ, приказалъ, чтобы вездѣ были лошади готовы до границы. Сіе и другія обстоятельства, относящіяся къ моему задержанію въ Бартефельдѣ, изво-

лите ваше сіятельство изъ письма его здѣсь въ копіи приложеннаго усмотрѣть, въ которомъ онъ говоритъ, будтобы по той причинѣ я удержанъ былъ, что паспорта не взялъ въ Будѣ. Но сіе есть только несправедливая причина, ибо во-первыхъ, у меня былъ паспортъ отъ губерніи Галиційской изъ Лемберга, сія же губернія также есть въ монархіи Австрійской и никогда не бывало до сихъ поръ, чтобы ктонибудь, имѣющій паспортъ изъ одной провинціи государства, былъ удержанъ въ другой, потому что онѣ всѣ находятся подъ одною и тою же главою; во-вторыхъ, паспортъ мой въ самомъ дѣлѣ былъ подписанъ въ полиціи въ Будѣ и хотя я тамъ отъ его сіятельства графа Надаждія, который управляетъ сією частію и требовалъ новый паспортъ изъ венгерскаго Конзиліума потому, что данному мнѣ въ Лембергѣ срокъ выходилъ 15 ноября, я же до того времени по неспособности дорогъ не надѣялся быть въ Лембергѣ, но графъ мнѣ отвѣчалъ, что я съ моимъ чиномъ могу въ Лембергъ и 10-тью и 15-тью днями позже пріѣхать и стоялъ на томъ, что я никакого неудовольствія не буду имѣть. Слѣдовательно, есть другая причина задержанія моего, а не паспортъ. Истинная причина же такова. Вездѣ въ дорогѣ, которою я ѣхалъ, были уже предписанія, въ Венгріи отъ Его Высочества Палатина и главнокомандующаго венгерскаго генерала, въ Галиціи же изъ Вѣны (но отъ кого, я не могъ узнать) всѣмъ политическимъ мѣстамъ — полки и гарнизоны, находившіеся по пути моемъ, прежде нежели я проѣзжалъ, имѣли уже предписаніе смотрѣть за мною и наблюдать, что буду говорить и дѣлать; въ одномъ предписаніи въ Петровардинѣ главнокомандующему Славонію генералу барону Симмену сказано, что я по всей вѣроятности русскій эмисаръ. Откуда это подозрѣніе въ душу вѣнской полиціи вошло, я никакъ узнать не могъ. Въ Лембергѣ сказывалъ мнѣ одинъ служащій въ губерніи, что подозрѣніе это таково: на что (говорятъ они) профессору ѣхать такъ поздно и почти въ осень въ чужіе края; по какой причинѣ такой профессоръ ѣхалъ прежде въ Петербургъ, а не прямо изъ Харькова за границу; откуда ему хватило, сколько нужно денегъ для столь великой дороги. Профессоръ этотъ изъ сербовъ, сербы съ другой стороны Дуная дѣйствуютъ вмѣстѣ съ русскими; сербы же, на сей сторонѣ живущіе подъ владѣніемъ Австріи, одинъ и тотже съ ними народъ; сербы эти всегда оказывали большую приверженность къ русскимъ; профессора сего домъ находится на самой границѣ противъ Бѣлграда; онъ народомъ своимъ весьма уважаемъ, имѣетъ его довѣренность и можетъ основываясь на ней дѣйствовать; къ нему заѣзжали послы изъ Сербіи, ѣхавшіе вѣскольکو лѣтъ тому назадъ въ Петербургъ; онъ въ сенатѣ имѣетъ лучшаго сенатора Доскѳея Обра

довича своимъ другомъ; слѣдовательно, не можетъ иначе быть какъ то, что онъ посланъ узнать мнѣніе сербскаго подъ Австрією находящагося народа и дѣйствовать на сербскій же народъ, воюющій вмѣстѣ съ русскимъ. Последнее обстоятельство совершенно вѣрно, ибо въ бытность мою въ Петровардинѣ самъ главнокомандующій просилъ меня не ѣхать даже въ Землинъ, а кольми паче въ Бѣлградъ, не говорить ни съ кѣмъ изъ Бѣлградскихъ сербовъ; не писать имъ и не получать отъ нихъ писемъ; что я ему и обѣщала, потому что въ самомъ дѣлѣ мнѣ не было никакого дѣла до нихъ. Въ Офенѣ бургомистръ показалъ мнѣ письмо въ оригиналѣ, писанное ему Палатиномъ, въ которомъ ему приказывается, чтобы какимъ-нибудь способомъ узнать отъ меня, когда я именно выѣхалъ изъ Венгріи; откуда взялъ паспортъ и кѣмъ паспортъ мой подписанъ. Отвѣтъ мой былъ, что выѣхалъ уже седьмой годъ, паспортъ имѣлъ изъ статской канцеляріи, кѣмъ паспортъ мой былъ подписанъ, не помню. Совершенно такое приказаніе имѣлъ и статрихтеръ въ Пестѣ. Итакъ, повелѣнія были вездѣ, но только, чтобы смотрѣть какъ за человекомъ опаснымъ и не удерживать меня. Я самъ читалъ предписаніе его Высочества Палатина къ вице-гешпану Печію, сообщенное симъ послѣднимъ въ копіи оберстულъ-рихтеру Гомбошію. Въ повелѣніи этомъ приказывается вице-гешпану узнать отъ бартфельдскаго комиссара, какими лошадьми я поѣхалъ изъ Бартфельда, ежели на форштанѣ, то куда поѣхалъ и каковое онъ наблюденіе сдѣлалъ надо мною. Но г. Гомбошъ, хотя и видѣлъ, что предписаніе относится только къ комиссару, долженствующему отвѣчать на вопросы, не смотря на то лично меня оставилъ въ моемъ путешествіи и я никакими доказательствами не могъ его увѣрить, что мнѣніе Палатина не было меня удерживать. Я писалъ обширное письмо къ вице-гешпану Печію, въ которомъ изъяснялъ ему, что ежели его Высочества мнѣніе было удерживать меня, тобы сіе гораздо легче было сдѣлать въ Офенѣ, гдѣ я былъ у его Высочества, но не могъ быть принятъ у обергофмейстера графа Цапарія и отдалъ ему экземпляръ сочиненій моихъ, изданныхъ въ Россіи для поднесенія Его Высочеству, былъ два раза у адъютанта Его Высочества графа Бекереа, словомъ былъ у первыхъ особъ въ Будѣ. Но всѣ мои доказательства были суетны, ибо онъ надѣялся получить вѣрно какое-нибудь награжденіе, что меня поймалъ и для того приказалъ оберстулъ-рихтеру нанять мнѣ честную квартиру, которая мнѣ и отведена въ домѣ градскаго судіи въ Бартфельдѣ, гдѣ я за деньги и столъ имѣлъ, какъ изъ приложеннаго здѣсь подъ лит. В письма видно. Эта честная квартира была однакоже, какъ всякій видитъ, честнымъ арестомъ, только подъ другимъ именемъ. Во время пребыванія моего въ домѣ судіи посылалъ

изъ Кашау генераль баронъ Шилены нарочнаго и разспрашивалъ, не открылось ли что вибутъ въ разсужденіи меня, не подтвердилось ли мнѣніе, что я въ самомъ дѣлѣ эмисаръ. Наконецъ, 12 числа получилъ паспорта свои и выѣхалъ я и до Галиціи нигдѣ меня ни о чемъ не спрашивали. Но только что въ Галицію въѣхалъ, во всякомъ городкѣ меня останавливали и какъ скоро услышали, что ѣдетъ Стойковичъ, сейчасъ коменданту города доносили и паспорта мои разсматривали, подписывали, чего обыкновенно не дѣлаютъ въ Лембергѣ, посылали даже изъ полиціи нѣсколько разъ въ мою квартиру, которую узнали прежде, нежели хозяинъ донесъ, и распрашивали хозяина, съ кѣмъ я пріѣхалъ, кто ко мнѣ приходилъ, что я говорю и проч. Полиція приходила ко мнѣ два раза спрашивать, когда я выѣду изъ Лемберга. Такъ въ собственномъ своемъ отечествѣ страдавъ много и дни и ночи въ опасности проводя, выѣхалъ я, благодареніе буди Всевышнему 27 ноября въ благословенный край Россіи и нахожусь внѣ опасности, о чемъ донося Вашему Сіятельству имѣю честь пребывать съ глубочайшимъ почтеніемъ Вашего Сіятельства милостиваго государя такой-то¹⁾.

Въ Австріи смотрѣли подозрительно на Стойковича, какъ на эмиссара, и имѣли для этого нѣкоторые основанія. Т. И. Селивановъ передаетъ слухъ, что „пользуясь своими сношеніями и связями съ Георгіемъ Чернымъ и съ оставленнымъ отечествомъ, онъ устроилъ сильное переселеніе изъ Австріи въ Россію и тѣмъ навлекъ на себя всегдашнее нерасположеніе австрійскаго правительства“²⁾. Даже изъ его писемъ къ Шкагельбергу видно, что у него дѣйствительно были въ Австріи большія связи. Да и отъ университета онъ имѣлъ порученіе вызвать въ Россію оттуда ученыхъ и педагоговъ. Вообще, можно сказать, что Стойковичъ имѣлъ вкусъ и навыкъ къ политическимъ и дипломатическимъ дѣламъ и съумѣлъ постоять за себя, какъ за русскаго чиновника, и въ данномъ случаѣ. О томъ, какъ проводили каникулы другіе харьковскіе профессора мы, въ сожалѣнію, свѣдѣній не имѣемъ; но такъ какъ дачная жизнь тогда не была развита, то можно думать, что большинство оставалось на лѣто въ городѣ, или гостило, подобно Роммелю, у своихъ знакомыхъ и друзей помѣщиковъ или, наконецъ, ѣзжало въ командировки на визитаціи, тѣмъ болѣе, что и каникулы были тогда непродолжительны.

По уму и ловкости и практичности выдѣлялся изъ иностранцевъ еще Дегуровъ. Роммель говоритъ, что онъ отличался своими дипломатическими способностями. „Знаніе людей, свѣтскій тактъ, уылкій харак-

¹⁾ Архивъ Мин. Нар. Просв. Дѣло 1810 г. № 5713/155.

²⁾ Ср. съ этимъ 96—97 стр. у М. И. Сухомлинова. Изсл. и статьи, I.

теръ и ловкое умѣнье всегда соблюдать свою выгоду дѣлали его опаснымъ соперникомъ для всякаго; презирая русскихъ, ненавидя нѣмцевъ, онъ умѣлъ мастерски притворяться передъ тѣми и другими. Назначенный впоследствии ректоромъ Петербургскаго университета, онъ вышелъ на болѣе просторную арену, объѣздивъ Германію и Францію и доказавъ свою страсть къ космополитическимъ прозкамъ сочиненіемъ о воспитательныхъ домахъ въ Европѣ. Дѣтъ черезъ 20 послѣ моего выѣзда изъ Россіи, когда харьковская жизнь представлялась мнѣ уже чѣмъ то вродѣ сна, онъ посѣтилъ меня въ Касселѣ и мы искренно помирились за старые харьковскіе споры¹. Розальонъ Сошальскій противопоставляетъ Дегурова Беленъ-де-Баллю. „Совершенно иного склада и свойствъ, говоритъ онъ, былъ преемникъ Баллю Dugour—сухой, съ сжатымъ ртомъ и натянутыми чертами французъ, съ принятіемъ русскаго подданства перемѣнившій и фамилію, ставшій Дегуровымъ“²). Объ этой перемѣнѣ фамиліи мы имѣемъ слѣдующія данныя. Получивъ должность профессора въ Харьковѣ, Дегуровъ вмѣстѣ съ тѣмъ принялъ и русское подданство. Въ своей актовой рѣчи (1807 года) онъ выражаетъ вѣрноподданическія чувства и произноситъ, между прочимъ слѣдующія слова: „не отвергни обѣтовъ, посвящаемыхъ Тебѣ торжественно въ семъ знаменитомъ собраніи другомъ наукъ, новымъ подданнымъ, который подвергъ себя законамъ Твоимъ, познавъ мудрость и правоту твою“. Но и это публичное заявленіе о горячихъ вѣрноподданическихъ чувствахъ не спасло его отъ доноса въ политической неблагонадежности, который однако послѣ формальнаго дознанія (о немъ ниже) былъ признанъ несостоятельнымъ. Доносъ этотъ не помѣшалъ Дюгуру сдѣлать довольно быстро свою служебную карьеру. Въ 1807 г. постоянно благоволившій къ нему попечитель округа графъ С. О. Потоцкій представилъ его въ экстра-ординарные профессора³), а въ 1809 году и въ ординарные³). Такая быстрота не вызывалась энергичною научно дѣятель-

¹) Харьк. губ. вѣд. 1869 г. № 44.

²) „Иностранецъ Дюгуръ, писалъ попечитель министру, по сдѣланному на него доносу, оправданъ и признанъ совершенно невиннымъ, а какъ прежде сего еще доноса общее собраніе Харьковского университета избрало его ординарнымъ профессоромъ всемірной исторіи, то на основаніи сего выбора я желалъ бы его имѣть сочленомъ онаго. Но какъ Дюгуръ не былъ профессоромъ въ иностранныхъ университетахъ, но только въ центральныхъ школахъ, то я полагаю принять его на первый случай профессоромъ экстраординарнымъ. Представляю о семъ вашему сіятельству, покорнѣйше испрашивая утвержденія его въ семъ званіи. Г. Северинъ Потоцкій.

³) Милостивый государь, графъ Петръ Васильевичъ, писалъ графъ С. О. Потоцкій во второмъ своемъ представленіи. Еще въ 1806 году экстраординарный профессоръ Харьковского университета Дюгуръ избранъ былъ совѣтомъ въ ординарные профессора;

ностью Дюгура и представляется тѣмъ болѣе неожиданною, что и во Франціи онъ не былъ профессоромъ, а только преподавателемъ въ центральной школѣ (это послѣднее обстоятельство отмѣчено даже попечителемъ).

4-го декабря 1811 года Дегуровъ вошелъ въ правленіе съ прошеніемъ слѣдующаго содержанія: „Россія сдѣлалась вторымъ отечествомъ для многочисленнаго моего семейства, которое я водворилъ въ оной, учинивъ ей присягу на подданство. Но носимое мною имя не можетъ примѣнено быть къ языку російскому. По сей причинѣ, къ коей присоединяется намѣреніе еще тѣснѣе соединить себя и дѣтей моихъ съ государствомъ, коему служу, желаю я получить позволеніе дать моему имени російское словоокончаніе и правописаніе, и, слѣдовательно, чтобы я могъ называться и писаться именемъ Дегуровъ. Почему и прошу покорнѣйше правленіе о доставленіи мнѣ упоминаемаго дозволенія. Подлинное подписалъ профессоръ Антонъ Дюгуръ“ ¹⁾. На это послѣдовало Высочайшее разрѣшеніе. А. С. Лебедевъ объясняетъ этотъ шагъ Дюгура его желаніемъ предохранить себя на будущее время отъ такихъ непріятныхъ приключеній. Намъ кажется, что рѣшающее значеніе въ этомъ дѣлѣ должно было имѣть возбужденіе мѣстнаго харьковскаго общества противъ иностранцевъ, и въ особенности французовъ, вызванное надвигавшейся грозой Наполеоновскаго нашествія. Противъ иностранныхъ профессоровъ былъ предпринятъ цѣлый рядъ предохранительныхъ мѣръ (о нихъ мы скажемъ ниже)—и Дюгуръ, опасаясь за свое положеніе, поспѣшилъ этимъ новымъ актомъ засвидѣтельствовать свой патріотизмъ и благонамѣренность. Но насколько его стремленіе превратиться въ русскаго человѣка было искренно, показываетъ тотъ фактъ, что и много лѣтъ спустя, въ бытность свою ректоромъ петербургскаго университета, онъ не говорилъ по русски. „Одинъ изъ

я, конечно, бы не замедлилъ представить его на утвержденіе вашему сіятельству, еслибы непріятное происшествіе, случившееся тогда съ г. Дюгуромъ, не остановило меня въ семъ намѣреніи; хотя послѣдствіе сего дѣла, какъ извѣстно вашему сіятельству, во всемъ оправдало его предъ начальствомъ и публикою, но я не могъ рѣшиться предпринять что либо въ его пользу, не удостовѣрясь совершенно въ личныхъ его достоинствахъ. Нынѣ съ особеннымъ удовольствіемъ извѣстился я, что г. Дюгуръ въ продолженіи послѣднихъ трехъ лѣтъ службы своей не токмо находился на хорошемъ замѣчаніи у начальства, но и старался всегда примѣрнымъ поведеніемъ заслужить довѣренность и уваженіе публики, которая, сколько я могъ замѣтить, совершенно расположена въ его пользу. Убѣждаясь столь отличнымъ и общимъ одобреніемъ о семъ чиновникѣ, заслуживающемъ даже и по своимъ знаніямъ особеннаго вниманія начальства, я поставлю долгомъ ходатайствовать у вашего сіятельства утвержденія его, Дюгура, въ званіи ординарнаго профессора историческихъ наукъ (Архивъ мин. нар. просв. Дѣло № ⁵⁶²⁰/154).

¹⁾ Архивъ Мин. Народ. Просв. Дѣло № ⁵⁶²¹/154; ср. А. С. Лебедева. А. А. Дегуровъ, стр. 139—140.

бывшихъ студентовъ Петербургскаго университета 30-хъ годовъ Фортуна-
натовъ, въ своихъ воспоминаніяхъ (напечатаны въ Рус. арх. 1869 г.,
стр. 304 и сл.) объ университетѣ за время своего пребыванія въ немъ
(1830—1833 гг.) передаетъ между прочимъ странное впечатлѣніе, какое
произвелъ на него тогдашній ректоръ университета (А. А. Дюгуровъ),
къ которому онъ явился для подачи прошенія о поступленіи въ уни-
верситетъ—ректоръ столичнаго русскаго университета, не говорившій
по русски. Первый вопросъ, съ которымъ обратился онъ ко мнѣ, раз-
сказываетъ г. Fortunatovъ,—былъ: *quel est votre nom*“? ¹⁾ Въ тяжкихъ
испытаніяхъ, постигшихъ Петербургскій университетъ во времена Ру-
нича, онъ игралъ печальную роль, какъ орудіе реакціи. Наконецъ, от-
мѣтимъ кстати еще одинъ характерный примѣръ его неискренности.
По поводу выбора своего въ ректоры Петербургскаго университета онъ
замѣчаетъ, что въ Харьковѣ онъ отказался отъ этой должности. А. С.
Лебедевъ почти опровергъ это заявленіе, доказавъ, что ни въ одинъ
изъ годовъ за исключеніемъ 1813-го, за который у него не было свѣ-
дѣній, Дюгурова не выбирали въ ректоры. Я также собралъ и предста-
вилъ документальныя данныя о выборахъ, за всѣ годы, въ томъ числѣ
и за 1813 годъ—и оказалось, что Дюгуровъ ни разу не получилъ боль-
шинства голосовъ при выборѣ въ ректоры ²⁾. Вообще можно сказать,
что Дюгуровъ выступаетъ въ своей жизни съ чертами ловкаго често-
любца и карьериста, не стѣснявшагося средствами для достиженія сво-
ихъ цѣлей. Онъ во многомъ чрезвычайно напоминаетъ Стойковича; это
были люди одинаковаго склада и привычекъ, стремившіеся во чтобы то
ни стало держаться въ высшихъ слояхъ общества и умѣвшіе сдѣлаться
пріятными сильнымъ міра сего; Дюгуровъ, напр., былъ очень близокъ
къ гр. Потockому, Дюку-де-Ришелье и т. п.

Третій французъ—Паки-де-Совиньи—представлялъ изъ себя совер-
шенно ничтожную личность и служилъ предметомъ всеобщихъ насмѣ-
шекъ. „Несравненно ниже Дюгура, пишетъ Роммель, стоялъ мой адъютантъ,
Николай Паки-де-Совиньи, когда-то аббатъ. Во время пребыванія въ
Польшѣ онъ вступилъ въ мorganатическій бракъ съ такъ называемою
польскою графинею и теперь въ домѣ у него шло все безпорядочно“.
„Одинъ изъ старожиловъ Харьковскаго университета рассказывалъ
Н. И. Максиму о странностяхъ въ обращеніи его со своею аристо-
кратическою женою, которыя доходили до того, что де-Совиньи по утрамъ
являлся къ ней пить чай не иначе, какъ во фракѣ, и обращался съ

¹⁾ Ibidem, стр. 135.

²⁾ Настоящее соч., стр. 212—214, 339.

фразою: „bonjour, madame de-Sauvigny“, на что супруга отвѣчала: „bonjour, monsieur de-Sauvigny“. Затѣмъ слѣдовали взаимные комплименты, любезности—какъ будто между любезною хозяйкою и интереснымъ молодымъ человѣкомъ, видящимся въ первый разъ. И это повторялось неизбѣжно каждый день въ теченіи долгой жизни. Оба они умерли въ глубокой старости. Много также смѣшного рассказываютъ про его отношенія къ студентамъ, которые въ насмѣшку устраивали въ честь его оваціи, провожая его, напр., послѣ лекціи по городу со свѣчами. Добрый оригиналъ, принимая все это за чистую монету, приходилъ въ восторгъ“. „Паки-де-Совиньи, какъ и нѣкоторые другіе, справедливо замѣчаетъ Н. А. Лавровскій, будучи нимало не замѣчательнъ самъ по себѣ, интересенъ только потому, что свидѣтельствуетъ своею личностію о тѣхъ путяхъ, по которымъ проходило тогда образованіе въ нашихъ провинціяхъ¹⁾).

О четвертомъ французѣ — профессорѣ ботаники Делявинѣ мы находимъ слѣдующую характеристику у Роммея: „это былъ прежній аббатъ, старикъ простой, безъ претензій, чуждый всѣхъ интригъ, но какъ ходила молва, очень скупой; помню, какъ однажды онъ крупно поспорилъ съ ректоромъ Стойковичемъ за то, кому пользоваться травой изъ огромнаго ботаническаго сада. Объ этомъ спорѣ сохранилось въ журналахъ правленія подлинное дѣло—и оно настолько характерно, что мы цѣликомъ воспроизведемъ его въ примѣчаніи²⁾. Здѣсь же только

¹⁾ Жур. Мин. Нар. Просв. 1872, февраль, стр. 231.

²⁾ Вотъ его текстъ. „Слушали предложеніе Его Сіятельства г. Министра Народнаго Просвѣщенія и кавалера графа Алексѣя Кирилловича Разумовскаго слѣдующаго содержанія. Профессоръ естественной исторіи и ботаники при семъ университетѣ Делявинъ проситъ дать ему: 1-е, небольшое мѣсто для произрастенія овощей въ необработанной части дуга и 2-е, траву, собираемую на дугу и въ англійскомъ саду, смежныхъ съ ботаническимъ садомъ, нѣкоторымъ образомъ принадлежащихъ оному и нужныхъ для развода деревъ, которыя не могутъ расти въ саду по причинѣ песчаной почвы его, покрытой не болѣе одного фута черноземомъ. Господинъ Делявинъ основываетъ свое прошеніе на существующемъ во всѣхъ университетахъ обыкновеніи и на необходимости, въ которой находится, — содержать лошадей, по причинѣ, что принужденъ жить близъ саду и слѣдовательно, въ отдаленіи отъ университета и кабинета натуральной исторіи, находящагося подъ его надзоромъ. Какъ мнѣ неизвѣстно, можно-ли удовлетворить таковую просьбу профессора Делявина, то предлагаю доставить мнѣ о томъ мнѣніе университета“. Какъ изъ сего предложенія невозможно было усмотрѣть, чего въ точности профессоръ Делявинъ требовалъ, то истребовано отъ него объясненіе, о чемъ именно г. Министра просилъ, въ которомъ объясненіи онъ г. Делявинъ прописалъ, что въ письмѣ его къ г. Министру заключались слѣдующія статьи: 1-е, что нѣтъ ни одного профессора ботаники въ свѣтѣ, по крайней мѣрѣ сколько онъ знаетъ, который-бы не владѣлъ участкомъ земли, или въ самомъ ботани-

замѣтимъ, что Делявинъ обратился прямо къ министру съ ходатайствомъ о разрѣшеніи ему пользоваться травою изъ университетскаго сада и имѣть въ немъ огородъ для своихъ нуждъ. Министерство прислало эту бумагу въ правленіе и потребовало его заключенія по этому вопросу. Правленіе, выслушавъ обширное письменное возраженіе по этому поводу

ческомъ саду, или въ принадлежащихъ къ нему мѣстахъ, для разведенія тамъ огородной овощи, нужной для стола, равно нѣтъ ни одного, который бы не пользовался травою и сѣномъ, собираемыми въ садовыхъ плантаціи и его принадлежностей, или одинъ, или же совокупно съ садовникомъ; 2-е, что въ теченіи девяти лѣтъ нахожденія его профессоромъ ботаники прошедшій годъ въ первый разъ получилъ только около четвертой части того сѣна; 3-е, что съ величайшими трудами и пожертвованіемъ всего его времени перемѣнилъ песчаную площадь въ ботаническій садъ, и развелъ въ ономъ до четырехъ тысячъ разныхъ растений, и безчисленное множество деревь, полученныхъ имъ посредствомъ переписокъ безъ всякихъ со стороны университета издержекъ, кромѣ употребляемыхъ на пересылку денегъ; 4-е, что онъ сберегъ университету въ теченіи 3-хъ лѣтъ по тысячѣ рублей ежегодно, исполняя всѣ обязанности садовника, котораго тогда не имѣли; 5-е, что ботаническій садъ или школа, состоя изъ песчанаго грунта, покрытаго только на полъ аршина землею, ежедневно исчезающею, не можетъ произращать никакого дерева, кромѣ сосны; почему не остается другого мѣста для разведенія европейскихъ и американскихъ лѣсныхъ деревь, кромѣ англійскаго сада, и что лугъ есть единственное мѣсто, на коемъ можно разводить водяныя и морскія растенія и деревья, слѣдовательно, сіи два мѣста должны пополнить ботаническій садъ; 6-е, что обязанъ будучи жить подлѣ сада и быть въ университетѣ, не можетъ обойтись безъ лошадей, что должность его налагаетъ на него гораздо болѣе обязанностей, нежели на другихъ профессоровъ, и что онъ находится въ невозможности къ улучшенію его состоянія, взять на себя обученіе какому-либо другому предмету; 7-е, изъяснивъ все сіе, онъ просилъ Его Сіятельства уважить справедливыя его жалобы, которыя принесли непозволила ему до сихъ поръ одна любовь къ спокойствію, но несчастіе настоящаго времени извлекло оныя изъ его сердца; 8-е полагаясь на справедливость, безкорыстіе и благорасположеніе правленія, онъ ни мало не сомнѣвается, чтобы оно не дало Его Сіятельству благосклоннаго мнѣнія въ пользу самаго преданнаго изъ своихъ сочленовъ. А по справкѣ оказалось: 1-е, что г. профессоръ Делявинъ занимаетъ въ нижнемъ лугу подлѣ ботаническаго сада вмѣстѣ съ садовникомъ довольно странное мѣсто для разведенія огородныхъ овощей нужныхъ для его стола. 2-е, что въ прошломъ 1811 году по положенію правленія, записанному въ журналъ оного года іюля 10 дня, изъ кошеннаго въ садахъ университетскихъ сѣна, состоявшаго изъ 130 копенъ, вѣсомъ всѣмъ въ 1040 пудовъ, дана г. Делявину $\frac{1}{3}$ часть, другая садовнику, а третья оставлена для казенныхъ лошадей и воловъ, кошенное же въ прошлыхъ годахъ сѣно не годилось къ употребленію; 3, что для доставленія въ ботаническій садъ разныхъ деревьевъ и растеній посылаемы были отъ сего правленія въ 1805 году бывший адъютантъ ботаники Каретниковъ въ Крымъ, въ 1807 году экзекуторъ Анадолюскій съ помощникомъ садовника Стровальдомъ въ Бѣлоцерковъ къ графинѣ Браницкой и въ прошломъ 1811 году садовникъ Бартельсъ въ Горенку. Сверхъ сего прислано отъ Его Сіятельства попечителя нѣ-

ректора Стойковича и заявленіе проф. Книгина, высказалось противъ хода тайства Делявина и предлагало только отвести ему 3 десятины сѣнокоса, чтобы онъ могъ кормить своихъ лошадей, которыя ему были необходимы въ виду дальности разстоянія университетскаго сада отъ университета (а онъ долженъ былъ бывать и тамъ, и тамъ). Хотя едва ли можно

сколько растений и сѣмянъ изъ С.-Петербурга. Отъ корреспондентовъ же г. Делявина, а именно—отъ директора Горенскаго ботаническаго сада Фишера, садовниковъ Деритскаго университета и Кременецкой гимназіи получаются иногда тѣчки съ разными сѣменами, и взаимно отправляются къ нимъ сѣмена разныхъ растений и цвѣтковъ, произрастающихъ въ здѣшнемъ ботаническомъ саду; 4-е, какъ еще въ 1806 году г. Делявинъ представлялъ какъ правленію, такъ и г. попечителю, что земля, отведенная подъ ботаническій садъ, имѣетъ весьма худую почву, на коей деревья не могутъ произростать, то въ 1808 году для разведенія школы фруктовыхъ деревъ отведено и огорожено мѣсто въ англійскомъ саду близъ колодезя, и что для распространенія таковой школы, г. Делявинъ не требовалъ никогда отъ правленія другого мѣста; 5-е, что подъ присмотромъ г. ректора Стойковича въ англійскомъ саду посажено нѣсколько тысячъ деревъ въ ректорство покойнаго профессора Рижскаго подъ его смотрѣніемъ, а наибольшая часть деревъ, а именно болѣе 22000 съ 1807 года по сіе время посажено подъ присмотромъ г. ректора Стойковича; 6-е, что прошлаго 1811 г. ноября 20 дня вслѣдствіе предложенія Его Сіятельства г. Министра о прекращеніи производимыхъ на англійскій садъ издержекъ между прочимъ симъ правленіемъ положено поеліку въ университетскомъ англійскомъ саду сдѣлано нѣсколько алей и дорожекъ, кои требуютъ ежегодныхъ исправленій; оставить же ихъ въ запустѣніи было бы не прилично, и какъ англійскій садъ занимаетъ весьма много пространства, на коемъ накашивается каждый годъ значительное количество сѣна, то дабы не оставаться симъ аллеямъ въ запустѣніи, распорядиться такимъ образомъ, чтобы означенное сѣно всякій годъ отдавать на скося желающимъ и вырученныя за сіе деньги употреблять на исправленіе аллей и дорожекъ; при сужденіи же бывшемъ по поводу сего предложенія иностранные профессора отозвались, что въ тамошнихъ университетахъ профессора ботаники нигдѣ не имѣютъ огородовъ для разведенія овощей для ихъ стола, а тѣмъ менѣе сѣнокосовъ для лошадей; и между тѣмъ и ректоръ и кавалеръ Стойковичъ и профессоръ и кавалеръ Книгинъ подали свои сужденія о семъ особо, въ коихъ изъясняли. *Первый.* Г-нъ профессоръ Делявинъ говоритъ, что нѣтъ ни одного профессора ботаники въ свѣтѣ, который бы не владѣлъ участкомъ земли, принадлежащимъ ботаническому саду, для разведенія тамъ овощей для своего стола, я же знаю профессоровъ ботаники въ Пестѣ, въ Геттингенѣ, въ Галѣ, въ Лейпцигѣ, въ Іенѣ и въ Вѣнѣ, изъ которыхъ ни одинъ не имѣетъ такого рода земли; впрочемъ, профессоръ, говоря сіе, сказалъ неправду, потому что онъ въ самомъ дѣлѣ занимаетъ въ нижнемъ лугу подъ садомъ ботаническимъ вмѣстѣ съ садовникомъ довольно хорошее мѣсто для разведенія такихъ овощей и, слѣдовательно, не имѣлъ причины больше требовать. А что ему половина участка сего должна быть достаточна, то явствуетъ изъ сего, что садовникъ, имѣя жену и трехъ дѣтей, довольствуется половиною своею и нѣкоторую даже часть продаетъ, у г-на же профессора нѣтъ ни жены, ни дѣтей. Относительно травы и сѣна, упоминаемыхъ въ семъ пунктѣ, г. профессоръ никогда не

признать совершенно правильными и точными всѣ замѣчанія Стойковича по адресу Делявина — многія изъ нихъ продиктованы, очевидно, соперничествомъ и нерасположеніемъ этихъ двухъ лицъ другъ къ другу, причемъ ловкій, искусный діалектикъ Стойковичъ совершенно, что называется, забилъ простачка Делявина — однако въ общемъ документъ

можетъ доказать, чтобы гдѣ нибудь профессоръ ботаники имѣлъ право косить сѣно въ сада ботаническаго. Что же касается до самого сего сада, огороженного у насъ, то г. профессоръ съ начала университета всегда въ немъ косилъ безъ всякаго прекословія; но дозволить ему косить въ англійскомъ саду, имѣющемъ въ себѣ 29 десятинъ, и въ нижнемъ дугу, содержащемъ въ себѣ 6 десятинъ, то есть дозволить ему косить 35 десятинъ, это кажется слишкомъ много; и съ тѣхъ поръ какъ университетъ существуетъ, нікогда небывало. 2) Въ теченіи 9 лѣтъ, онъ только говорить прошлаго года получалъ четвертую часть сѣна. Здѣсь надобно замѣтить правленію, что прошлые года сѣно и неупотребляемо было, и такъ было дурно, что и волаы университетскіе не хотѣли онаго употреблять. Но когда я по приказанію г. попечителя далъ косить нѣсколько разъ въ одномъ году сіи мѣста, и когда подъ присмотромъ моимъ всякій негодный бурьянъ былъ истребленъ, то въ прошломъ году сѣно довольно хорошее показалось, и онъ г. профессоръ получилъ безсомнѣнно въ первый разъ себѣ (пбо прежде негодилось, какъ то всѣмъ извѣстно) но получилъ не четвертую, а третью часть, какъ то равнымъ образомъ всѣмъ извѣстно. Члены сирѣчь правленія по моему предложенію положили, чтобы одну треть профессору, одну треть садовнику и одну треть для казенныхъ лошадей и воловъ. Я здѣсь не говорю о томъ, что правленіе одно заплатило за всю косовицу и профессоръ Делявинъ съ садовникомъ побрали свои части даромъ, но то долженъ замѣтить, что г. профессоръ бралъ свою часть почти насильственно и билъ даже солдата университетскаго, которому приказано было до раздѣленія никому не давать сѣна. Последнее обстоятельство не согласно съ объясненіемъ г. профессора, гдѣ онъ говоритъ, что онъ любитъ миръ. 3) Если г. профессоръ развелъ ботаническій садъ, то это была его должность, такъ какъ профессора физики есть должность учредить физическій кабинетъ, профессора технологій—технологическій кабинетъ и проч.; относительно же до безчисленнаго множества деревъ, которыхъ г. профессоръ безъ всякихъ издержекъ университета посадилъ, я долженъ отвѣчать, что это мнѣ неизвѣстно, и вѣрно ни одному изъ членовъ университета, пбо сіе безчисленное множество деревъ и не существуетъ у насъ; правда, что есть много акацій и пѣкая часть раннъ, но развѣ забылъ г. профессоръ, что университетъ посылалъ въ Крымъ бывшаго адъютанта ботаники Каретникова, который ихъ привезъ? развѣ онъ забылъ, что садовникъ посылаемъ былъ за Кіевъ къ графинѣ Враницкой съ письмомъ графа попечителя, развѣ забылъ, что прошлаго же года еще садовникъ былъ посылаемъ въ Горенку для получения растений изъ сада Его Сіятельства г. Министра и неужели это ничего не стоитъ университету? Ноужели все сіе только переписками его г. профессора сдѣлано? Если же г. профессоръ объ англійскомъ садѣ говорить, въ которомъ посажено около 34000 деревъ, такъ я прошу правленіе довести до свѣдѣнія г. Министра, что мнѣ препорученъ былъ англійскій садъ отъ попечителя, а не г. профессору, и что я посадилъ въ немъ 27 тысячъ деревъ, а не онъ, какъ сіе можно видѣть изъ журналовъ правленія. Прочіе нѣсколько тысячъ были посажены еще

этотъ вполнѣ подтверждаетъ показанія Роммеля о скупости Делявина, который, очевидно, только подъ вліяніемъ этой слабости затѣялъ столь несимпатичное и способное набросить на него тѣнь ходатайство.

Среди профессоровъ нѣмецкаго происхожденія выдавался своимъ энергичнымъ и дѣятельнымъ характеромъ профессоръ ветеринарныхъ

въ ректорство покойнаго Рижскаго, а наконецъ, по приказанію г. попечителя прежній садовникъ и теперешній нѣсколько сотенъ посадивъ кругомъ около деревянныхъ усадебъ различныя маленькіе кустовъ, для украшенія помянутыхъ усадебъ. 4) Какъ можно было г. профессору сказать, что онъ втеченіи 3-хъ лѣтъ сберегъ университету по тысячѣ рублей, это для меня непонятно. Университетъ никогда не былъ безъ садовника; это извѣстно всѣмъ членамъ правленія, которые отпустили прежняго садовника по приѣздѣ нынѣшняго. Я говорю о Стровальдѣ, который сначала университета находился при садѣ ботаническомъ, правда, какъ вторичный садовникъ, но по немнѣшнѣе лузшаго, онъ все то исполнялъ, что ему приказывано было, къ чему же служить сказать, что онъ сберегъ университету 3000 рублей? Я бы съ большимъ правомъ могъ сказать, что я сберегъ университету 6000 рублей, потому что я занималъ кафедру профессора сельскаго хозяйства три года, однако я о семъ ничего не говорю, не есть дѣло профессора судить о своихъ заслугахъ, а кажется лучше предоставить сіе совѣту университета, попечителю, однимъ словомъ высшему начальству. 5) Въ англійскомъ саду еще по приказанію г. попечителя находится уже нѣсколько лѣтъ огорожено нарочно опредѣленное мѣсто для школы деревъ. Почему же о семъ умолчалъ г. профессоръ въ письмѣ своемъ къ г. Министру? Сіе мѣсто усажено ли, и ежели усажено на что другое мѣсто? Онъ забылъ, что нарочно и колодезь съ большими издержками вырытъ при самой школѣ. Что я посадилъ 300 фруктовыхъ деревъ въ мое ректорство, это я знаю и правленію извѣстно, потому что оно за деревья заплатаю, но посадилъ ли что нибудь г. профессоръ въ сей школѣ, не знаю. Изъ сего слѣдуетъ, что сіе мѣсто надобно прежде обсадить совершенно и послѣ требовать новаго мѣста. Но и въ семъ случаѣ правленіе никакъ не можетъ дозволить, чтобы въ англійскомъ саду и на лугу садить деревья фруктовыя, во-1-хъ, потому, что оно обезобразить весь садъ своею огорожею; безъ огорожи же негодится, потому, что англійскій садъ публичный садъ, во-2-хъ, потому, что ни одно изъ сихъ мѣстъ негодится для предполагаемаго намѣренія профессора, ибо всѣ мѣста сіи суть высоки и имѣютъ худую почву, самое же лучшее въ англійскомъ саду мѣсто, есть то, гдѣ школа находится. Относительно же до лугу находящагося съ другой стороны ботаническаго сада, на коемъ по мнѣнію профессора, можно разводить водяныя и морскія растенія и деревья, не угодно ли правленію опрссить г. профессора, сколько онъ водяныхъ и морскихъ растеній и деревъ втеченіи 9 лѣтъ развелъ тамъ? Кто же ему въ семъ препятствовалъ? Ежели онъ могъ развестъ съ садовникомъ садъ огородный собственный, не спросая у правленія о позволеніи, почему-же не разводить деревъ и растеній, на кои не нужно было позволенія? Профессоръ заключаетъ, что сіи два мѣста должны пополнить ботаническій садъ, но ботаническій садъ не больше имѣетъ какъ три десятины, пополнить же три десятины 35 кажется не естественно.—Ботаническій садъ есть совершенно отдѣленная часть отъ сихъ двухъ частей и особливою оградой отдѣлена по желанію профессора, профессоръ до того не хотѣлъ заниматься

наукъ Пилгеръ. Это былъ вообще выдающійся человѣкъ во всѣхъ отношеніяхъ. Въ особенности онъ славился, какъ практическій врачъ; а между тѣмъ врачебная практика ему была запрещена, потому что онъ не могъ представить диплома на званіе врача. Роммель называетъ его „гениальнымъ ветеринаромъ и медикомъ“. „Хотя практика, говорить

англійскимъ садомъ, что попечитель принужденъ былъ предложить бумагою въ совѣтъ, чтобы мнѣ предоставить присмотръ за англійскимъ садомъ. Откуда же теперь желаніе пришло заниматься имъ, когда онъ уже готовъ есть? Здѣсь, очевидно, не деревья суть желаніе его. 6) Г. профессоръ говоритъ, что не можетъ обойтись безъ лошадей, но извѣстно, что всѣ профессора имѣютъ лошадей. Онъ говоритъ, что долженъ жить подлѣ сада, но извѣстно, что онъ тамъ живетъ не по сей причинѣ, а потому, что домъ купилъ недалеко отъ сада дешевою цѣною, прежде же покупки дома не только близъ сада не жилъ, а даже въ послѣднія времена за Лопанью. Можно-ли хладнокровно читать сіи несправедливости, писанныя профессоромъ ординарнымъ и кому же? министру просвѣщенія! Я не понимаю, какъ онъ сіе могъ писать; г. профессоръ говоритъ, далѣе, что онъ имѣетъ болѣе обязанностей, нежели другіе, я въ семъ съ г. профессоромъ не соглашаюсь, потому что, есть науки, которыя больше требуютъ трудовъ, нежели его часть. Что же касается достоянія его, которое онъ улучшить не можетъ, взявъ на себя обученіе по какому-либо другому предмету, то сколько мнѣ извѣстно, и другіе профессора не обучаютъ другому предмету, состояніе же профессора Делявина, ежели изытіе сдѣлать одного или двухъ, лучше всѣхъ прочихъ. Впрочемъ желательно бы знать, какой предметъ онъ выбираетъ для обученія. 7) Любовь къ спокойствію, о которой онъ говоритъ въ 7-мъ пунктѣ объясняется всѣмъ, что и до сихъ поръ говорилъ. Есть профессора у насъ, которые, имѣя много дѣтей, издерживаютъ все свое жалованье и продаютъ собственныя драгоценности одну за другою для того только, чтобы въ настоящее время прожить могли. Но г. профессору Делявину не пристойно жаловаться на несчастіе временъ. 8) Въ семъ пунктѣ г. профессоръ говоритъ о безкорыстїи правленія. Сіе такъ же для меня непонятно, поскольку я не знаю, чѣмъ досихъ поръ правленіе показывало свое корыстолюбіе. Отвѣчая такимъ образомъ на всѣ пункты г. профессора, да дозволено мнѣ будетъ приобщить къ сему мое мнѣніе. Г. профессоръ Делявинъ есть членъ университета, живетъ въ Россіи и долженъ бы прежде, нежели утруждать Его Сїятельство г. Министра таковыми несправедливыми просьбами, представить прежде о нуждахъ своихъ и о намѣренїяхъ правленію, а въ случаѣ ежели бы недоволенъ былъ рѣшеніемъ правленія, совѣту университета; тогда бы только, когда мнѣніе совѣта согласовалось съ мнѣніемъ правленія, тогда бы, говорю, могъ бы онъ отнестись къ г. министру, но и тогда съ правдою, зная, что дѣло идетъ о чести чиновниковъ университетскихъ, которую ученые всегда столько же, сколько и жизнь почитали. Но въ правленіи о семъ никакой бумаги его не находится, впрочемъ, правленіе не могло бы къ сему приступить по вышеказанному мною причинамъ и должно бы было отнестись къ Его Сїятельству со своимъ мнѣніемъ. Г. Профессоръ Книшъ. Просиное г. профессоромъ Делявинымъ мѣсто близъ ботаническаго сада для разведенія фруктовыхъ деревьевъ состоитъ изъ 35-ти десятинъ; большая часть его уже хотя съ великимъ трудомъ нѣсколько обработана и обращена въ довольно хорошій англійскій садъ, а нѣкоторая для школы де-

онъ, была ему запрещена, но онъ своимъ счастливымъ, простымъ и нѣсколько лошадинымъ лѣченіемъ возбуждалъ зависть всѣхъ учениковъ Эскулапа, былъ въ постоянныхъ сношеніяхъ съ помѣщиками и другими окрестными паціентами, получалъ отъ нихъ щедрые подарки разными деревенскими продуктами. Къ сожалѣнію, большую часть времени онъ проводилъ въ саркастическихъ выходкахъ противъ своихъ факультет-

ревьевъ. Поеліку мѣсто сіе расположено по высокой горѣ и имѣть почву земли столь худую, что университету стоило много развести на немъ самыя обыкновенныя здѣшной страны деревья, и притомъ воды вблизи никакой не имѣть, то на такомъ мѣстѣ разводить фруктовый садъ было бы сопряжено съ безчисленными издержками и безъ малѣйшаго успѣха. Для ботаническаго сада г. профессоръ имѣть теперь три десятины и почва сего мѣста несравненно лучше, лежитъ при подошвѣ горъ и близъ воды и при томъ, имѣя прежде довольно хорошую почву, частымъ поправленіемъ почвы его не приведено еще въ должное совершенство; то что должно сказать о томъ мѣстѣ, которое онъ требуетъ? Поеліку почва ботаническаго сада годъ отъ году улучшается, и судя по пространству его, не прибавляя къ нему больше ни мѣста, ни издержекъ, можно современемъ развести удобно всѣ тѣ растенія, которыя въ семъ климатѣ произрастать могутъ. Мнѣ кажется, что онъ услугу свою на тотъ конецъ предлагаетъ, чтобы получать ежегодно съ просимаго имъ мѣста сѣно, потому что къ исполненію его плана, чтобы развести фруктовыя деревья въ мѣстѣ сухомъ и безводномъ, не имѣя на то великой суммы и приступить не возможно. Желаніе его имѣть достаточно сѣна нѣсколько и справедливо, такъ какъ онъ долженъ надсматривать за ботаническимъ садомъ и оттуда ходить версты полторы въ университетъ на лекціи, то судя по отдаленности сада отъ университета и великой при маломъ дождѣ города грязи безъ экипажа быть ему нельзя, и поеліку онъ тому не причиною, что садъ далеко, и что весьма часто бываетъ въ городѣ непроходимая грязь, то уваживъ сіи послѣднія обстоятельства, по моему мнѣнію, для облегченія содержанія двухъ лошадей, должно ему сдѣлать нужное пособіе, а именно отвести ему одинажды навсегда въ просимомъ имъ мѣстѣ десятины двѣ или три сѣнокоса съ тѣмъ однакоже, чтобы находящіеся тамъ деревья были сохранены и новыя, ежели того потребуетъ нужда, были разсаживаемы. *Приказали:* какъ изъ вышепронисанной справки явствуется, что требованія г. Делявина нѣкоторыя не основательны, а другія превышаютъ возможность удовлетворить имъ, то съ прописаніемъ этой справки донести Его Сіятельству управляющему министерствомъ просвѣщенія, что правленіе въ уваженіе того, что г. Делявинъ живетъ близъ сада въ удавленіи отъ университета и для поѣздокъ въ университетъ, надобно ему имѣть лошадей, а буде-бы продавъ домъ сталъ жить ближе къ университету, то для поѣздокъ въ садъ лошади нужны будутъ, положить отвести для него три десятины сѣнокоса, съ тѣмъ чтобы онъ нанимая самъ работниковъ собиралъ сѣно для прокормленія лошадей. 2) Что ежели г. Делявинъ, насадивъ мѣсто, данное прежде для школы фруктовыхъ деревьевъ, пожелаетъ взять на себя трудъ завести другую школу фруктовыхъ деревьевъ или насадить нижній лугъ морскими и водяными растеніями, то правленіе отведетъ ему на сіи предметы самыя выгоднѣйшія мѣста⁴. (Харьк. унив. архивъ. Журн. правл. 1812 г., май—августъ, засѣданіе 19 іюля).